2922a076-ca59-48a9-bf3c-d16a1fd6c117 out

Unknown

SHOUT
SHARE
IT

•

Ночная кукушка

АВТОР: rakugan

БЕТА: Nadalz

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ/ПЕЙРИНГ: Минерва, Волдеморт

РЕЙТИНГ: R

КАТЕГОРИЯ: het

ЖАНР: drama, romance

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: АУ-шное сайд-стори к "Игроку"

АВТОРСКИЙ ЖАНР: притча с открытым финалом.

Написано на Битву "Канон vs АУ" на Астрономической башне, тема - "Право на выбор".

Огромная моя благодарность принадлежит сокомандникам, которые очень помогали советами и комментариями, куратору Lenny, которая проявила море понимания и терпения, а также чудесной Nadalz, которая замечательно отбетила этот текст.

Также посвящается Галадриэли (разговоры с которой легли в основу этого текста) с любовью и благодарностью.

И не могу не сказать, как я благодарна Sschwarzz, нарисовавшей иллюстрацию к тексту.

Пролог

Письмо пришло в двенадцатом часу, когда она уже легла и потушила свет. Сова ударилась в стекло с негромким стуком, будто кто-то бросил снежок. Нащупав на стуле сброшенную шаль, Минерва накинула ее на плечи и встала.

Оконная рама примерзла и не сразу поддалась движению палочки. Снаружи шел снег — мелкий, колючий, он ложился на подоконник с сухим шорохом. Впрочем, там, где топталась сова с привязанным к лапе письмом, снег смело взмахами крыльев, и на белой ровной поверхности осталось темное пятно.

Впустив птицу, она отвязала свиток и зажгла свечу. Письмо было не запечатано, а просто перевязано тонким зеленым шнуром с серебряной нитью. Повинуясь касанию палочки, шнур змейкой соскользнул на стол. Лист пергамента, плотный и словно чуть восковой — из-за чар, защищавших от дождя и снега, — мгновенно развернулся, едва его освободили от пут.

По листу наискосок бежали строчки, написанные фиолетовыми чернилами. Почерк казался смутно знакомым, но, лишь дочитав до середины, она наконец вспомнила, где уже видела эти высокие острые буквы *d* и небрежные *l*. Письмо было совсем короткое:

Дорогая Минерва,

не стану тешить себя надеждой, что ты помнишь тот наш разговор почти десятилетней давности, когда я предлагал тебе работу. Тогда ты ответила отказом, что меня очень расстроило. На случай, если за это время ты вдруг поменяла мнение, хочу сказать, что место все еще вакантно. Условия остаются прежними, но оклады в лаборатории выросли с тех пор вдвое — цены постоянно идут вверх, а я не хочу, чтобы мои люди испытывали недостаток в средствах.

Как твои дела? Надеюсь, все хорошо. У меня все благополучно, если не считать дрянной погоды, которая действует мне на нервы. Но над ней я, к сожалению, пока не властен.

Как поживает Мартин? Я слышал, он сейчас доцент в Массачусетском институте теоретической магии. Нравится ли ему в Америке?

Свой ответ отправь с этой же совой.

Л. В.

В первое мгновение она не почувствовала ничего, кроме ярости. Как он смеет? Как у него хватает наглости?.. Даже руки задрожали. Она уже готова была схватить перо, чтобы написать резкий ответ, но все же остановилась. Он упомянул Мартина... Откуда он знает, что Мартин в Сэйлеме?! Это слежка? Намек, что

за ее семьей наблюдают и что Мартин — удобная мишень в случае чего?

Что ж, зато теперь уже не чувствовалось, как дует от окна, — ее бросило в жар. Она принялась расхаживать по комнате, думая, что теперь делать, что может означать это бесцеремонное послание, что за ним кроется... Сова с подоконника следила за ней, поворачивала голову из стороны в сторону, топталась, топорщила перья. Остановившись, Минерва наколдовала клетку и, ловко ухватив сову, засунула ее туда. Потом накинула домашнюю мантию, надела туфли и вышла из спальни.

В коридорах школы было настолько холодно, что после теплой комнаты ее начала бить дрожь. Она почти бежала, обхватив себя руками за плечи, чтобы согреться, а рядом в темных окнах мелькало ее размытое отражение. На повороте к директорскому кабинету окон уже не было — глухая стена, — так что отражение осталось где-то позади, а ее саму встретила равнодушным пустым взглядом каменная горгулья.

— Ванильное мороженое!

С режущим уши скрипом серая громада отъехала в сторону, открывая спиральную лестницу. Толстая дубовая дверь кабинета была приоткрыта — будто ждали... Минерва постучала и, услышав ответ, вошла.

Альбус, должно быть, уже собирался ложиться. Он сидел за столом в теплом малиновом халате, из-под которого виднелась белоснежная ночная рубашка. Тщательно расчесанная борода лежала на груди серебристым облаком. При виде Минервы директор поднялся и придвинул к столу кресло. Потом вернулся к шахматной доске, задумчиво оглаживая бороду.

— Королева на f6... Минни, садись, прошу.

Минерва опустилась в кресло, держа в руках свиток. Белая королева на доске шевельнулась и переместилась на несколько клеток.

— Ну-у, — укоризненно протянул Финеас Блэк, облокотившийся на раму своего портрета и не отрывавший взгляда от доски. — Ты же подставляешься под мою ладью, Альбус, как можно?

— Таков мой коварный план, — сообщил ему Дамблдор, улыбаясь.

— Надеешься разменять королеву и заманить меня в ловушку? Что ж, посмотрим, как это у тебя выйдет... Ладья на f6.

Черная массивная ладья величественно двинулась со своей клетки и протаранила белую королеву. Та упала, и ладья вытолкала ее с доски.

— Ответный ход завтра, если не возражаешь, — сказал

Дамблдор со вздохом и отодвинул доску в сторону. — Как видишь, ко мне пришла дама.

— Даже не надейся, — строго сказал Блэк, — что мы, — он обвел широким жестом портреты других директоров Хогвартса, — оставим тебя с ней наедине. Ты известный ловелас, а Минерва еще слишком молода и наивна, чтобы распознать твои козни.

Против воли она улыбнулась.

— Если бы это вправду было так...

— С высоты моих лет, юная леди, — сказал Блэк, — я имею право давать вам советы. Не поддавайтесь чарам Альбуса, он страшный лицемер.

— Финеас, — Дамблдор вздохнул и извлек из шкафа начищенный до блеска чайник, который подвесил прямо в воздухе над наколдованным огнем, — может, ты все-таки дашь нам поговорить спокойно?

Блэк пожал плечами и, развернувшись, куда-то исчез со своего портрета.

В клетке за директорским столом огненно-алый феникс сонно потоптался на жердочке и опять задремал, нахохлившись.

— Какого тебе заварить чаю? — спросил Дамблдор, словно не видел ничего странного в ее полуночном визите.

— С жасмином, — ответила она, подумав.

В кабинете директора все было так привычно и просто, что ты забывал, как еще минуту назад мог чего-то бояться. Здесь все становилось ясным и четким, определенным, логичным, словно кто-то постепенно, но неотступно разматывал спутанный клубок твоих мыслей, превращая его в ровную и прямую нить.

Подвешенный в воздухе чайник засвистел, из его носика поднимался пар. Второй чайник, фарфоровый, возник на краю стола; серебряная ложечка принялась бойко сыпать в него скрученные черные листочки чая из коробочки. Когда в чайник с шумом полился кипяток, в кабинете запахло жасмином. Дамблдор протянул Минерве белую с синим чашку с обжигающе горячей жидкостью, пододвинул молочник. Потом налил чаю и себе — на усах тут же осели капельки пара.

— Неплохо, правда? — он улыбнулся Минерве так беззаботно, словно не замечал ее напряжения.

Она протянула директору свиток пергамента.

— Посмотрите, какое мне пришло письмо.

По мере чтения брови Дамблдора поднимались все выше. Потом он вдруг рассмеялся:

— Узнаю стиль Тома. "Погода мне пока не подчиняется". Надо полагать, все остальное уже давно в его власти... Что ж, у него всегда был несколько вымученный юмор. Как у человека,

который на самом деле не понимает шуток, но очень старается это скрыть. И зачем же, Минни, ты принесла мне этот документ?

— Как вы думаете, — спросила она напрямую, — упоминание Мартина — это угроза?

— М-м...

Дамблдор задумчиво сложил пальцы домиком.

— Намек, — сказал он наконец. — Не думаю, что серьезный. Том сейчас слишком увяз в британских делах, чтобы разыскивать кого-то за океаном. Но, несомненно, он рассчитывал выбить тебя из колеи.

— Откуда он знает?!

— Мало ли... Твой сын мог поделиться сведениями об отъезде с друзьями, с однокашниками по Академии трансфигурации. Кто знает, какие люди его слушали...

— Мне нужно предупредить его. Пускай будет осторожнее.

— Несомненно, — согласился Дамблдор. — Но вряд ли ему сейчас грозит опасность.

Она немного расслабилась. Даже смогла отпить глоток чая.

— Я не собираюсь отвечать, не хочу тратить на это время. Сам как-нибудь догадается, что получил отказ. Но сову, я думаю, нужно выпустить. Мы могли бы проследить за ней…

— Не уверен, что это удастся.

Дамблдор о чем-то думал, не глядя на Минерву. Рассеянно взял чашку и задержал ее у губ.

— Что же до ответа... Мне кажется, Минни, тебе действительно стоит отправить письмо. Но не с отказом, а с согласием.

— Что?!

Она чуть не выплеснула на себя чай.

— Да вы понимаете, что говорите?!

Дамблдор вежливо протянул ей коробку с печеньем.

— Альбус, — спросила она, — чем вы угощали меня в прошлый раз?

— Наливкой из ежевики, — мгновенно ответил он. — Ты еще сказала, что на твой вкус она слишком сладкая.

— Верно. А...

— Минни, — директор вздохнул, — это действительно я, а не кто-то, принявший мой облик. Можешь не проверять.

— Значит, вы временно сошли с ума. Тогда я, пожалуй, пойду, а к разговору мы вернемся утром, если...

— Если только на меня до тех пор не наденут смирительную рубашку и не увезут в Мунго. Ты это хотела сказать? Нет, Минни, я в своем уме… и ничуть не меньше, чем обычно. Хотя, конечно, некоторые бы сказали, что я и в лучшие свои дни дам фору

любому мартовскому зайцу.

— Я сама начинаю склоняться к этой мысли, — резко ответила она. — А если это шутка, Альбус, то неудачная. Представьте, мне ни капельки не смешно.

— Мне тоже.

— Значит, вы всерьез хотите, чтобы я согласилась на предложение Тома? Перешла на его сторону?!

— Именно, — Дамблдор внимательно смотрел на нее через очки-полумесяцы.

Она больше не могла сидеть на месте, так что встала и принялась расхаживать по кабинету.

— Это не имеет смысла. Очевидно, что предложение — ловушка. Из меня выжмут все, что мне известно, потом прикончат, а труп подбросят вам в качестве подарка на день святого Валентина. Знаете же, как *они* любят такие шуточки...

— Минни, если бы Том хотел до тебя добраться, он бы нашел сотню более простых способов. И ты это прекрасно понимаешь.

— Тогда с какой целью он мне написал?

— Я думаю, что в порядке исключения он в этот раз сказал правду. Он хочет заполучить тебя на работу. Я, конечно, не могу поручиться, чем именно занята его лаборатория, — как ты понимаешь, статей в "Трансфигурации сегодня" они не публикуют. Но из того, какие ученые внезапно, по словам их семей, уехали отдохнуть на год-другой в Испанию или утратили интерес к науке, я могу предположить, кого именно Том угрозами или посулами заставил на себя работать. А отсюда можно вывести и направления исследований. Ему действительно нужны специалисты, судя по размаху деятельности.

— А у нас теперь агентство по найму персонала?

— Нет. Но я считаю, что, согласившись, ты могла бы принести больше пользы Ордену. Нам не помешает свой человек в непосредственной близости от Волдеморта. Хотя принуждать тебя я, разумеется, не имею права.

— Для чего вам нужен "свой человек"? Для шпионажа? Но Том не дурак. Он сразу поймет, что мои намерения шиты белыми нитками! Как вы думаете, много мне удастся после этого разведать?

— Минни, я не предлагаю тебе поставлять в Орден информацию, — невозмутимо ответил Дамблдор. — И в мыслях не было. Ты думаешь, я не понимаю, что это невозможно?

— Тогда чего вы от меня ждете — диверсии, саботажа? Покушения?..

Она подошла к стулу и села, сцепив пальцы. Кстати, Альбус прав. Это мысль. В Ордене, кроме нее и его самого, пожалуй, нет

людей с нужной квалификацией... Не делать же камикадзе из вчерашних выпускников. Правда, потом люди Тома начнут мстить ее семье. Мартину придется покинуть Сэйлем. Хочется верить, что Альбус сумеет его спрятать...

— Вот что меня беспокоит, — сказала она. — Том сильный волшебник и легилимент, и я не представляю, как смогу подготовить покушение, чтобы он не раскусил меня с первой же минуты. Хотя у вас, наверное, есть идеи на этот счет.

"О Мерлин, — мелькнула несвоевременная мысль, — а кому передать дела факультета? Хотя это мелочи, сейчас это совершенно неважно...".

Дамблдор ответил не сразу.

— Минерва, я не говорил о покушении. Замысел неплох, но... маловероятно, что это удастся.

— Тогда в чем вы на меня рассчитываете? — резко, пожалуй, излишне резко спросила она. — Альбус, я вас не понимаю.

— Попробую объяснить, — он задумчиво вертел в пальцах перо. — Я надеюсь, что ты сможешь оказать влияние. Хоть какое-нибудь. Мы сейчас в очень сложной ситуации, и любой шанс... что-то остановить, во что-то вмешаться. Не знаю. Я даже предположить не могу, если честно.

— За счет чего вмешаться? Как? Том предлагает мне место в лаборатории, а не должность своего исповедника!

— Ну-у, — Дамблдор все не мог оторвать взгляд от пера, — есть разные способы влияния... Не все исчерпывается... э-э...

До нее вдруг дошло, и она рассмеялась, хотя было совсем не до смеха.

— Господи, Альбус, вот на что вы намекаете! Ночная кукушка дневную перекукует, так? Перестаньте уже ходить вокруг да около. Мне не десять лет, вам тем более — могли бы называть вещи своими именами.

— Собственно, — Дамблдор, казалось, с облегчением выдохнул, — что-то такое я и имел в виду, хотя не стал бы формулировать так прямо...

Со стороны портрета Финеаса Блэка донеслось презрительное фырканье. Остальные директора и директрисы Хогвартса с разной степенью убедительности делали вид, что спят.

— Ты что-то хотел сказать, Финеас? — Дамблдор отложил перо.

Блэк, только что вернувшийся на свой портрет, стоял у стола, снимая перчатки.

— Только то, дорогой Альбус, что это полная чушь! Ты начитался магловских романов. Времена, когда королевская фаворитка могла влиять на политику, закончились еще в

восемнадцатом веке. На что ты толкаешь девочку? Торговать собой — ради чего?

— Я уже давно не маленькая девочка, профессор Блэк, — сказала Минерва, не оборачиваясь, — и способна сама принимать решения.

— Ах, какой пафос! Вознамерились принести себя на алтарь спасения Англии от Того-Кого-Нельзя-Называть? Верите, что, проведя с вами ночь, он раскается и сила любви его изменит? Как трогательно… Красавица и чудовище.

— Финеас, — тихо произнес Дамблдор, — я попросил бы тебя воздержаться от сарказма. Поверь, здесь нет наивных дурачков. Никто не говорит, что все будет просто.

— Альбус, — Минерва отставила чашку, — но вы же понимаете, что профессор Блэк прав. Том не слушал и не будет слушать ничьих советов. Моих тем более. Не говоря уж о том, что у него в мыслях нет использовать меня таким образом, как вы говорите.

— Ты очень красива, — галантно заметил Дамблдор.

— Альбус, неужели вы не понимаете, как это сейчас неуместно и бестактно с вашей стороны?!

Она сама не знала, сердиться ей или смеяться. Дамблдор умудрялся говорить самые дикие вещи с таким видом, что они начинали казаться простыми и очевидными. Минуту назад он прямо намекнул ей, что она могла бы стать любовницей Волдеморта, а теперь уже обсуждает ее внешность, будто экстерьер лошади на продажу! И самое ужасное, что на него при этом невозможно всерьез рассердиться…

— Если ему понадобится женщина, думаете, он не найдет себе помоложе и получше? Да любая его поклонница будет на небесах от счастья, стоит пальцем поманить!

— Минерва, я не оспариваю твоего мнения, — Дамблдор подлил ей еще чаю с таким обыденным видом, словно они вели светский разговор о погоде. — Но я тоже немного знаю Тома. Он по своей природе коллекционер. С той разницей, что другие собирают марки, фарфор или редкие растения, а он — людей. Когда-то ты была его невестой, но потом разорвала помолвку. Как ты думаешь, что он должен был испытывать, когда один из первых и самых ценных экземпляров коллекции самовольно ее покинул? Не удивлюсь, если уязвленное самолюбие мучает его до сих пор.

— Прошло уже больше тридцати лет…

— И он дважды или трижды за это время предлагал тебе работать у него. Если это не завуалированное предложение вернуться, значит, я плохой знаток человеческой натуры.

— Это я и так могу сказать, — опять вмешался Блэк. — И не вздумай спорить на Сортировочную шляпу — проиграешь, и придется ее съесть.

Минерва подумала, что сейчас они все старательно маскируют за шутками слишком серьезный — смертельно серьезный — смысл разговора.

— Значит, моя задача, — задумчиво сказала она, — постараться сблизиться с Томом, чтобы, если повезет, оказывать на него влияние. Так?

— Не только, — Альбус внимательно посмотрел на нее. — Кроме этого, ты должна будешь сделать то, что обычно делают принцессы из детских сказок, когда их похищает великан.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Я имею в виду, что тебе нужно будет узнать у Тома, где его смерть…

1

Минерва Робертсон с детства знала, что она, во-первых, пра-пра-пра-пра-правнучка шотландских королей, а во-вторых, волшебница. Именно в таком порядке. Как любил говорить дедушка: "Даже в волшебном мире королевская кровь кое-что да значит".

Робертсоны происходили по прямой линии от Дункана I — того самого, которого убил Макбет, чтобы захватить трон. Сыновья Дункана потом вернули себе корону, но Роберт был младшим из них, так что его потомкам так и не довелось посидеть на престоле. Что, впрочем, не мешало им на протяжении столетий поддерживать то одного, то другого кандидата на это место и ожесточенно сражаться с враждебными кланами. В промежутках Робертсоны воевали с англичанами. Последние были наглые и многочисленные, как тараканы, и со временем их становилось все больше. А Робертсоны, в свою очередь, втягивались в войну все сильнее и так и не заметили, как постепенно стали профессиональными бунтовщиками.

Дело это было неблагодарное, и вот однажды после очередной стычки с "красными мундирами" пра-пра-прадеду Минервы, Алану Робертсону, пришлось спешно покинуть родные места в графстве Перт, чтобы избежать виселицы, и перебраться в Абердин. Там до него дотянулся уже Визенгамот, который, ясное дело, тоже был целиком и полностью на стороне англичан. Теперь уж приходилось выбирать между виселицей и поцелуем дементора — как говорится, хрен редьки не слаще. Но Алана ни тот, ни другой выход не устраивал. Он предпочел не ждать у моря погоды, а ускользнул от преследователей и бежал на остров Скай, где у Робертсонов с незапамятных времен сохранились владения.

"Владения" было, конечно, громко сказано — тысяча акров тощей каменистой земли и полуразвалившийся дом. Местные жители, арендовавшие эту землю, совсем не обрадовались появлению хозяина, потому что денег у них было кот наплакал и за аренду они не платили давным-давно, а владельцу за войнами и политикой было недосуг этим интересоваться. Однако Алан Робертсон проявил себя лордом щедрым и великодушным — по случаю своего приезда закатил для фермеров пирушку и объявил, что прощает все недоимки. С тех пор местные жители прониклись к нему симпатией. Даже когда пошли слухи, что Алан, ко всему прочему, чернокнижник (так невежественные маглы привыкли называть волшебников), его новые земляки не испугались, а, наоборот, даже обрадовались — свой колдун еще никогда никому не мешал.

Тем более что Алан честно выполнял свои обязанности. Для начала он прогнал парочку банши, которые взяли моду терроризировать жителей деревни. Потом приструнил келпи, который завелся в озере, и установил порядок среди местных привидений, разрешив им показываться только раз в месяц, на новолуние, ну и еще так и быть на Святочной неделе. Потом он взялся лечить своих соседей-маглов и наварил им таких убийственно горьких и жгучих зелий, что они почли за лучшее выздороветь в кратчайшие сроки.

Эти зелья на острове вспоминали еще много лет спустя. Старики, приходя к матери Минервы за средством от ревматизма, нет-нет да и ворчали: "Не в обиду будь сказано, хозяйка, но только вашим травкам далеко до Алановых. Я-то его не застал, а вот мой дед рассказывал, что мастер Алан, бывало, как нальет стопочку, да еще как прикрикнет: "А ну, Джон Макферсон, пей да не вороти нос!", — так тебе во внутренности будто жидкий огонь залили! До костей, говорит, пробирало, аж перетряхивало всего с ног до головы, так что ты и света белого не видел. Зато потом все хвори как рукой снимало, прямо молодеешь на десять лет. Да, в те времена было не то, что нынче...".

Соседи так полюбили Алана, что когда ищейки из Министерства магии наконец выследили его и явились арестовывать, все деревенское население, как один, пошло на чужаков с вилами и косами. Кто-то из министерских попытался вынуть палочку, но местные жители благодаря Алану отлично знали, зачем нужна эта деревяшка. Так что они, недолго думая, забросали противников градом камней. Те пытались отвечать чарами, но Алан тоже времени даром не терял и сумел одного за другим обезоружить врагов. Увидев, что нападавшие остались без палочек, фермеры осмелели и бросились на них с криком: "Бей

ведьминское отродье!". В итоге министерским пришлось убраться не солоно хлебавши. К длинному списку преступлений Алана Робертсона теперь добавилось еще и нарушение Статута о секретности, но в Лондоне решили, что связываться с ним себе дороже, и оставили его в покое.

Вот так и получилось, что Робертсоны осели на острове. Со временем Алан женился на Элси МакКиннон, тоже чистокровной волшебнице, и уже не помышлял никуда уезжать. Богатой семья никогда не была — за неплодородную землю, на которой едва удавалось вырастить картошку, арендаторы платили сущие гроши, — но Робертсонов это не особо беспокоило.

Минерва родилась в том самом доме, который когда-то отстраивал и приводил в порядок ее пра-пра-прадед. Дом был низкий, приземистый, из грубого камня. Он стоял почти на самом берегу моря, так что когда поднимался шторм, в шкафах звенела посуда. За домом был огород, где, впрочем, только с помощью магии удавалось что-то вырастить. Еще Робертсоны держали четырех коз, поросенка и кур.

Колдовать Минни начала рано. В таких глухих уголках, как Скай, никто не соблюдает министерских запретов, так что палочку ей стали давать лет с шести. К одиннадцати она знала все хозяйственные заклятия, с помощью которых волшебницы чистят картошку, замешивают тесто и склеивают разбитую посуду. Еще она умела лазать по скалам за птичьими яйцами, пасти коз, ходить по морю на лодке (в спокойную погоду, конечно) и очень любила читать, так что львиная доля скудного бюджета Робертсонов уходила на книги. Старший брат посмеивался над ней — мол, девчонка не должна быть слишком умной, — но дед мгновенно пресекал эти разговоры крепким подзатыльником. Он считал, что Минни — единственная в семье, кто пошел "в породу".

Собственно, дед Минерву и воспитал. Ее отец утонул в шторм, когда Минни было три с небольшим года. Она помнила только, что он носил бороду и у него был теплый шерстяной жилет, в который можно было завернуться целиком. Еще отец курил табак и позволял ей играть со своими трубками: одна в виде головы гоблина, другая с резным узором из драконов вдоль чубука...

* * *

Когда Минерве исполнилось одиннадцать, она получила письмо из Хогвартса. Но ждать поступления пришлось почти год — день рождения у нее был в октябре, и на один курс со сверстниками она не попадала.

Утром первого сентября 1937 года мать аппарировала с ней и

братом (тот был уже третьекурсник) на платформу 9 и 3/4. Минни впервые предстояло ехать на поезде. Толпа детей, гомон вокзала и свист паровозных гудков почти оглушили ее — привыкшую к островной тишине, где главными звуками были крики чаек, шум ветра и неумолчный рокот морских волн.

В Хогвартсе Сортировочная шляпа распределила ее на Гриффиндор, и начались школьные будни. Учеба давалась легко, почти без труда; вдобавок на второй день в школе Минерва обнаружила библиотеку, и это было настоящее чудо — бесконечные ряды шкафов, заполненных книгами. С тех пор она почти что жила в библиотеке — едва заканчивались уроки, бежала туда и оставалась до закрытия, пока мадам Локсли не начинала тушить лампы. Учителя относились к ней хорошо, считая умненькой и старательной девочкой. Декана, профессора Дамблдора, она поначалу немного побаивалась, но тем не менее он ей нравился — может быть, потому, что тоже носил бороду и обшитый золотым галуном жилет, чем напоминал Минерве отца.

В школе Дамблдор преподавал трансфигурацию. Однажды — это было на второй месяц учебы — он объяснял принципы превращения костяной пуговицы в гальку. Заодно упомянул, что все случаи окаменения живой материи — будь то плоть, кровь или кости, — за редким исключением, нестойкие и долго не держатся. И тут Минерва неожиданно для себя стала с ним спорить. Как же так — нестойкие?! А бесчисленные случаи трансфигурации человека в камень, которых полно в волшебной истории?

Она еще подумала, что незачем далеко ходить за примерами. Когда у них на острове одно время появилась разбойничья шайка, грабившая прохожих по дороге на ярмарку, ее собственный предок, Алан Робертсон, умышленно дал им себя поймать. А потом, когда разбойники уже собирались шарить у него по карманам, он выхватил палочку и обратил всех в камень. Минни не раз видела эти камни — семь валунов в кустарнике у большой дороги, смутно напоминающие очертаниями человеческие фигуры...

Дамблдор выслушал ее улыбаясь и попросил после уроков зайти к нему в кабинет. Тут до Минни дошло, что она, наверное, вела себя слишком дерзко. Теперь он назначит ей отработку. Тоже ума палата — поссориться с собственным деканом... Но когда она явилась в назначенное время, Дамблдор, вместо того чтобы отругать, напоил ее чаем с вареньем, долго объяснял особенности закрепления заклятий (Минни не поняла и трети, что неудивительно — это был материал седьмого курса), а на прощание подарил книгу "Загадки трансфигурации: популярное

пособие для школьников". Книга ей понравилась, и Минерва не раз ее перечитывала, а много позже, уже начав преподавать, показывала ученикам опыты оттуда.

Из однокурсников она лучше ладила с мальчишками, особенно с Аластором Моуди и Джорджем МакГонагаллом — они были почти что ее земляки, из Глазго. А вот с девочками не сложилось. Минерва не нравилась сверстницам — все они были из Англии, кто из Девоншира, а кто даже из Лондона, и их смешили ее шотландский акцент, ее бедная одежда, кофты домашней вязки, грубые шерстяные чулки и дешевые ботинки. Минни и сама стала над этим задумываться. Когда она жила на острове, то не чувствовала своей нищеты — ведь так жили все, и в этом не было ничего особенного. Но в школе ей начало казаться, что она *не такая* — неправильная, не обаятельная, не красивая...

Вернувшись домой на летние каникулы, она рассказала об этом деду. Хотела, наверное, чтобы ее пожалели, но в то же время говорила с подспудным вызовом — почему у них все не так, почему они не могут жить, как нормальные люди, почему у них нет денег на красивые платья, серьги и ленты для волос, как у ее однокурсниц? Дед слушал ее внимательно и, казалось, сочувственно, так что Минерва увлеклась и не заметила вовремя угрозы, когда он спросил, чуть нахмурившись:

— А с чего тебе вообще пришло в голову сравнивать себя с другими девочками?

— Они красивее. Они хорошо одеваются, они нравятся мальчикам. Они лучше...

Дед посмотрел на нее задумчиво, а потом вдруг сказал:

— Знаешь что... Ступай-ка и принеси ремень.

Минерва этого совершенно не ожидала. Испугалась и возмутилась — за что?! — но ослушаться не посмела. Ей и раньше иной раз доставалось, но легонько, символически — дед ее баловал и все прощал. Но в этот раз влетело всерьез, так, что она потом до вечера не могла даже подумать о том, чтобы сесть на стул.

От гордости и обиды она не позволила себе заплакать, а терпела молча, закусив губу и изо всех сил сдерживая слезы. Когда наказание закончилось, дед погладил ее по голове.

— Умница, держалась молодцом... А теперь послушай меня. Никогда больше не смей сравнивать себя с кем-то. Ты — внучка королей. Все эти девчонки тебе в подметки не годятся. Ты лучшая, всегда будешь лучшей, и плевать, кто что о тебе думает. Ты должна делать то, что считаешь нужным, и держать голову высоко, даже если у тебя не будет куска хлеба, даже если весь мир будет против! Поняла?

— Да, — кивнула она.

— Ну, вот и хорошо, — он улыбнулся и поцеловал ее в лоб.

Нельзя сказать, что Минни сразу усвоила урок; но чем старше она становилась, тем больше понимала, что дед был прав. А тогда, в младших классах, она очень старалась и вправду быть лучшей — не для других, а для самой себя. Когда никто не слышал, тренировалась правильно произносить слова и к третьему курсу полностью избавилась от шотландского акцента, научившись говорить на идеальном английском; бесконечно отрабатывала заклятия, которые не удавались; училась так, словно собралась пройти школьную программу за один год; заставляла себя смотреть в глаза тем, кому не нравилась, причем так жестко, что число желающих обсуждать ее за спиной резко поубавилось. На каникулах дома она бралась за самую трудную работу, а чтобы отдохнуть, лазала по скалам или плавала до изнеможения, пока мышцы не начинали наливаться свинцовой тяжестью. Не позволяла себе остановиться, расклеиться, проявить слабость...

Старалась всегда держать голову высоко. А спину — идеально прямой.

* * *

При этом, как ни странно, едва Минерва перестала думать о том, как выглядит со стороны, другие начали считать ее красивой. В младших классах она, правда, об этом и не догадывалась. Она привыкла общаться с мальчишками, и ей в голову не приходило, что они могут видеть в ней нечто большее, нежели друга. Хотя Джордж МакГонагалл с первого курса проявлял к ней внимание: носил ее ранец, старался всегда сесть рядом на уроках, ходил вместе с ней в библиотеку, а временами, страшно смущаясь, как бы невзначай подсовывал маленькие подарки: красивое перо, заколку для волос...

К пятому курсу у Минервы уже не было сомнений, что они с Джорджем поженятся после школы — если, конечно, война к тому времени закончится и ему не придется идти на фронт. Они никогда не обсуждали это впрямую; да и зачем, если это подразумевалось само собой? Джордж говорил, что хотел бы после шестого курса познакомить Минерву со своими родителями. Она ничего не имела против. Если бы ее спросили, любит ли она МакГонагалла, она бы без колебаний ответила: "Да", потому что действительно так думала. Джордж ей нравился; он был симпатичный, добродушный, умный, серьезный... С ним всегда было спокойно и надежно. Все было хорошо.

Пока однажды она не встретила Тома.

До пятого курса они не общались — Том был с другого

факультета, да еще и на год младше. Его имя она впервые увидела в формуляре библиотечной книги, которая срочно понадобилась ей перед СОВами. Еще подумала: какая смешная фамилия. Riddle, "загадка". Почему-то незнакомый Риддл представлялся ей пухлощеким и низеньким, будто пак из детских сказок. А при встрече оказался худым и высоким. У него были темные глаза и привычка насмешливо поднимать одну бровь, и Минерва вспомнила, что пару раз видела его на собраниях неформального "Слаг-клуба". Их даже знакомили, но она тут же об этом забыла. Старшие курсы редко интересуются младшими.

Том принес ей книгу и только махнул рукой, когда она предложила пойти переписать формуляр в библиотеке. Мол, какая разница, потом вернете... Тогда он еще называл ее "мисс Робертсон". Через два часа — Минни с изумлением обнаружила, что все это время проговорила с ним в холле у входа в Большой зал, — они уже называли друг друга по имени.

На следующий день Минерва сдавала трансфигурацию и напрочь забыла о разговоре. Потом начались каникулы, и она уехала домой.

А первого сентября Том разыскал ее в поезде. Точнее, сделал вид, что якобы случайно встретил в коридоре. За лето он как-то повзрослел, на мантии теперь красовался значок старосты. Минерва собиралась поболтать с ним минут пять ни о чем, из чистой вежливости, однако пять минут растянулись на полтора часа. Джордж несколько раз выходил из купе, но, увидев, что Минни занята, возвращался обратно.

Вечером в день приезда Слагхорн устроил вечеринку по случаю начала учебного года. Минни обычно ходила на такие вечера одна, поскольку Джордж расположением Слагхорна не пользовался, и его в клуб не приглашали. По дороге она подумала, придет ли "этот Том".

"Этот Том" пришел.

Кто еще был на вечеринке, Минни не запомнила, равно как и что пытался сказать ей Слагхорн. Она отвлекалась, рассеянно отвечала ему и тут же оборачивалась к Тому, торопясь продолжить разговор. За этот вечер они, кажется, успели обсудить все на свете — от новинок трансфигурации до детских книжек и того, кто какое мороженое любит. Когда вечеринка закончилась, Том пошел провожать Минерву на факультет, но это было слишком близко, а они никак не могли закончить беседу. Так что шли по коридору все медленнее, пока, наконец, не остановились в нише у окна, почти рядом с портретом Толстой Дамы. Факел здесь не горел, и нишу затапливала тень; за окном висели колючие сентябрьские звезды.

Том спросил:

— Ты ничего не ела весь вечер. Хочешь конфету?

— Хочу.

Он протянул ей леденец.

— Откуда у тебя?

— Я всегда ношу конфеты в карманах. Не могу без них обходиться, потому что они держат меня на земле... Я ведь на самом деле раньше жил среди звезд, ты не знала?

— Нет, — ответила она, улыбаясь. — И где же ты там жил, интересно?

— Недалеко от Млечного пути, за созвездием Гончих Псов, от булочной направо, дом 134-б, — совершенно серьезно ответил Том. — Но однажды утром я вышел вытряхнуть половичок, а тут мимо пролетала комета. Я хотел покататься, вскочил на нее, а она перепугалась и рванула так быстро, что я никак не успевал спрыгнуть. Фьють! — и мы уже за сотни световых лет от моего дома. Я избавился от кометы в районе созвездия Змееносца и стал искать полисмена, чтобы спросить дорогу обратно...

Минерва так смеялась, что даже забыла про леденец.

— На небе есть полисмены?

— Когда как, — ответил Том. — Они встречаются, когда не нужны. Например, если ты стреляешь из рогатки по белым карликам. Вот тут-то они выскакивают из-за ближайшей туманности, хватают тебя за ухо и требуют заплатить штраф. Но когда в них вправду есть необходимость — тогда ни одного полисмена точно не будет в поле зрения. Того, который патрулировал созвездие Змееносца, я искал, наверное, пару тысяч лет, а он все это время прохлаждался в пабе — якобы у него был обеденный перерыв. А когда я, наконец, его нашел, он сказал, что сам здесь новенький и ничего толком не знает, но, кажется, нужно идти налево, потом направо, потом опять налево. Зря я его послушал, потому что в итоге совсем заблудился на задворках галактики и вот — очутился здесь. Хотя тут даже неплохо, мне нравится. Правда, иногда тянет обратно — потому-то и нужны леденцы, чтобы не улететь.

— А если тебе надоест на Земле?

— Просто перестану есть сладкое, и через две недели меня здесь не будет, — ответил он, пожав плечами. — Ну как, тебе понравилась моя история?

— Да, очень.

— А леденец?

— И леденец.

— Тогда выходи за меня замуж.

— Что?!

Она подумала было, что это продолжение игры, но Том смотрел на нее выжидательно и без улыбки.

— У вас в созвездии Змееносца всегда делают предложение на второй день знакомства? — попыталась она перевести все в шутку.

— На Млечном пути, — поправил Том серьезно. — Нет, не всегда. Бывает, что на третий. Ну, так ты согласна?

— Я подумаю, — пообещала она, смеясь. — В конце концов, у меня ведь есть еще целый день, правда?

— Хорошо, — Том кивнул. — Я тогда завтра еще приду?

— Как хочешь, — ответила она.

На факультет Минерва вернулась в приподнятом настроении — было весело, и слегка кружилась голова, как от шампанского. Конечно, она не собиралась продолжать знакомство — Том был забавный, но какой-то уж слишком странный... Однако на следующий день, на переменке между уроками, она все же подсела к Моуди:

— Слушай, Аласдейр...

Ему всегда нравилось, когда его имя произносят по-шотландски.

— Ты ведь бываешь на Слизерине?

— Да, а что?

— Знаешь такого Тома Риддла?

— Кто ж его не знает... А зачем тебе?

Она отчего-то смутилась.

— Просто так. Я разговаривала с ним вчера на вечеринке у Слагхорна, вот и хочу узнать, что он из себя представляет.

— Неглупый, — ответил Моуди, подумав. — Умеет придумывать всякие интересные забавы, хотя иногда... Впрочем, неважно. У него своя компания на факультете, и вообще он что-то вроде местной знаменитости. Но нос не задирает, ничего такого. И дерется классно, хотя тебе это, наверное, без разницы. Еще с ним никогда не поймешь, шутит он или говорит серьезно. Бывает, несет полную чушь, но с таким видом, что хочешь не хочешь, а поверишь. Я сам пару раз поддался — потом не мог понять, что на меня нашло. Но в целом он нормальный парень... А что? Ты в него влюбилась?

— Да брось ты! — рассмеялась Минерва. — Не говори глупостей.

Моуди посмотрел на нее, прищурившись, и ничего не ответил.

А она потом полдня ходила сама не своя, отвечала на вопросы невпопад, посреди урока вдруг начинала улыбаться, вспомнив вчерашнюю сказку про леденец.

И все время в ушах звучал голос Аластора: "Влюбилась... влюбилась... влюбилась".

2

С того самого разговора Том не давал ей проходу. Надо отдать ему должное — его методы ухаживания никак нельзя было назвать банальными. То Минерву осыпало золотым дождем, когда она входила в Большой зал, то над гриффиндорском столом вспыхивали фейерверки, то флаги факультетов расцветали миражами — корабли в море, летящие в поднебесье стаи птиц... Однажды пол под ее ногами превратился в морское дно, и она машинально отпрыгнула назад, прежде чем поняла, что кораллы и разноцветные рыбы — это иллюзия.

Происходящее не прошло незамеченным и для всей школы — на Минерву опять глазели и шептались у нее за спиной. Все это ее ужасно раздражало, и она раз за разом отыскивала Тома на переменах и требовала, чтобы он прекратил свои штучки. Но потом, не в силах сдержать любопытства, начинала расспрашивать, какие чары он использовал, и сама не замечала, как втягивалась в разговор. А ему, понятное дело, только того и надо было...

Однажды, выходя из Большого зала после завтрака, Том бросил на нее издали короткий взгляд и чуть повел палочкой. Минерву словно овеяло теплым ветром, но ничего не произошло — все вокруг оставалось неизменным. Задумавшись, что ее ждет на этот раз, она машинально потянулась за последним гренком и чуть не вскрикнула от неожиданности — гренок внезапно превратился в большую белую гвоздику. Минерва схватила палочку, чтобы снять заклятие, но лучше бы она этого не делала — вместо палочки в руке оказался пышный букет сирени.

Потребовалось две минуты и пять экспериментальных попыток, чтобы окончательно убедиться, — бессовестный Том наложил на нее чары, из-за которых все, до чего она дотрагивалась, начинало жить буйной растительной жизнью. Под прикосновением ее пальцев гриффиндорский стол ожил и выбросил длинные зеленые побеги, на концах которых закачались дубовые "сережки". Скамья покрылась нежно пахнущими цветами липы, а кувшин с молоком оборотился симпатичным кактусом, макушку которого украшал венчик белых цветов. В довершение всего, когда Минерва ненароком коснулась собственной юбки, та немедленно расцвела васильками и ромашками. Теперь Минни была похожа на ходячую клумбу; от запаха цветов у нее кружилась голова, но она не решалась даже растереть виски — не хватало еще, чтобы на голове выросла какая-нибудь гортензия!

Поглазеть на действо сбежались все, кто еще оставался в

Большом зале. Однокурсники, покатываясь со смеху, пытались помочь Минерве, но чары были слишком мудреными для простого Finite Incantatem. Сама она сумела бы снять заклятье, но от превратившейся в букет палочки было мало проку. Ничего не оставалось, кроме как идти к профессору Флитвику — молодому учителю, который всего несколько лет как начал преподавать в Хогвартсе чары. Прижимая к себе охапку сирени, Минерва почти бежала по коридорам, чувствуя, как ей смотрят вслед, и надеясь только на то, что Флитвик окажется у себя в кабинете.

К счастью, профессор был на месте. Открыв Минерве дверь, он удивленно посмотрел на нее, потом вскарабкался на стул, чтобы лучше рассмотреть ее руки. Осторожно коснулся их палочкой — почувствовалось тепло, и замерцали синие вспышки диагностических заклятий. Потом Флитвик ударил палочкой по свитку пергамента, и через мгновение на нем появились буквы, сложившиеся в какую-то бессмыслицу:

Essesheitahassieshistahassa...

Очевидно, это был "сверток" — длинная формула, "упакованная" в одно слово. Большая часть изучаемых в Хогвартсе чар были такими "свертками", с той разницей, что создатели обычно старались придать им более удобочитаемую форму. Должно быть, у автора заклятия просто не хватило времени... Но когда Флитвик принялся расшифровывать формулу, лист покрылся строчками, состоявшими из точно такой же абракадабры.

— Великолепно! Просто великолепно! — профессор засиял, как новенький грош. — Пожалуй, за такое я начислю Слизерину сразу тридцать баллов...

— Почему вы думаете, что это кто-то со Слизерина? — спросила Минерва, чувствуя, как неудержимо краснеет.

— Заклятие составлено полностью на парселтанге, — рассеянно ответил Флитвик, изучая пергамент, — а мне известен в Хогвартсе всего один змееуст. Итак... Я здесь ничего не понимаю, но, судя по последовательности, вот это — определитель размера предметов... Те, которые больше определенного размера, по идее, должны выбрасывать побеги, а мелкие объекты — целиком превращаться в цветы... Что ж, очень остроумно. Наверное, не тридцать, а все пятьдесят баллов... А как вы думаете, мисс Робертсон, вот это что такое?

— Закрепляющая формула? — предположила она.

— Именно! — Флитвик радостно закивал. — И еще пять баллов Гриффиндору! Так-так... Я хотел бы понаблюдать заклятие в действии. Скажите, мисс Робертсон, а не могли бы вы для пробы притронуться вот к этому...

— Профессор, — взмолилась она, — пожалуйста, снимите чары! Я же опаздываю на урок!

Флитвик изумленно заморгал — он так увлекся, что совсем забыл, зачем Минерва пришла.

— Да-да, конечно, — вздохнув, ответил он тоненьким голоском. — Не могу обещать, что это будет быстро, — я еще ни разу не имел дело с заклятиями на парселтанге. Ну, попробуем...

Через полчаса, уже в нормальном виде и с нормальной палочкой, Минерва покинула кабинет Флитвика. На Тома она была ужасно зла — отчасти потому, что Флитвик им так неумеренно восхищался. Минерва твердо решила, что в этот раз не скажет Тому ни слова, что будет его игнорировать, что бы он там ни вытворял...

Но благие намерения так и остались благими. Вместо того, чтобы забыть о существовании Тома Риддла, она несколько ночей подряд просидела над составлением ответного заклятия, написанного для разнообразия полностью по-гэльски*, — пускай помучается, если попробует снять! Сами по себе чары были простенькие — стоило Тому задержаться на одном месте дольше двух секунд, как он прирастал к полу, в буквальном смысле слова. Так что ему оставалось либо без конца двигаться, либо...

И уж точно не следовало никуда садиться.

Расчет оказался верным — хоть Том и был змееустом, но гэльского не знал и в свою очередь отправился за помощью к Флитвику. На этот раз пятьдесят огненно-красных рубинов прибавилось в песочных часах Гриффиндора. После ужина, когда Минерва столкнулась с Томом на выходе из Большого зала, он насмешливо сморщил нос:

— До чего неромантично, мисс Робертсон! Я вам — цветы, а вы мне — корни...

— Как умею, — отрезала она. — Проза жизни. Советую привыкать, а заодно оставить меня в покое.

Но едва она сделала шаг, как Том сказал ей вслед:

— Между прочим, в закрепляющей формуле была ошибка.

— Где?! — Минерва возмущенно обернулась к нему.

— Здесь, — он отвел ее в сторону и вытащил свиток пергамента. — Профессор Флитвик дал мне расшифровку. Смотри, вот в этой строке, подчеркнуто красным...

Через полчаса им понадобился справочник по интонационному рисунку заклятий. Том сбегал за ним к себе на факультет.

Еще через час формулами был исписан не только пергамент, но и половина томовской тетрадки по чарам.

За это время они успели трижды насмерть поссориться,

обозвать друг друга тупицами, разойтись, потом сойтись опять, помириться и взять свои слова обратно.

Еще через час Том проводил Минерву до башни Гриффиндора. Когда они уже почти подошли к портрету Толстой Дамы, Том внезапно развернул Минерву к себе и быстро поцеловал в губы. И тут же ушел, не давая ей времени возмутиться.

Она еще долго не могла сдвинуться с места. Просто стояла и смотрела туда, где он исчез за поворотом коридора.

* * *

Минерва сама понимала, что делает что-то не то, совсем не то. Она была уверена, что любит Джорджа, а с Томом просто дружит — но почему-то в присутствии МакГонагалла ей было тяжело, скучно, тоскливо. Она ловила себя на том, что постоянно ищет с ним ссоры, любого повода, лишь бы не разговаривать, лишь бы не находиться рядом. Джордж с каждым днем становился все угрюмее, ходил чернее тучи, но упорно делал вид, что ничего не замечает. А у его невесты тем временем общение с Томом Риддлом превратилось в потребность, такую же сильную, как у алкоголиков — желание добыть виски. Минерве казалось, что весь день она проводит во сне — как сомнамбула, встает, идет на уроки, машинально делает домашнюю работу... Просыпалась она, только увидев Тома, только услышав его голос, пускай даже случайно, издали, в коридоре.

В этих встречах не было никакой последовательности — иногда Том просто кивал ей, проходя мимо, а иногда разговор затягивался на пару часов. В те дни, когда ей не удавалось с ним поговорить, Минерва к вечеру не находила себе места, не могла учиться, срывалась на однокурсниц, на Джорджа и Аластора. Потом мучилась от стыда, извинялась, придумывая причины своего поведения: мол, голова болела, или же она сильно устала, вот и потеряла контроль над собой. При этом сама понимала, что это не более чем отговорки. Настоящая причина была известна всем и каждому. Девчонки шептались у нее за спиной: "Надо же, влюбилась, как кошка", — и хихикали, потому что в случае Минервы это было почти буквально.

А еще от Тома пахло мятой. Это было подло, просто подло с его стороны — он ведь наверняка знал, что она анимаг, и знал, в кого она превращается, и специально капал себе мятное масло на воротник, чтобы свести ее с ума. "Перестань это делать!" — требовала она, и он обещал, но все равно не соблюдал обещаний.

А еще при каждой встрече Том упорно повторял: "Выходи за меня замуж", но Минерва так же упорно отвечала, что у нее есть жених, — и при этом разрешала Тому себя целовать. Это было

чистое безумие, наваждение, морок. До него она никогда ни с кем не целовалась, ей бы и в голову не пришло позволить это Джорджу — она ведь порядочная девушка и не должна делать такого до свадьбы! Но когда она оказывалась с Томом наедине в полутемном коридоре или пустом классе, то, повторяя "Нет, нет, нет", все равно в итоге сдавалась. Твердила себе: "Вот сейчас я его оттолкну, сейчас я ему твердо скажу, что такое не должно повториться", — но не находила в себе сил это сделать. Весь мир в такие минуты, казалось, сужался до точки, в висках гулко стучала кровь, все тело бросало в жар, низ живота тяжелел, и появлялось странное, томительное, тягучее ощущение, от которого хотелось закричать...

Она понимала, что обманывает не только Джорджа, но и саму себя. Но ничего не могла поделать.

Ни-че-го.

* * *

В середине октября Том однажды перехватил ее по дороге в Хогсмид на выходных. Он был в виде исключения один, без своей свиты. Минерва шла с МакГонагаллом и не думала, что у Тома хватит бесцеремонности затеять разговор. Должно быть, он просто поздоровается и пойдет дальше... Но Том без малейшего стеснения присоединился к ним и завел с Минервой беседу. Джордж помрачнел и в конце концов ушел, сказав, что ему нужно отправить письмо с почты — как будто в Хогвартсе не было сов!

Минерва попыталась объяснить Тому, как он некрасиво себя ведет, но ему все было, как с гуся вода:

— Если бы Джордж считал, что я здесь лишний, он бы так и сказал, правда?

— Он не стал бы этого говорить. Джордж воспитанный человек, в отличие от тебя!

— Ну и зря. В любви и на войне церемонии ни к чему. Пойдем со мной в "Три метлы".

— Никуда я с тобой не пойду!

— И кому ты сделаешь хуже? — Том смеялся. — МакГонагалл все равно уже оскорбился и будет теперь дуться...

Минерва попыталась было возразить, но в глубине души понимала, что Том прав, и Джордж именно так себя и поведет.

— Поэтому, если ты побежишь его разыскивать, то будешь вынуждена до вечера извиняться и слушать в ответ ледяное молчание. Ничего не добьешься, только настроение себе испортишь. Поэтому на твоем месте, раз уж так получилось, я бы махнул на все рукой и попытался с толком провести остаток дня.

— "С толком" — это значит с тобой?

— Да хотя бы.

Она хотела отказаться, уже открыла рот — и сказала: "Хорошо".

Идти в "Три метлы" все же было неудобно — Джордж мог зайти туда и разозлиться еще больше, — так что разумнее было просто погулять. Вдвоем они прошли по главной улице Хогсмида и свернули в первый попавшийся переулок, а оттуда вышли на окраину деревни, где уже начинались огороды. Дорога плавно поднималась в гору, впереди темнела стена леса. Осень в том году была холодная и ветреная, и на деревьях уже почти не осталось листьев. Над головой ветер гнал по небу рваные облака; огороды стояли пустые, лишь кое-где лежали на земле кучки пожухлой ботвы да тянулись высохшие плети огуречных стеблей.

Том с Минервой уселись на каменную ограду; для себя Минерва наколдовала подушку, чтобы не сидеть на холодном. Том попросил:

— Покажи мне, как ты превращаешься в кошку. Я еще никогда не видел.

Она пожала плечами — почему бы нет? В конце концов в кошачьем облике будет теплее. Чуть напряглась, сузив глаза, чувствуя, как мышцы будто сводит судорогой, а тело сжимается, уплотняется... Мгновенное головокружение, мир перед глазами расплывается, идет пятнами — и опять становится четким и ясным, только все предметы кажутся огромными, а сидящий рядом человек — великаном. Она переступила по подушке, покрутилась, усаживаясь поудобнее, и распушилась, чтобы было не так холодно.

Том протянул руку и осторожно погладил ее по спине. Это было приятно, и она едва сдержала желание потереться об его руку. Но все же сохранила достоинство и сидела отстраненно и равнодушно, подобрав под себя лапки и прикрыв их хвостом.

Запахи в этом облике всегда воспринимались острее — сейчас она слышала, как тянет дымом из деревенских труб, а от соседней кучи ботвы отчетливо пахло мышами. Как назло, захотелось есть. Будь она одна, может, даже поохотилась бы, но не при Томе же...

Том продолжал гладить ее, но вдруг замер, а потом резко отодвинулся и закрыл лицо руками.

— Превратись обратно, пожалуйста! — глухо попросил он.

Минерва "перекинулась" так резко, что чуть не потеряла равновесие и больно ударилась ногой о каменную стенку. В первое мгновение после обращения ей всегда было не по себе — казалось, что она оглохла и ослепла. Вдобавок, едва вместо шерсти на ней оказалось тонкое пальто, тут же набросились ветер и холод.

— Что случилось?!

— Ничего, — Том свободной рукой отчаянно шарил по карманам в поисках носового платка. Потом расчихался так, что минуты две не мог остановиться. Когда он наконец поднял голову, Минерве стало его жалко — нос красный, в глазах слезы...

— У меня аллергия на шерсть, — пояснил он. — Летом, когда я жил у Лестрейнджей, приходилось все время пить специальное зелье. Там в доме две собаки, и я бы иначе просто не смог дышать.

— Извини. Я не знала.

— Да я сам виноват. Так хотел посмотреть на тебя в анимагическом облике, что совсем забыл об осторожности.

Она поежилась и спросила, чтобы сгладить неловкость:

— А почему ты жил у Лестрейнджей? Я думала, на каникулах ты уезжаешь в приют...

— Уезжал, — поправил он. — Но нынешним летом меня выставили. Это же не Хогвартс, где тебя до восемнадцати лет будут бесплатно учить и кормить. У маглов все намного проще. Исполнилось четырнадцать — и пинком за порог, ступай работать на фабрику или куда хочешь. Я и так задержался на лишний год.

— Где же ты теперь будешь жить? Ты ведь не можешь все время болтаться по домам однокурсников...

— Пока не знаю. Надеюсь, что получится остаться на каникулы в школе.

— А у тебя совсем нигде нет родственников? — осторожно спросила она.

— В каком-то смысле и есть, и нет, — ответил Том, подумав. — Видишь ли, я долгое время ничего о них не знал. Моя мать умерла вскоре после моего рождения и успела только сказать, чтобы меня назвали в честь отца, а второе имя — Марволо — дали в честь деда. Когда я попал в Хогвартс, долго пытался найти хоть каких-нибудь Риддлов, но бесполезно — такой волшебной семьи не существует. Тогда я зашел с другой стороны и стал перелопачивать газетные подшивки и справочники по генеалогии в поисках какого-нибудь Марволо. Представь себе, нашел...

— И кто он такой? — спросила Минерва, поднимаясь с каменной стенки — слишком замерзла.

— Его фамилия Гонт, — ответил Том. Он тоже встал, и они вдвоем пошли обратно в сторону деревни. — Старинная волшебная семья из Сассекса. Потомки принца Джона Гонта, сына Эдуарда III. Когда-то были богаты, но давно и прочно разорились. Последние лет двести ни с кем не поддерживали отношений, жили замкнуто, даже детей не отправляли в Хогвартс... Больше имени "Марволо" мне ни у кого не встречалось, так что, думаю,

это тот самый. У него была дочь по имени Меропа — по возрасту вполне могла быть моей матерью.

— А как же получилось, что ты рос в приюте?

— Не знаю. Я понятия не имею, что там произошло шестнадцать лет назад. Может быть, моя мать тайно встречалась с отцом — тем самым, в честь кого меня назвали Том Риддл, — забеременела, и ее выгнали из дома. Может быть, она сбежала с этим Риддлом, а потом он узнал, что она ведьма, и бросил ее. Могло случиться что угодно.

— Я думаю, — Минерва сама не заметила, как взяла его под руку, — тебе стоит съездить туда. По крайней мере, узнаешь точно, твои это родственники или нет. Если Марволо и вправду выгнал твою мать из дома, то он, наверное, не самый приятный человек — но ты хотя бы выяснишь, что там произошло.

— Не получится, — Том невесело улыбнулся. — Марволо давно умер. У него остался сын по имени Морфин, но он убил каких-то маглов и получил пожизненное заключение в Азкабане. Так что, сама понимаешь, — концов теперь не найти...

— Мне очень жаль, — неловко сказала она. — Я бы очень хотела, чтобы у тебя была настоящая семья.

— Это просто сделать, — сказал Том, не глядя на нее. — Выходи за меня замуж. Стань моей семьей.

Минерва молчала. Отказывать после такого разговора было неловко вдвойне.

— Я же объясняла, почему не хочу об этом говорить. Я люблю Джорджа и... Нет, не подумай, я очень ценю твою дружбу, но...

— Понятно, — сухо ответил Том.

Всю дорогу до Хогвартса он молчал. У входа в школу коротко попрощался с Минервой и ушел.

* * *

После этого случая ее наказали, и Минерва очень быстро это поняла. Том лишил ее своего общества — прекратил все свои мальчишеские выходки, не посылал записок средь бела дня, не оказывался у нее на пути в коридоре, а если и оказывался, то не пытался заговорить, а ограничивался коротким кивком. Поначалу она убеждала себя, что это к лучшему, — должно же наваждение когда-нибудь закончиться... Она ведь сама этого хотела. Но ехидный внутренний голос тут же продолжал: "Ну, вот и получила, что хотела. Довольна?!".

Без Тома все вокруг казалось пустым, серым и скучным, а люди — раздражающе глупыми. Можно было бесконечно убеждать себя, что он ей не нужен, что не больно-то и хотелось — но тоска от этого нападала такая, что хоть головой о стену бейся. По ночам Минерва просыпалась и не могла заснуть, потому что

слышала в полудреме его голос. В классах и коридорах ее преследовал запах мяты, и она временами внезапно останавливалась, куда бы ни шла, потому что ей чудился в воздухе этот тревожный травяной аромат.

Она дошла до того, что напросилась на дополнительный реферат по противоядиям у Слагхорна, лишь бы получить возможность после уроков задерживаться в лаборатории. Наряду с основным исследованием тайком варила отворотное зелье — и в то же время мучительно надеялась, что в кабинет заглянет Том. Она знала, что Слагхорн ему покровительствует, знала, что у Тома есть второй ключ от лаборатории и право доступа в любое время. Но тот как чувствовал — так ни разу и не появился. Через неделю Минерва закончила работу над отворотным зельем, потом еще два дня прятала его в своей спальне, собиралась с силами — и наконец выпила.

Поначалу ей показалось, что помогло. Тоска пропала — осталось только глухое, тупое оцепенение. Все время хотелось спать и ничего не слышать и не видеть. На уроках она честно пыталась слушать преподавателя, но слова казались бессмысленным набором звуков. Очередную контрольную по трансфигурации она написала — впервые в жизни! — на "удовлетворительно". Профессор Брэдли, новый декан Гриффиндора, — она временно заменяла Дамблдора, пока тот был на фронте, — перепугалась и вызвала Минерву к себе, чтобы выяснить, что случилось. Долго расспрашивала, все ли в порядке дома, да как Минерва себя чувствует. Та отвечала, что просто немного переутомилась. Она казалась себе заколдованной куклой, которая изображает живую девушку, — поднимает и опускает ресницы, двигает руками, ходит, говорит... Но все это не настоящее. Действие заклятия однажды кончится, и кукла превратится в мертвый комок воска.

В начале ноября у них должен был быть ночной урок на Астрономической башне. Холод стоял такой, что настраивать телескопы пришлось в перчатках; студенты поплотнее натягивали шапки и обматывали лица шарфами. Но отметить положение планет на звездных картах не удалось — через полчаса после начала урока в небе стало твориться что-то странное. Звезды поначалу едва заметно вздрагивали, потом вдруг стали двигаться, покинув свои места. Созвездия вытягивались, теряли очертания, искажались. Профессор Синистра, изумленно подняв брови, наблюдала за непонятным явлением. Звезды тем временам сползались вместе и наконец сложились в светящуюся надпись посреди черного провала в небе. Надпись была короткая и простая:

ВНИЗУ В ХОЛЛЕ. ЖДУ.

Буквы продержались в воздухе всего с полминуты. Потом небо словно прорвало, и хлынул ливень. Кто-то взвизгнул; со всех сторон студенты поспешно набрасывали капюшоны мантий и наколдовывали зонты; профессор Синистра металась вдоль парапета, набрасывая защитные чехлы на телескопы.

Но всего этого Минерва уже не видела — в промокшем насквозь пальто она уже была у выхода с площадки, уже летела вниз по лестницам, поскальзываясь в мокрых ботинках и едва успевая хвататься за перила, чтобы не упасть на поворотах. Она прекрасно поняла, от кого было это диковинное послание. Опять эти его дурацкие штучки, опять он выставил ее на посмешище перед всем курсом! Заставил все бросить, забыть о гордости и обо всем на свете, сломя голову, нестись к нему... Но сейчас ей было наплевать. Отворотное зелье перестало действовать мгновенно, словно его и не было. Никогда еще Минерва не чувствовала себя такой счастливой, такой настоящей, такой *живой*...

Том ждал ее в холле у песочных часов Гриффиндора. На мантии поблескивали капли воды — значит, он тоже только что вошел с улицы. Он смотрел, как она бежит ему навстречу по мраморным ступеням, — и улыбался. Да что он себе позволяет! Минерва остановилась, запыхавшись и чувствуя, как с языка сами собой рвутся крепкие, просоленные словечки — те самые, какими выражаются рыбаки, вытаскивая из моря сети, порванные штормом.

— Ты... Ты...

Она все никак не могла отдышаться.

— Как ты это сделал?! Воздушная линза?

— Из переохлажденного водяного пара, — кивнул он. — Слишком конденсированного, потому и дождь пошел.

— Я из-за тебя...

Она не находила слов от возмущения.

— Я промокла и замерзла!

Последнее было уж совсем неправдой — щеки у нее так и пылали.

Том махнул рукой, отметая обвинения как несущественные.

— Ну, так ты выйдешь за меня замуж?

Она смотрела на него, жадно глотая воздух. Хотелось не то разрыдаться, не то влепить ему пощечину, не то расцеловать...

— Да, — сказала она. — Да, черт тебя побери. Да.

** Гэльский язык (Gaelic) — один из представителей кельтских языков, носители которого — кельтская народность гэлы — традиционно жили в горной Шотландии и на Гебридских островах.*

Не следует путать с англо-шотландским (Scots); это германский язык, близкородственный английскому, на котором говорят в равнинной Шотландии.

3

Самым сложным теперь было объясниться с Джорджем. Честно говоря, Минерва даже немного боялась этого объяснения, хотя причин вроде бы не было. Джордж не делал ей предложения, они не были помолвлены, так что формально никаких причин обижаться у него не было. Но ведь по сути он уже давно привык считать ее своей невестой... Однако отступать было еще более стыдно, так что сразу после разговора с Томом она отправилась на факультет и вызвала МакГонагалла поговорить в коридор — обсуждать личные отношения в общей гостиной было глупо.

Толстая Дама проводила их раздраженным взглядом и пробурчала недовольно: "Ходят и ходят, а я, между прочим, устала за день! Что за поколение растет — эгоисты!..". Отведя Джорджа в сторону, Минерва сделала глубокий вдох и быстро, коротко изложила ему суть дела.

— Ну, — сказал Джордж, помолчав, — я так и думал, что этим закончится. Минни, я ведь тоже не слепой.

— Прости, — сказала она неловко. — Я правда не хотела...

— Ты же не виновата, что влюбилась, — Джордж пожал плечами. — Вот только... Извини, но счастья я вам желать не буду.

— Я понимаю...

— Ничего ты не понимаешь! — ответил он с такой неожиданной яростью, что Минерва даже отшатнулась. — Он заморочил тебе голову! Он вертит тобой, как хочет, а тебе и невдомек! Ты знаешь его два месяца, а уже готова пойти за ним на край света!

— Джордж, поверь, я знаю о нем достаточно. Ты считаешь меня дурой, которая готова бегать за первым встречным?

— Нет, — зло ответил он. — Потому и не могу взять в толк, как ты... Минни, пойми, Риддл вовсе не такой замечательный, как тебе кажется! Ты знаешь, что у него за компания?

— Не кричи! — она взмахнула палочкой и установила заглушающие чары — не хватало еще, чтобы весь Хогвартс знал об их ссоре. — И что с его компанией? Обычные ребята...

— А то, что они там вовсю бросаются запрещенными заклятиями! Помнишь, что было с Хупером?

Конечно, она прекрасно помнила эту историю — некрасивую, дурацкую стычку в тамбуре Хогвартс-экспресса первого сентября. Тогда один из друзей Тома — светловолосый высокий парень по

имени Колин Розье — сцепился с однокурсником Минервы, Джорджом Хупером, и попытался запустить в него круцио. Минерва запомнила это тем лучше, что как раз тогда разговаривала с Томом. Разговор пришлось прервать на полуслове — Тома как старосту позвали срочно разбираться.

— Джорди, я прекрасно помню, что было с Хупером! Но, во-первых, для Розье это даром не прошло — он отсидел в карцере. Во-вторых, он все равно не успел применить круцио, его остановили свои же. В-третьих, нужно понимать — у Розье отец пропал без вести на фронте, он был взвинчен из-за этой новости, а Хупер зацепил его первым, вот он и сорвался...

— Минни, — Джордж раздраженно тряхнул головой, — это Том тебе наговорил? Ну, конечно, давай теперь жалеть всех и каждого, давай искать оправдания: ах, бедный, ах, несчастный, у него такая трудная жизнь, значит, ему все позволено!..

— Что ты можешь в этом понимать? — спросила она, закипая от ярости. — Твой отец не воюет, и отец Хупера не воюет! А мой брат сейчас сражается с Гриндельвальдом, и я не знаю — слышишь, Джорди, не знаю! — что было бы, если бы он пропал без вести!

— Ты бы тоже стала бросаться на людей? — зло спросил Джордж, но тут же пошел на попятный. — Минни, ну, извини... Я понимаю, что из-за этой чертовой войны мы все на нервах. И не надо меня винить, что мой отец не на фронте, — ты же знаешь, он работает на оборонном заводе! Я объяснял тебе, что это такое, — место, где делают бомбы, и снаряды, и...

— Я знаю, — коротко ответила она.

Джордж и вправду много рассказывал ей о своих родителях — они оба были маглами.

— Я никого ни в чем не обвиняю.

МакГонагалл, кажется, тоже немного остыл.

— Минни, — он осторожно коснулся ее руки, — ты пойми, я же не хочу тебе зла. Я тебя не упрекаю. Ну, влюбилась ты в этого... — он запнулся, — в Тома, так ведь сердцу не прикажешь. Я лично был бы только рад, если бы у вас все сложилось хорошо. Если ты захочешь, чтоб я оставался твоим другом, то я всегда помогу, чем сумею, буду рядом, если нужно, и... Ну, а не позволишь — что ж, твое право. И про Тома я не по злобе говорю, а просто для того, чтоб ты была осторожна. Понимаешь?

— Спасибо, — сказала она, чувствуя, как горят щеки. — Да, я понимаю. И давай закончим на этом, хорошо?

* * *

После разговора с Джорджем на душе стало намного легче. С этого дня вообще все стало проще — можно было больше не

искать повода для ссор, не придумывать отговорки, куда это она исчезает по вечерам из гриффиндорской гостиной. О помолвке быстро стало известно, и однокурсницы наперебой расспрашивали Минерву, как все произошло, — романтично или не очень, становился ли Том на колени, клялся ли в вечной любви... Все так ее поздравляли, будто и не они еще вчера судачили у нее за спиной.

Много позже, вспоминая эти дни, Минерва вдруг поняла, что на самом деле Том ни разу не сказал, что любит ее. К слову не приходилось, да и это казалось само собой разумеющимся — иначе отчего бы он собирался жениться... А приготовления шли всерьез. Минерва написала домой, что на зимние каникулы приедет с "молодым человеком". Том отправил в Министерство магии сову с просьбой дать разрешение на брак — иначе им бы пришлось ждать еще год, до его совершеннолетия. Как-то быстро и естественно они все распланировали на будущее — что свадьбу сыграют на острове Скай, а после Тому придется сразу же искать работу: ведь будучи семейной парой, они уже не смогут жить в школе, значит, придется снимать квартиру в Хогсмиде.

Минерва теперь проводила на Слизерине вечер за вечером. Ей нравилась компания Тома, в которую входили в основном мальчишки, с разных курсов и даже с разных факультетов. Впрочем, костяк составляли его однокурсники: Колин Розье, который на поверку оказался куда лучше, чем Минерва о нем думала; худенький и тихий Рэй Лестрейндж, который, видимо, был для Тома самым близким другом — настолько, что они понимали друг друга с полувзгляда, словно владели легилименцией; толстый и забавный Тимоти Эйвери; скромный и старавшийся держаться в тени Маркус Флинт. Последнего Минерве было немного жаль — Маркус был немцем, его родители бежали из Германии, чтобы не служить Гриндельвальду, но в школе к Маркусу все равно относились настороженно. Если бы не покровительство Тома, он мог бы стать изгоем.

Девочки в компании тоже были, и некоторые неприязненно косились на Минерву— должно быть, у них были свои виды на Тома, и ее считали захватчицей, посягнувшей на чужое. Однако вслух никто ничего не говорил. Она довольно быстро поняла, что с Томом просто не хотят ссориться, — у себя на факультете он пользовался куда большей властью, чем любой староста на Гриффиндоре. Его слушали и слушались; младшие курсы обращались к нему не иначе как "сэр" и относились со смесью ужаса и восторга. Том никогда не повышал голоса, никогда не вмешивался по мелочам, как другие старосты, но держал факультет железной рукой.

Неписаный лозунг подземелий гласил: "Слизерин все, остальное — ничто". Считалось, что факультет должен быть заодно, что нужно всегда помогать другому слизеринцу, а факультет взамен не оставит тебя в беде... За эту взаимную поддержку и спаянность приходилось, разумеется, расплачиваться — твои оценки и поведение переставали быть личным делом. Минерва отлично помнила один вечер, когда в общей гостиной Слизерина к ним подошел какой-то невысокий веснушчатый мальчишка. Извинившись, он позвал Тома выйти на минутку. Том и вправду скоро вернулся, пряча в карман носовой платок.

— Что там такое? — спросила Минерва.

— А, — он отмахнулся. — Балбесы со второго курса. Чуть не сорвали сегодня урок по уходу за магическими существами, потому что тайком дразнили гиппогрифа, а тот взбесился, оборвал привязь и улетел. Профессор Кэттлберн снял с них двадцать баллов, так что теперь они наказаны.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Вместо ужина я отправил их драить туалет — без магии, естественно, — и временами хожу проверять. Честно предупредил, что если проведу носовым платком вдоль стены и обнаружу грязь, то придется переделывать все заново. Пускай поработают до полуночи, потом отпущу.

— Послушай, — Минерва была искренне изумлена, — но ведь профессор Кэттлберн их уже наказал!

— Именно поэтому. Мы не можем позволить себе терять баллы, если какому-то идиоту пришло в голову тыкать в гиппогрифа палкой.

Он рассмеялся, глядя на выражение ее лица.

— Тебе этого не понять, Минни. У нас здесь принято думать в первую очередь об интересах факультета. Если сравнивать с военным делом, то гриффиндорцы безнадежно застряли в бронзовом веке. Вы по своей природе — одиночки. Каждый выходит на бой со своим щитом и мечом, бросает вызов противнику и бьется с ним один на один. Все остальные в лучшем случае ждут своей очереди сразиться, в худшем — смотрят с трибун, а потом слагают песни о павшем герое. А Слизерин — это фаланга. Единая, спаянная, неуязвимая, один за всех, и все за одного... Во всяком случае, я бы хотел сделать его таким.

— Почему твои однокашники на это соглашаются? Почему позволяют собой командовать?

— Не все, — поправил ее Том. — Старшие курсы мирятся со мной, потому что им это удобно. Когда случаются какие-то неприятности, они знают, что я договорюсь с деканом и сумею все

уладить. Мои собственные однокурсники... Что ж, ими тоже особенно не покомандуешь, но они ко мне прислушиваются. Зато от младших я, естественно, требую безоговорочного подчинения. В конце концов, это в их интересах.

— А если они не захотят подчиняться?

— Есть способы, — ответил Том, смеясь.

— Какие? Хорошая затрещина?

Он поднял брови и улыбнулся:

— Минни, зачем же так грубо? Нет, конечно. Достаточно силы убеждения.

— А кто дает тебе право решать за других? Ты не учитель, не декан, не директор школы...

— ...и не господь бог, — закончил он. — Да, верно. Я всего лишь староста. Но есть еще право сильного — слыхала о таком?

— И ты считаешь, что это честно?

— Почему нет? Не забывай — кто берет на себя смелость управлять другими, принимает и ответственность за них. У меня пол-дня уходит на то, чтобы вытаскивать однокашников из неприятностей. Убеждать учителей принять у лентяев пересдачу контрольной, договариваться об отмене наказаний — мол, мы сами разберемся... Если бы не я, эти разгильдяи со второго курса отрабатывали бы у профессора Кэттлберна неделю, да еще и трости бы отведали. А так они потрудятся несколько часов и вдобавок принесут факультету пользу. Как видишь, все только выиграли.

— Я не знаю...

Она закусила губу, задумавшись. Где-то в рассуждениях Тома было ложное звено, но она никак не могла понять, где именно.

— Но ты же не спрашиваешь их, хотят они этого или нет.

— Так ведь никто так не делает. Министр магии принимает новые законы, не спрашивая нашего мнения. Директор Диппет не бегает за каждым учеником, чтобы поинтересоваться, доволен ли тот школьными порядками. Все в этом мире строится лишь на праве сильного, разве нет?

— Нет! Ты очень все упрощаешь. Вот послушай...

Но переубедить его все равно не удавалось. Каждый раз, когда Минерва начинала спорить с Томом на такие темы, ей казалось, что она упирается в глухую стену. Он запутывал ее своими доводами, расставлял ловушки, вынуждал раз за разом с ним соглашаться в частностях, и получалось, что она согласна с ним в принципе. Минерве казалось, что она блуждает в тумане. А Том смеялся:

— Выбрось из головы. Тебя это не касается, это наши, слизеринские игры... Оставь.

И она сдавалась. Раз за разом и шаг за шагом.

* * *

Незадолго до рождественских каникул ей пришло приглашение на традиционную вечеринку "Слаг-клуба". День был выходной, и студентам разрешалось пойти в Хогсмид. Погода стояла холодная и ясная, снег скрипел под ногами, а от печных труб в деревне поднимались клубы белого дыма. На главной улице Хогсмида Том неожиданно свернул не к "Трем метлам", а в противоположную сторону.

— Куда мы идем? — с любопытством спросила Минерва.

— Это где-то здесь, — сморщив лоб, он рассматривал аккуратные маленькие домики. — Ах, да... Вот.

Нужный им дом был двухэтажным, белым, с четкими черными перекрестьями балок на фасаде. Над входом раскачивалась на ветру затейливая вывеска: "Магазин готового платья от Левередж", а окна нижнего этажа были превращены в витрины, где стояло несколько манекенов в разноцветных мантиях.

— Зачем нам лавка готового платья?

— Ты же не собираешься идти к Слагхорну в школьной мантии, правда? — слегка раздраженно сказал Том.

Минерва хотела было сказать, что обычно так и делала, но, не дожидаясь возражений, Том уже за руку втащил ее внутрь. На двери негромко звякнули колокольчики, и почти тут же из глубины магазина показалась полная ведьма в шуршащей черной мантии. Увидев покупателей, она заулыбалась так сладко, словно встретила родных племянников.

— Здравствуйте, здравствуйте, меня зовут Коммелина Левередж. Чем могу помочь?

— Вот этой молодой леди, — Том кивнул на Минерву, — требуется вечернее платье. У вас есть такие?

— Конечно-конечно! Вечерние, свадебные, для любых торжеств...

Минерва хотела возразить. Она вообще чувствовала себя до крайности неловко, потому что, за исключением школьной формы, раньше никогда не покупала одежду в магазинах — они с матерью сами все шили и вязали. Но хозяйка и слова не давала ей сказать — уже суетилась вокруг, помогала снять пальто и трещала без умолку:

— Думаю, следует подобрать что-нибудь совсем простое и скромное. Знаете, я всегда говорю: молодость прекрасна сама по себе, ей не нужны лишние украшения. У вас, дорогая, замечательные волосы, очень красивые глаза и ровный цвет лица. Так что наша задача — оттенить это все. Ну-ка, давайте

попробуем...

Она взмахнула палочкой, и из недр магазина, из-за вешалок с мантиями и рулонов ткани, прилетели несколько разноцветных платьев. Хозяйка ловко поймала их в воздухе и принялась одно за другим прикладывать к Минерве.

— Нет, это слишком ярко... А на этом фоне лицо кажется бледным... Это могло бы подойти, но все-таки... Да! Вот то, что нужно!

Она аккуратно расправила светло-зеленое длинное платье, придерживая его кончиками пальцев.

— Пойдемте в примерочную, дорогая.

— Я...

Но в этом магазине ее, кажется, никто не собирался слушать — ни Том, ни хозяйка. Минерва и опомниться не успела, как оказалась в увешанной зеркалами просторной нише, отделенной от зала тяжелой шторой.

— Раздевайтесь, раздевайтесь! — торопила ее хозяйка. — Не бойтесь, у меня здесь очень тепло. Давайте ваши блузку и юбку, я повешу их на плечики.

— Чулки тоже снимать? — спросила Минерва, чувствуя, что страшно краснеет.

— Конечно! — владелица магазина изумленно приподняла выщипанные брови. — Вы же не будете примерять вечернее платье с шерстяными чулками!

И тут же исчезла, а потом вернулась с другими — шелковыми и тонкими, как паутинка.

— Настоящие французские, — гордо сказала она. — Сейчас таких днем с огнем не достанешь. Но вам повезло — у меня сохранилась дюжина пар еще с довоенных времен. Так, теперь платье... Ну-ка, посмотрите на себя!

Минерва оглянулась и вздрогнула. Из высокого зеркала в массивной резной раме на нее смотрела совсем другая девушка — взрослая, красивая, уверенная в себе. Платье оставляло открытыми руки и ниспадало мягкими складками до самого пола. Хозяйка магазина тут же принялась колдовать над ним с палочкой в руках:

— В боках нужно убирать — у вас потрясающе тонкая талия. Сейчас я подгоню еще здесь... и на бедрах... Посмотрите, как отлично сидит! Вам невероятно идет...

Конечно, в ее комплиментах была изрядная доза неискренности, но Минерва сейчас сама себе нравилась. Платье, невесомое, нежное и мягкое, казалось сшитым специально для нее, и расставаться с ним было мучительно — но необходимо...

— Простите, — спросила она со вздохом, — сколько это

стоит? Боюсь, мы не сможем себе позволить...

Но хозяйка опять убежала куда-то, не дослушав, а потом вернулась с коробкой в руках:

— Мы совсем забыли о туфлях! Вот, примерьте, мне кажется, вам подойдет... Отличная модель, каблук высокий, но устойчивый, как раз то, что нужно для танцев...

"Это было в какой-то магловской сказке, — подумалось Минерве. — Там героиня надевала хрустальные туфельки. Или она их потеряла? Чем же все закончилось?". Но миссис Левередж не дала ей и минуты подумать — отодвинув штору, она вывела Минерву в зал, чтобы показать Тому, словно Минни была моделью на подиуме, а он — заказчиком.

Хозяйка говорила так быстро, что Минерве не удавалось и слова вставить. Поэтому, прежде чем она успела возразить, ее опять увели за занавеску и велели переодеваться, а владелица магазина принялась упаковывать платье и туфли.

— Сколько с нас? — вежливо спросил Том.

— Сейчас минутку, дорогой мой, я сосчитаю... Сто два галлеона. Но раз уж скоро Рождество, я дам вам скидку — пусть будет девяносто.

У Минервы упало сердце. Она, конечно, понимала, что здесь все стоит недешево, но чтобы до такой степени... Они только выставили себя на посмешище. Остается как можно быстрее извиниться и уйти...

Однако Том молчал. Слышалось только позвякивание и звон металла. Осторожно выглянув из-за шторы, Минерва увидела, как он быстро и привычно выкладывает на стойку столбики золотых монет, а миссис Левередж, шевеля губами, касается их палочкой — проверяет на подлинность.

Минерва оторопело наблюдала за этим зрелищем. Потом спохватилась и стала надевать пальто. Вручив ей два свертка в шуршащей папиросной бумаге, хозяйка, расточая медовые улыбки, проводила их с Томом до дверей:

— Счастливого Рождества! Обязательно заходите еще!

Том был, казалось, совершенно счастлив и чему-то улыбался, идя рядом с Минервой по улице. Она молчала, делая вид, что поглощена надеванием перчаток. Потом наконец решилась:

— Том, я очень благодарна за платье...

— Пустяки, — отмахнулся он. — Я все равно ломал голову, что подарить тебе на Рождество.

— Но я бы хотела узнать, откуда у тебя деньги, — решительно закончила она.

— Оттуда же, откуда у всех людей, — Том рассмеялся. — Из кармана.

— Я не об этом, — она твердо намеревалась не дать ему перевести все в шутку. — Девяносто галлеонов — немалая сумма даже для взрослого волшебника. Откуда у *тебя* такие средства?

Он фыркнул.

— Минни, ты стала забывать все на свете... Я же работаю. С тех пор, как профессор Меррифот договорилась с Советом попечителей и меня приняли лаборантом в кабинет ЗОТИ, я тружусь с утра до вечера, как домовой эльф.

— Ставка лаборанта — пять галлеонов в месяц, — возразила она. — Ты сам мне это говорил. Я не жалуюсь на память.

— Как ты любишь цепляться к мелочам... Если хочешь знать, я давно откладывал.

— Не верю. До недавних пор у тебя не было доходов. Откуда деньги? Том, мне нужно знать!

— Зачем? — он остановился и посмотрел на нее. Глаза у него казались совсем темными, почти черными, и видно было, что он начинает злиться. — Ты намекаешь, что я фальшивомонетчик? Или ограбил Гринготтс?

— Ради Мерлина, я ни на что не намекаю! Я просто хочу понять... Если мы собираемся пожениться, я ведь должна знать все о твоей жизни, правда?

— Неправда. Я не лезу в твою жизнь и не допытываюсь, где ты была и что делала в мое отсутствие.

— Потому что я сама тебе рассказываю!

— Заметь, я этого не требую. Говорить или нет — твоя добрая воля. Я не считаю себя вправе контролировать каждый твой шаг. А вот ты, похоже, так не думаешь.

— Том, я просто спросила, где ты берешь средства. Неужели так сложно ответить? Иначе я не буду знать, что мне думать, начну беспокоиться за тебя и...

— Жизнь была бы намного проще, — сказал он сквозь зубы, — если бы люди не стремились осчастливить своей заботой всех и каждого. Минни, поверь, в этом нет ничего преступного. Просто... небольшой бизнес. Но школьные правила не одобряют занятия коммерцией, поэтому я его не афиширую.

— Что за коммерция? Кому и что ты продаешь?

— Извини, не могу сейчас сказать. Я же объяснил, почему. Придет время — расскажу.

Она пыталась добиться ответа всю дорогу до "Трех метел", но там пришлось прекратить разговор — слишком много вокруг было посторонних ушей. Вдобавок Том разозлился всерьез, и Минерва против воли почувствовала себя виноватой — он ведь хотел ее порадовать, сделать ей подарок, а она все испортила... В конце концов, с чего она решила, что он занят чем-то

незаконным? Какое имела право оскорблять его подозрениями?

Но сомнения никуда не девались, как она ни гнала их прочь.

Может быть, это было совсем незначительное происшествие. Но Минерве оно почему-то запомнилось надолго. Потому что после него их отношения стали ухудшаться, как будто яркий детский мяч, подброшенный вверх, на мгновение замер в зените и потом сначала медленно, а дальше все быстрее начал падать вниз, к земле.

4

И тогда, и потом ее уже терзали сомнения. Она догадывалась, что с Томом что-то не так. Он был скрытен, у него постоянно были какие-то непонятные дела, он мало что ей рассказывал. У него были резкие и сильные перепады настроения, ни смысла, ни причины которых Минерва не понимала.

На рождественские каникулы они с Томом съездили на остров Скай. Деду Том понравился, но после разговора с ним дед, посмеиваясь, сказал Минни:

— Что ж, ты сделала выбор вполне в духе семьи...

— Что вы имеете в виду?

— Из всех возможных мужчин ты выбрала самого сильного. Это правильно. С кем-то послабее тебе было бы скучно. Но готова ли ты за это заплатить? Вот что я хочу услышать.

— Я не понимаю, — резко сказала она.

— Минни, не надо сразу выпускать иголки и становиться похожей на рассерженного нарла... Том способен на многое — это видно уже сейчас. С твоей помощью он добьется большего, чем любой его сверстник. Но для этого тебе придется поступиться собой. Забыть о своем "я", жить его жизнью, смотреть на мир так, как он. В этом нет ничего плохого. Я, пожалуй, сам такой, — он усмехнулся. — Ты же знаешь, что я не особо спрашивал твою бабку, хочет ли она выходить за меня замуж. Боюсь, я временами был с ней слишком жестким, и вообще жизнь у нее выдалась не очень-то сладкая. Но Кэти, пусть ей будет тепло в садах Авалона, была мягкой и покладистой женщиной. Ты не такая. Ты пошла в нашу породу. Потому я и спрашиваю — ты готова уступать? Если нет, то еще не поздно отказаться.

— Дедушка, почему у вас всегда либо полная покорность, либо война?! Почему вы считаете, что люди не могут просто понять друг друга?

— Не тот случай, девочка моя, ох, не тот случай...

Тогда она решила, что дед, как обычно, сгущает краски.

Зря. Очень зря.

* * *

В марте 1943 года Тому пришел ответ из Министерства —

разрешение вступить в брак, которое ему требовалось как несовершеннолетнему. А на пасхальные каникулы они отправились вдвоем в гости к милой старой деве Батильде Бэгшот, с которой Минерва познакомилась на вечеринке у Слагхорна. Мисс Бэгшот трогательно радовалась, что у нее в доме появилась молодежь, переживала, не знала, куда усадить, чем угостить...

Там-то все и произошло. В спальне на втором этаже, которую отвели Минерве и где пахло полировкой для мебели, отглаженным льняным бельем и лавандой от моли.

Том давно этого добивался, и Минерва наконец уступила. В конце концов, до свадьбы оставалось три месяца... Это оказалось не так больно, как она думала, но очень страшно. И как-то горько, грустно, будто теперь уже ничего не могло быть по-прежнему. Будто теперь она была прикована к нему навсегда.

Еще Минерву пугала его развращенность. Том откуда-то слишком хорошо знал, как *это* делается. А еще он постоянно хотел смотреть на Минни — не разрешал ей прятаться под одеялом, зажигал свечу... Минерву ужасали подобные вещи, она была готова провалиться сквозь землю при одной мысли, что Том увидит ее полностью обнаженной. Сама она всегда зажмуривалась и отворачивалась, чтобы не видеть того, что он делает.

А он еще уговаривал ее прикасаться к нему *там*, и это было совсем ужасно, немыслимо... Откуда у человека в шестнадцать лет могут взяться настолько извращенные желания? Минерва с ужасом думала, что, может быть, он имел дело с проститутками или другими женщинами подобного сорта, но Том, смеясь, заверял, что до нее у него не было женщин. Минерва предпочитала верить ему на слово и не задаваться лишними вопросами.

Это-то и было страшно: чем дольше она была с Томом, тем больше становилось мыслей, которые приходилось отгонять, и мелочей, на которые лучше было не обращать внимания.

Еще она боялась забеременеть. В принципе, в этом не было ничего страшного — не так уж редки случаи, когда невеста выходит замуж, уже будучи в положении. Белая фата и свадебный венок все покрывают, как говорится в народном присловье. Но Том не хотел детей, во всяком случае, сразу. Слишком непостоянны и ненадежны были его заработки, да и война все еще шла, и было непонятно, закончит ли он Хогвартс или уйдет на фронт со школьной скамьи, как десятки других старшекурсников.

Когда они с Минни вернулись в школу, Том стал варить для

нее противозачаточное зелье. Разумеется, она справилась бы и сама, но Том убедил ее, что так будет проще — Минерве пришлось бы делать это тайком от однокурсниц, а у Тома был второй ключ от лаборатории Слагхорна, где никто не следил, что и зачем он делает.

Иногда Минерва сидела с ним в лаборатории по вечерам, наблюдая за движениями Тома, когда он, не глядя, брал нужный нож или с точностью до десятой грана отмерял ингредиенты. Он действительно был прекрасным, прирожденным зельеваром — как отличница, Минерва могла это оценить.

У Слагхорна всегда было жарко натоплено, расставлены удобные кресла, в изобилии пледы и подушки — декан Слизерина даже в рабочей обстановке любил комфорт. Над котлом с зельем поднимался серебристый пар, и лицо Тома в дымке казалось нежным, мягким, с почти девичьими, чертами.

Иногда они занимались любовью прямо там — в одном из кресел, — а иногда в подсобке кабинета ЗОТИ, где у Тома была узкая скрипучая раскладушка и черная ширма, которой он закрывал клетки с нечистью, потому что Минерве было не по себе под их пристальными немигающими взглядами... У них с Томом была теперь общая тайна, возвращавшаяся каждые двадцать восемь дней — Том требовал, чтобы Минерва всегда сразу же сообщала ему о приходе месячных, и очень нервничал, если они запаздывали. Было в этой тайне одновременно что-то нежное и постыдное, будто в сладком, как мед, но слегка подпорченном яблоке.

Позже, вспоминая об этом времени, Минерва ужасалась сама себе — а ведь тогда она все это терпела, убеждая себя, что скоро они поженятся, и тогда наступит нормальная, чистая жизнь, без привкуса вины, без ощущения грязи... Жизнь без обмана.

* * *

Тем временем Том стал понемногу отдаляться от нее. Его исчезновения непонятно куда стали чаще и дольше, он постоянно был чем-то обеспокоен, с Минервой разговаривал коротко и неохотно. Она объясняла это предэкзаменационной гонкой, усталостью, тревогой за СОВы... И все бы ничего, но вдобавок в школе творилось что-то непонятное. Сначала кто-то напал на шестикурсника с Хаффлпаффа, и того нашли окаменевшим. Потом в женском туалете на третьем этаже нашли погибшую девочку. Сначала заподозрили сердечный приступ или суицид, но прибывшая следственная бригада уверенно заявила: это убийство.

Оставалось непонятно только, как. И кто.

Дамблдор в это время приехал в школу — короткий двухнедельный отпуск с фронта. Минерва была невероятно рада

ему. Все так запуталось, что напоминало кошмарный сон. Обстановка в школе была очень тяжелая, все подозревали всех, и ей очень хотелось верить, что Дамблдор разберется.

А он много расспрашивал ее о Томе. Сам отвечал как-то уклончиво: да, очень талантливый мальчик, да, безусловно умен. А Минерве хотелось говорить и говорить с любимым учителем про Тома. Несмотря на все свои сомнения, она все же была счастлива, влюблена, полна надежд... Дамблдор внимательно слушал ее, покусывал дужку очков, кивал, но молчал.

Самого Тома Минерва в это время почти не видела — он был настолько взвинченным и нервным, то ли из-за экзаменов, то ли из-за убийства, что разговаривать с ним было просто невозможно. Минерва не трогала его, оставила в покое. Да и не до того было. Убийцу обнаружили, и им, неожиданно для всех, оказался третьекурсник-полувеликан с Гриффиндора, Рубеус Хагрид. Никаких сомнений быть не могло — он сам, рыдая, пришел в кабинет директора и признался, что держал в школе гигантского ядовитого паука, который сбежал и убил девочку.

Минерва испытывала странное чувство. С одной стороны, она была рада, что все разрешилось. С другой — она не очень верила, что Хагрид действительно виновен... Дамблдор, похоже, тоже не верил. Несколько дней спустя — Хагрид все еще был в школе, ждал суда, — Минерва отправилась с ним в Запретный лес посмотреть на паука. Это был странный, безумный поход — она никогда не видела говорящих пауков, она не думала, что такое мыслимо. Паук сказал, что никого не убивал. Что вообще в школе ничего не видел, кроме ящика, в котором его держали.

Минерва спросила Хагрида, почему же он отправился признаваться. И выяснилось, что его убедил Том...

Она не знала, как это понимать и как ей самой теперь поступить. Спрашивать Тома было бессмысленно — он бы просто уклонился от ответа, как обычно. Оставалось думать самой.

Том уговорил Хагрида пойти признаться.

Том знал, что Хагрид невиновен, потому что слышал от Хагрида о пауке и знал, что тот не выходил из ящика.

Зачем он отправил Хагрида к директору?

Неужели ему было нужно найти виновного, чтобы его самого не обвинили? Знал ли он о смерти девочки больше, чем говорил?

Со своими подозрениями она пошла к Дамблдору. Ему можно было доверять. Минерва знала, что он не выдаст. Дамблдор подозрения подтвердил. Да, у него давно были такие мысли. Да, Том, кажется, действительно каким-то образом причастен к смерти Миртл. Дамблдор не был уверен, сам ли Том имеет к этому отношение или же кто-то из его компании. Но в любом случае он будет наблюдать за Томом, чтобы не дать ему больше оступиться.

Потом Минерва пошла к Тому, чтобы выяснить, наконец, что произошло, — и нарвалась на страшный скандал.

Она всегда знала, что Том недолюбливает Дамблдора. Каждый раз, услышав о главе Гриффиндора, он начинал злиться и резко возражал против того, чтобы Минерва с ним общалась. А теперь просто взвился до небес, узнав, что Минерва со своими подозрениями отправилась к декану.

Том наговорил ей такого, что потом было больно вспоминать. Потребовал, чтобы она извинилась. Она не захотела. В конце концов, он так и не объяснил ей, зачем убедил Хагрида пойти признаться, если сам был ни к чему не причастен. Что он натворил? Сам убил Миртл? Прикрывал кого-то? Зачем ему понадобилось обвинять невиновного, что он хотел скрыть?!

Если бы он говорил ей правду, ничего бы не случилось…

Наконец Минерва сказала в сердцах, что разрывает помолвку — и Том неожиданно за это ухватился. Нет — значит, нет. "Отлично. Ты сделала выбор"...

Наверное, так и было.

* * *

Ей было страшно тяжело в те дни. Постоянно снилось, будто она разрезает яркую вышивку, распарывает только что сотканное полотно... Что-то невероятно важное рвалось в ее жизни.

Деду и матери она сказала только, что они с Томом поссорились, но не уточняла, почему. И уж тем более не рассказывала, что между ней и Томом было нечто большее, чем невинные поцелуи, — иначе мог быть огромный скандал. Дед, кажется, догадывался, что случилось, но молчал. Судя по всему, он был в Минерве разочарован.

Сама же она думала, что, наверное, просто наскучила Тому. Он давно уже стал от нее отдаляться. Что уж теперь поделаешь? Тем более что — Минерва не могла думать об этом, не сгорая от

стыда, — он ведь получил то, чего хотел, то, что ему было нужно... И потерял интерес, как это часто случается с мужчинами. Нашел повод и расстался с ней с легким сердцем. До свидания, милая. Можешь теперь идти по рукам...

Чтобы не видеть его, Минерва не стала возвращаться в Хогвартс на седьмой курс. Она завербовалась в женские вспомогательные части Сил самообороны, носила теперь военную мантию и целыми днями занималась расшифровкой разведывательных донесений с континента. Суровые армейские порядки, жесткая, шершавая форма, обязательно строгая стрижка — на дюйм выше воротничка, — дежурства, приказы, наряды... Она очень надеялась, что сможет забыть Тома. Не было никакой любви в ее жизни, и все тут.

Потом однажды ей прислал сову Джордж МакГонагалл. Он тоже ушел на фронт добровольцем и воевал в Италии. А сейчас вот получил отпуск, приехал на неделю в Англию и спрашивал, нельзя ли увидеться с Минервой в Лондоне.

Ей удалось выпросить увольнительную на один вечер, с разрешением одеться в штатское, и в семь часов она ждала Джорджа у Гринготтса. Волновалась, сама не понимая, из-за чего — это же просто бывший однокурсник! "Гражданская" мантия и тонкие чулки казались чужими, словно одеяния марсиан, увольнительный билет в сумочке — пропуском в незнакомый и непривычный мир. Увидев Джорджа, Минерва автоматически приложила руку к берету и ждала, пока он скажет ей "Вольно" — он ведь был старше по званию…

Джордж показался ей взрослым, совсем не таким, как в школе. Они посидели в кафе Фортескью, побродили по городу, поговорили об общих знакомых — кого наградили на фронте, кто ранен, кто демобилизовался... Лишь о Томе Джордж ни разу не спросил, и за это, пожалуй, Минерва была ему благодарна больше всего.

Потом они мельком виделись еще два раза, а перед самым возвращением в Италию Джордж сделал ей предложение.

Минерва сама не знала, почему согласилась. Может быть, пыталась таким способом вытеснить Тома из памяти... Наивно, конечно.

Еще два года они переписывались — у Минервы собралась целая коробка писем Джорджа. Местами они были забавные, местами деловые. О чувствах там ничего не говорились — они с МакГонагаллом оба смущались, если приходилось заговаривать вслух о таких вещах. А может, просто не о чем было говорить...

Летом 1945 года, после демобилизации, Джордж вернулся в Англию, и, наверное, только тогда Минерва вдруг поняла, что все

это всерьез. Но отказываться от замужества было уже как-то нелепо. Да и пора было браться за ум — в конце концов, ей двадцать лет, время подумать о семье. Не вечно ведь жить в казарме и проводить день за днем, до боли в глазах вчитываясь в колонки цифр...

Джордж отвез ее в Глазго, чтобы познакомить со своими родителями. Серый, влажный город, казалось, весь пропах морем и паровозным углем. Люди на улицах тоже казались серыми. Родители МакГонагалла жили в многоквартирном огромном доме, где на шестом этаже была слышна перебранка соседей с первого. Отец у Джорджа был мягкий, уступчивый, но мать Минерве не понравилась — как-то слишком она любила поговорить о деньгах и постоянно жаловалась на жизнь.

Потом они поехали на остров Скай. Дед остался от Джорджа не в восторге и охарактеризовал его коротко — ни рыба ни мясо. Но против свадьбы не возражал — наверное, решил, что теперь уже все равно, и Минни в любом случае отрезанный ломоть.

Свадеб у них было, строго говоря, целых две. Одна магловская, на которой приходилось все время напоминать себе, чтобы не пользоваться палочкой на виду у родственников Джорджа, — а другая волшебная. На последней все было, как полагается: лепешка, разломанная над головами молодоженов, связывание рук, обход священного огня... Огню полагалось ярко вспыхнуть в знак того, что магические обеты принесены, однако он горел, как горел, — тепло, но ровно. Прибывшие на свадьбу тетушки шептались — мол, плохая примета. Мама, которая всю свадьбу то плакала, то извинялась, что портит дочери «такой день», утешала Минерву, что это всего лишь обряд, символ и в наши дни никто не обращает на это внимания. А Минерве было все равно.

Дед на свадьбе говорил тосты в честь молодых, много смеялся и пил, но взгляд у него оставался серьезным. На прощание он поцеловал Минни в щеку, крепко уколов ее бородой, и сказал:

— Ох, не лежит у меня душа отпускать тебя к этим маглам... Ну, ладно. Если что, ты всегда можешь вернуться.

В свадебное путешествие они отправились всего на три дня — на большее денег бы не хватило, да и Джордж недавно устроился на работу, и ему бы все равно не дали большой отпуск. В маленькой волшебной гостинице во Франции, в одном из городков на Луаре, их поселили в номере, где окна закрывались зелеными ставнями, а вдоль подоконника густо разросся плющ. Веселая полная горничная распаковала их вещи, рассказала скороговоркой на ломаном английском, что будет на обед и какие

старинные замки можно осмотреть в окрестностях, а потом ушла, пожелав "месье и мадам" хорошо отдохнуть с дороги. Только тогда Минерва вдруг осознала, что они с Джорджем остались наедине и что сейчас — пусть и не совсем сейчас, но все же сегодня — ей нужно будет с ним спать…

Дело было даже не в том, что она вышла замуж не девственницей. В конце концов, при желании это можно было исправить простенькими чарами. Но это было бы нечестно — хотя по отношению к Джорджу, к Тому или к ней самой, Минерва не смогла бы сказать. И Джордж в конечном счете повел себя, как настоящий джентльмен. Он, конечно, все понял, но ничего не сказал и вообще очень старался быть нежным. Кажется, Минерва была у него первой женщиной. Ей было наплевать.

У нее не было никакого опыта с мужчинами, кроме Тома, и раньше ей казалось, что *это* всегда одинаково. А оказалось, что вовсе нет... Джордж не заставлял ее делать то, что ей не нравилось, не пытался зажечь свет или увидеть ее без ночной рубашки. Он очень старался доставить ей удовольствие, в отличие от Тома, который всегда думал только и исключительно о себе. Со временем Минни даже научилась получать удовольствие от секса. Но... Было множество всяких "но".

Не тот был запах, не тот вкус губ, не те интонации. Если Джордж пытался сказать ей что-то ласковое, она требовала, чтобы он замолчал, потому что это раздражало. Какие бы умные вещи Джордж ни говорил, они казались ей нелепостью. А ведь Том когда-то мог молоть любую чушь – и Минни сходила с ума от одного лишь звука его голоса...

Прожив с Джорджем несколько лет, она все еще, идя по улице, могла внезапно остановиться, как вкопанная, потому что ей мерещился в воздухе запах мяты.

Она старалась. Она честно старалась быть хорошей женой и хорошей невесткой. Привыкла жить с маглами и по-магловски, научилась ездить в трамвае, готовить на газовой плите и шить на швейной машинке. Честно пыталась полюбить свекра и свекровь, которые не любили ее. Наверное, раньше они думали, что волшебник в семье — это очень здорово. Но когда убедились, что от этого не прибавится ни денег, ни имущества, что нельзя вот так просто взять и наколдовать счет в банке или жилье побольше, то стали потихоньку пилить Джорджа: мол, ты и сам живешь не как люди, и женился на такой же ненормальной... Джордж то ссорился с ними, то пытался помириться. Он никогда не давал Минерву в обиду, всегда защищал ее, как мог, в том числе от собственной семьи. Наверное, он и вправду был хорошим мужем, если объективно. Это она была неправильной, она вела себя, как

неблагодарная свинья.

Чем дальше, тем больше ее все раздражало в Джордже: как он двигается, как ест, как смотрит... Ведь не может же быть, чтобы самые обыденные вещи вызывали такую ненависть! Она стала сама себя бояться и все четче понимала, что жить с Джорджем дальше — значит мучить его и себя. Когда узнала, что беременна, поначалу даже обрадовалась. Может быть, думала она, теперь все наладится… Но когда в 1953 году родился Мартин, Минерва окончательно и бесповоротно поняла — Джордж ей больше не нужен.

Они развелись быстро и без ссор. Джордж помог ей перевезти вещи, они договорились, когда и как будет он видеться с сыном. Минерва увезла Мартина к своей матери на остров Скай — дед к тому времени уже умер, — а сама устроилась в маленькую лабораторию в Эдинбурге. Там платили мало, зато и работы было немного, так что оставалось время на ребенка. На ее собственные заработки и деньги, которые присылал Джордж, можно было худо-бедно существовать, тем более что на еду почти ничего не приходилось тратить — овощи с огорода, молоко от собственных коз, рыба из моря...

О Томе она почти не вспоминала. Он уехал из Англии и, видимо, насовсем, раз так долго не возвращался.

Потом в декабре 1956 года Минерве внезапно прислал сову Дамблдор. В письме спрашивалось, не хочет ли она занять в Хогвартсе место преподавателя трансфигурации. Подумав с полчаса, она ответила согласием.

Так началась ее новая жизнь.

* * *

Поначалу ей было непонятно, как ее так быстро и легко взяли на работу — без всяких предварительных собеседований, рекомендаций, да еще посреди учебного года. Причина разъяснилась две недели спустя, из разговора с Дамблдором. Когда Минерва задала ему прямой вопрос, он честно ей ответил: да, все дело в том, что Риддл вернулся в Англию.

— Видишь ли, Минни, он ведь претендовал — ну, да ты знаешь, — на место учителя ЗОТИ, — говорил Дамблдор, наливая ей чай. — Собственно, он даже преподавал немного, когда сам еще учился на старших курсах. Тогда мне удалось убедить совет попечителей, что он слишком молод для постоянного места в штате. Но сейчас прошло десять лет, и опыта Тому не занимать, так что формальных поводов для отказа больше нет. Вот и пришлось мне, — Дамблдор обезоруживающе улыбнулся, — самому занять пост преподавателя ЗОТИ и найти учителя трансфигурации на свое место. Выбирая между мной и Томом,

совет попечителей все же выбрал меня.

— Почему вы отказали ему тогда? — спросила она. — Я имею в виду настоящую причину...

— Понимаешь, — Дамблдор задумчиво взял лимонную дольку, — я ведь видел, как он работает с классом. Тому неинтересно учить. Он вовсе не стремится поделиться с учениками своими знаниями. Вместо этого он выбирает любимчиков, тех, кого может включить в свою свиту, кто будет ему предан. Остальные — да хоть трава не расти... Ты же сама понимаешь, насколько это неверный подход для педагога. Учитель не имеет права уделять внимание только избранным — он должен быть наставником для всех… Кроме того, у меня были нехорошие подозрения насчет того, чему именно Том будет учить своих фаворитов. Его всегда слишком тянуло к экспериментам, к рискованным областям магии... Он, безусловно, талантлив, но парадокс в том, что иногда серая посредственность бывает лучше блестящих умов. В педагогике особенно. Не принимай на свой счет, пожалуйста.

Она отмахнулась.

— И в мыслях не было. Я уже поняла, как сложно быть учителем. Куда труднее, чем исследователем. Мой предыдущий опыт мне мало в чем помогает.

— Ты справишься, — уверенно сказал Дамблдор. Потом помолчал и добавил: — Прости, что задаю настолько личные вопросы, но... Том не писал тебе после возвращения?

— Нет, — ответила она после паузы. — А что?

— Так, ничего...

На самом деле Том ей действительно написал — примерно месяц спустя. Потом еще раз, и еще. Сначала это были просьбы о встрече, потом предложения работы. Минерва отвечала вежливыми отказами. Она не следила за деятельностью Тома, но с течением времени до нее доходили разные слухи. Она знала, что у него уже есть собственная лаборатория, что он занимается бизнесом, хотя каким, никто не мог сказать в точности.

Еще поговаривали, что он теперь называет себя по-другому — лорд Как-То-Там. Тогда это еще было смешно... Он не был женат, насколько Минерве было известно, и вроде бы не собирался, хотя поклонниц среди волшебного бомонда у него хватало. Почему он не женится — об этом тоже говорили разное, но Минерва сразу уходила, если начинались какие-то намеки на этот счет.

О том, каким именно бизнесом занимается Том, она узнала, кажется, году в шестидесятом, на встрече выпускников Гриффиндора, где встретила Аластора Моуди. Он повзрослел, раздался в плечах, к аврорской мантии были прикреплены

военные награды.

— Чем Том зарабатывает на жизнь? Защищает, — фыркнул Аластор в ответ на ее вопросы.

Говорил он невнятно, потому что уже успел приложиться к огневиски, и не один раз.

— То есть? — спросила Минерва недоуменно. — Кого? От чего?

— Как бы тебе объяснить попроще... Вот представь, что у тебя есть аптека, фабрика метел, ювелирная мастерская — неважно что. И вдруг тебя начинают преследовать неприятности. Тебя грабят — раз, другой, третий. Твой склад внезапно сгорает, к тебе в дом вламываются неизвестные... Ты, конечно, обратишься в Департамент магического правопорядка, но не будут же его сотрудники дежурить у тебя день и ночь. У них есть и другие дела, преступный мир ведь не сидит, сложа руки. Вот и получается, что уголовное дело-то возбудят, проведут расследование, но все равно никого не найдут, потому что следов нет, работали профессионалы — а ты как хочешь, так и выкручивайся... Я понятно объясняю?

— Более-менее, — она нетерпеливо кивнула. — Аласдейр, мы хоть и живем в Хогвартсе в отрыве от мира, но я все же не вчера родилась. Давай дальше.

— Ага. Ну так вот, у тебя, значит, неприятности, — Аластор сделал очередной глоток огневиски, — и что делать, непонятно. И тут ты совершенно случайно знакомишься с милым молодым человеком и сама не замечаешь, как выкладываешь ему всю историю своих бедствий. А он говорит: "Надо же, какое совпадение! Я ведь владею частным охранным агентством. Как чудесно, что мы с вами встретились. Если хотите, мы можем решить все ваши проблемы. За вознаграждение, конечно". И ты соглашаешься — а что тебе остается? Отдаешь каждый месяц кругленькую сумму за защиту, зато живешь спокойно.

— А если отказаться?

— Те, кто отказывается, потом уже никому и ни на что не жалуются, — Аластор невесело усмехнулся. — И ведь понимают: те, кто тебя грабил, и те, кто теперь охраняет, — одни и те же люди. Владельцы бизнеса это знают. Мы это знаем. Но никто не хочет давать показания. Все боятся лишний раз открыть рот, чтобы не вызвать недовольство "хозяина"...

— Так его теперь называют? — спросила Минерва тихо.

— Да. "Лорд", "хозяин" или просто "он". А мы никак не можем его зацепить. Все фирмы, которые числятся на нем самом, совершенно легальны. Парочка лабораторий, пабы, отели... Вся отчетность в идеальном виде, все налоги уплачены. Когда

недавно был скандал с "Борджин и Беркс" — они торговали контрабандными темномагическими артефактами, — мы уже было обрадовались, что сумеем до него добраться. Он ведь владеет там четвертью акций... Но что ты думаешь — выкрутился! Нанял пройдоху-адвоката... Кстати, одного из своих бывших дружков. Помнишь такого Рэя Лестрейнджа?

— Конечно.

— Лестрейндж сумел доказать суду, как дважды два четыре, что ни семья Борджин, ни сам Том не были в курсе происходящего. Мол, никаких сомнительных сделок не заключали, никаких документов не подписывали и вообще невинны, как младенцы. Доверились-де наемному управляющему, а тот оказался мошенником и у них за спиной проворачивал свои темные делишки. Управляющий полностью признал свою вину и, естественно, сел в Азкабан. Судя по тому, в каком дорогом доме живет сейчас его семья, ему за это неплохо заплатили. И знаешь, я понимаю этого парня. Если бы у меня был выбор — взять все на себя, но чтобы дети ни в чем не нуждались, или сказать правду и ждать, пока с твоими близкими произойдет "несчастный случай", — неизвестно, как бы я поступил... А Том зато по-прежнему свободен, как ветер, и смеется себе над нами. Скользкая слизеринская гадюка... Минни, прости. Я знаю, что тебе это неприятно.

— Ничего, — сказала она, стискивая руки под столом, чтобы Аластор не заметил. — Мы все ошибаемся в людях. Мне еще повезло вовремя исправить ошибку.

— Я ведь и сам когда-то считал его порядочным, — мрачно сказал Аластор. — Даже дружил, можно сказать. Если бы я тогда не ушел на фронт, а остался в школе, в его компании... Тоже бы сейчас, может, был собачкой у него на побегушках. Тьфу!

Он щедро плеснул себе еще огневиски. Минерва пыталась еще что-то спросить, но речь Аластора стала совсем неразборчивой, а вскоре он ушел, отмахнувшись от предложения помочь аппарировать. Мол, он сам аврор, и пусть только кто-нибудь попробует задержать его за аппарацию в нетрезвом виде...

* * *

Что Том занимается сомнительным бизнесом, Минерву ничуть не удивило. В конце концов, еще в школе к этому все шло. Она удивилась скорее, когда он занялся политикой, — это было позже, году, кажется, в 1963 или около того. Именно тогда он впервые попытался провести своих людей в Визенгамот, и что уж совсем странно — под лозунгами ограничения прав маглорожденных. Насколько она помнила, в школе у Тома не было никаких таких предрассудков.

Она принялась внимательнее читать газеты и примерно через полгода, поговорив еще несколько раз с Моуди и Дамблдором, поняла, в чем дело. Том поступил по сути очень ловко — принялся эксплуатировать предубеждение против маглорожденных, которое было очень сильно в определенных слоях общества. Вдобавок, по словам Аластора, несколько очень богатых предпринимателей-маглорожденных отказались продать ему свои фирмы по дешевке. У этих людей был немалый вес в магическом мире и влияние в Визенгамоте, поэтому Том не рискнул затевать открытую войну. Вместо этого он принялся требовать в прессе расследования происхождения их капиталов, везде и всюду говорить, что маглорожденные грабят волшебников, и добиваться конфискации их имущества. Число его сторонников росло, одни выборы в Визенгамот они чуть не выиграли и не прошли только по обвинению в фальсификации голосов.

Вне Хогвартса творилось что-то непонятное, но в школе все было, как всегда, — привычная, устоявшаяся за столетия рутина. Течение времени здесь почти не ощущалось. Выпускались один за другим старшие курсы, каждый год Шляпа распределяла новичков на факультеты, но по существу не менялось ничего. Жаль только, что Мартина удавалось видеть лишь на каникулах...

Летом 1962 года Минерва получила сову от Джорджа. Он писал, что собирается снова жениться. Его невесту звали Сьюзен, и она была магла. Должно быть, Джордж был сыт по горло жизнью с потомственной ведьмой и решил не повторять опыт.

Читая письмо, Минерва испытала странные чувства. Казалось бы, столько времени прошло, и возвращаться к Джорджу она совершенно не собиралась — откуда же внезапная вспышка ревности? Впрочем, насколько она поняла, Сьюзен испытывала к ней то же самое, так что на свадьбу Минерву не пригласили. Мартина звали — Джордж был готов аппарировать за ним, — но тот отказался. Он был расстроен и не хотел видеть отца.

Правда, уже через год Мартин сменил гнев на милость и согласился погостить у Джорджа. Вернулся довольный: "тетя Сьюзен" оказалась вовсе не такой плохой, как он думал, и не собиралась играть роль злобной мачехи. Да и при всем желании ей было бы не до того — у нее недавно родился ребенок, которого назвали Найджелом.

— Представляешь, мам, — возбужденно рассказывал Мартин, — он все время только ест да спит! А еще плачет и пачкает пеленки. Не понимаю, какая польза от таких маленьких детей?

— Глупый, — смеялась Минерва. — Ты же сам такой был...

— Неправда, — возмущался Мартин. — Я был в сто раз

умнее. Спроси бабушку, если не веришь!

Позже, когда Мартин пошел в Хогвартс, он стал навещать отца почти каждые каникулы. Минерва разрешала, хотя в глубине души недолюбливала эти поездки — Джордж, соскучившись по старшему сыну, умудрялся так его избаловать за лето, что потом с Мартином не было никакого сладу.

Мартин рос очень похожим на отца. Такой же основательный и спокойный, но при этом упрямый и скрытный. Почти никогда не спорил, уклонялся от разговора, отмалчивался, но потом все равно делал по-своему.

Когда сын пошел в школу, Минерве казалось, что теперь волноваться не о чем — все-таки на глазах, под присмотром... Как бы не так! Отныне каждая выходка Мартина становилась ей немедленно известна от коллег. К учительским детям всегда относятся по-особому, и Минерва сама постоянно ловила себя на несправедливости. Она твердо решила, что никак не будет выделять Мартина — он такой же ученик, как все! — но все равно выделяла, правда, со знаком "минус". Придиралась к каждому нарушению, ставила ему три балла там, где другому поставила бы десять... Конечно, это было неправильно, и Мартин страшно обижался.

— Мама, меня и так гоняют по всем предметам! Думают, что раз я твой сын, я обязан быть лучшим.

— А ты и должен быть лучшим! Правильно делают преподаватели, что не дают тебе поблажек.

— Это нечестно!

В такие минуты Мартин очень напоминал Джорджа — такой же насупленный, ни дать ни взять, молодой бычок.

— Ну-ка, пойди встань в угол, — распорядилась Минерва. — Да, вон тот, возле шкафа. Постоишь часок, подумаешь над своим поведением.

— За что?! — Мартин был оскорблен в лучших чувствах.

— За то, что позволяешь себе ныть и жаловаться. Мне стыдно за тебя!

— А если кто-то придет и увидит, что я здесь торчу, как дурак, в твоем кабинете?!

— Это лучше, чем стоять в углу на уроке перед всем классом, правда?..

И так раз за разом.

К пятому курсу они перестали конфликтовать, зато появились другие проблемы. Однажды, вернувшись в школу после Рождества, проведенного у МакГонагаллов, Мартин вдруг спросил:

— Мама, а ты правда была знакома с Лордом Волдемортом?

— Мне не нравится, когда ты повторяешь это нелепое имя.

— В газетах его так называют...

— Мартин, в газетах пишут много всякой чепухи. На самом деле он вовсе не лорд. Просто самозванец, придумавший себе напыщенное прозвище.

— Но ты его вправду знала?

— Почему ты так решил?

Мартин только пожал плечами.

Понятно... У Джорджа язык за зубами не держится. Нашел, что рассказывать сыну!

— Это мой бывший жених, — неохотно ответила она. — Я была с ним помолвлена до того, как вышла замуж за твоего отца. Но он совершил плохой поступок, и мы расстались.

— А что он сделал?

— Неважно. Это было очень давно, и я не хочу это вспоминать.

Мартин помолчал, о чем-то размышляя, потом посмотрел на мать исподлобья.

— Мама, объясни мне, пожалуйста, как *ты* могла его полюбить.

Она не знала, что ответить.

— Понимаешь, я... Наверное, я была наивна и не понимала его настоящей сути. Он был обаятелен, он казался мне порядочным, великодушным, благородным. Потом я поняла, как сильно ошибалась.

— А все-таки что он тебе сделал?

— Мартин, важно не только то, как человек поступает с тобой. То, что он делает с другими, имеет не меньшее значение.

— Может, мне вызвать его на дуэль? — задумчиво спросил Мартин.

— Не говори глупостей, — отрезала она.

* * *

Тома она за все эти годы ни разу не видела, если не считать колдографий в газетах — хотя со временем они стали встречаться все реже. С общими знакомыми, какие у них были, Минерва не поддерживала контактов, а их дети учились в основном на Слизерине, так что и как декан она не обязана была с ними встречаться. Единственный раз, когда она увидела Тома вживую, был в декабре 1970 года.

Мартин был тогда уже на седьмом курсе, а Дамблдор недавно стал главой школы. Армандо Диппет умер весной, но Дамблдор все никак не мог вступить в должность, разрываясь между обязанностями преподавателя ЗОТИ и местом в директорском кабинете. Наконец, уже поздней осенью, он нашел себе замену и

окончательно переехал в башню, вход в которую охраняли каменные горгульи.

В тот день он навестил Минерву в ее кабинете. Принес стопку каких-то папок и брошюрку.

— Минни, не хочу тебя расстраивать, но у меня есть просьба...

— Как обычно, Альбус. Мы же здесь все бездельники, так что надо нагружать нас работой, чтоб не скучали, — засмеялась она, отрываясь от проверки контрольных.

Дамблдор тоже улыбнулся:

— Я хотел бы поручить тебе заниматься маглорожденными, которым предстоит идти в Хогвартс. Ну, ты понимаешь — когда им исполняется одиннадцать, нужно навещать их родителей, проводить беседу, убеждать... Боюсь, у меня самого не хватит теперь на это времени.

— Да я, собственно, так и думала. Это же входит в обязанности заместителя директора, разве нет?

Дамблдор просиял, как обычно, когда коллеги легко соглашались на новую нагрузку.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать...

Надолго он не задержался и ушел, едва выпив с Минервой чашку чая. Когда за директором закрылась дверь, Минерва со вздохом взяла первую из стопки папок. Собственно, ничего сложного не было — нужно только просмотреть личные дела будущих студентов, выписать их дни рождений, распланировать визиты...

Потом она принялась читать брошюрку, высокопарную озаглавленную: *"Министерство магии. Методические указания по работе с маглорожденными учениками школы Хогвартс. Только для служебного пользования!"* — и чем дальше читала, тем меньше ей все это нравилось.

Суть "Указаний" была изложена тяжеловесным чиновничьим слогом, но все же сомнений не оставалось: это была санкция на применение к родителям-маглам этически сомнительных средств. В брошюрке они обтекаемо именовались "особыми методами". Когда Минерва сама еще училась, в Хогвартс брали далеко не каждого маглорожденного, а лишь тех, чьи способности никак нельзя было скрыть от маглов. Но после войны стали принимать всех подряд — слишком много волшебников погибло на фронте, и нужно было как-то это компенсировать. Естественно, большая часть родителей-маглов совсем не горела желанием отправлять своих детей в никому не известную школу, да еще и чародейскую. Одни считали, что имеют дело с сектантами, другие — что с шарлатанами. В девяти случаях из десяти, если верить

министерской статистике, посланец Хогвартса получал от ворот поворот.

В пособии Министерства магии такие родители обозначались как "не склонные к сотрудничеству", и предлагалось применять к ним "любые средства, вплоть до прямого влияния на мотивацию, что является при данных обстоятельствах допустимым, согласно особому постановлению министра магии номер 112-GF от 14/III/1956". Проще говоря, от учителей требовалось использовать что угодно, вплоть до империо, лишь бы маглорожденный ребенок отправился в Хогвартс. Затем полагалось каждые летние каникулы проводить дополнительные встречи с родителями и "контролировать наличие положительной мотивации, а в случае ее ослабления применять все необходимые меры для коррекции".

Хм, а ведь она ничего об этом не знала... Следовал Альбус инструкции или нет, он не афишировал эту часть своей деятельности. Подумав, Минерва решила пойти поговорить с директором. Но на лестнице столкнулась с собственным сыном, который несся вниз в расстегнутой уличной мантии и кое-как завязанном шарфе.

— Куда ты?!

— Я в Хогсмид, мам. Ненадолго, — Мартин дернул плечом, пытаясь высвободиться.

— Ты же не собирался сегодня. Всего два дня как выздоровел после простуды! Что тебе там делать, еще и на ночь глядя?

— Надо купить новые перья... Извини, мам, я спешу.

Мартин уже бежал вниз, прыгая через две ступеньки, а Минерва все еще смотрела ему вслед. Новые перья, в шесть часов вечера? Долго же он думал... Потом она все же поднялась к Альбусу, но тот извинился, что не сможет сейчас с ней поговорить. "Я жду посетителя"... Она вернулась в кабинет, но работать не смогла и решила сходить в Хогсмид — выяснить, что же так внезапно понадобилось ее сыну. Может, конечно, ничего особенного. Скорее всего, речь идет о какой-нибудь девушке…

В "Трех метлах" она встретила Помону Спраут, которая в тот день дежурила по Хогсмиду, и еще парочку коллег. Все столики были заняты студентами, но Мартина нигде не было видно. Не оказалось его ни в магазине Зонко, ни в книжном, ни в лавке, где продавались перья и чернила. Набросив капюшон, чтобы спрятаться от снегопада, Минерва дошла до "Кабаньей головы" и заглянула в мутное окно, но ничего не сумела разглядеть. Она почти не сомневалась, что Мартин там, но ей не хотелось, чтобы сын ее увидел. Иначе начнет возмущаться: "Мама, хватит меня контролировать, я не маленький! Мне семнадцать лет, у меня есть личная жизнь!" — и все прочее, что говорят в таких случаях

подростки.

Отойдя в полосу густой тени у стены паба, она превратилась в кошку и уселась у порога, ожидая, пока кто-нибудь будет входить или выходить. Ждать пришлось недолго — у нее даже лапы не успели замерзнуть, — как тяжелая дубовая дверь распахнулась и на снег легла полоса света. Минерва скользнула внутрь, порадовавшись тому, что в клубах табачного дыма и в вихре снежной крупки, которую намело с улицы, ее появление прошло, как ей казалось, незамеченным.

В "Кабаньей голове" было непривычно многолюдно. В углу стояла тощая елка — единственная дань приближающемуся Рождеству, — абы как украшенная серпантином и разрозненными шарами. Пробравшись за нее, Минерва вспрыгнула на подоконник и села, подобрав под себя лапки. На фоне серого, сто лет не мытого окна ее не так легко разглядеть, зато отсюда она увидит всех.

Конечно же, Мартин был здесь, с группкой однокурсников. На столе перед ними стояли несколько бутылок сливочного пива, но под столом один из мальчишек украдкой разливал по стаканам прозрачную жидкость, в которой даже тролль опознал бы огневиски. Ну, Мартин, ну, бессовестный! Клялся ведь, что ни разу не пробовал! Нет, надо с ним серьезно поговорить...

Но тут она вдруг поняла, что в "Кабаньей голове" происходит нечто куда более странное, чем нелегальное распитие школьниками крепкого алкоголя.

Здесь тоже было непривычно многолюдно, причем почти все посетители были старшекурсниками со Слизерина. Зеленые с серебром шарфы мелькали то там, то здесь, и группка гриффиндорцев — алая с золотом — казалась на этом фоне вызывающе яркой. Минерва заметила, что ее студенты вели себя очень напряженно — виски-то пить пили, но палочки далеко не убирали и держались настороженно, сбившись за одним столом. Слизеринцы бросали на них косые взгляды, но пока ссоры, кажется, не намечалось. Зато в воздухе чувствовалось странное возбуждение. Студенты в зеленых шарфах кружили по пабу, осаждали стойку бармена, громко говорили, то смеялись, то резко замолкали, и все время то один, то другой поглядывал на дверь, словно кого-то ждали...

А за одним из столов ближе к двери Минерва вдруг увидела компанию взрослых, и это были отнюдь не жители Хогсмида. Переводя взгляд с одного на другого, она узнавала старых друзей Тома. Лестрейндж, Эйвери, Долохов... Потом она обнаружила в толпе студентов и других взрослых, будто случайно распределившихся по пабу так, чтобы контролировать двери и

окна.

Ее присутствие тоже заметили, как выяснилось. Долохов, сказав что-то вслух о табачном дыме и невыносимой духоте, перебрался с Лестрейнджем поближе к ней и сел, будто случайно, так, чтобы закрывать от Минервы дверь. О чем говорили Долохов и его собеседник, Минерва не слышала — видимо, они сразу же установили заглушку. А студенты тем временем становились все беспокойнее, словно в пабе собрался пчелиный рой, то собиравшийся группками, то вновь распадавшийся. Некоторые уже вслух интересовались, что здесь делает компания с Гриффиндора. Гриффиндорцы отвечали шуточками, но Минерва заметила, как они, оставив в покое огневиски, подобрались, будто готовясь к бою, а кое-кто уже откровенно разминал запястья и нетерпеливо вертел в руках палочку.

И тут дверь "Кабаньей головы" открылась в очередной раз. Со своего подоконника Минерва не могла разглядеть вошедшего, но поняла, что это именно тот, кого ждали, — шум голосов мгновенно усилился.

Долохов с Лестрейнджем поднялись, и до Минервы донесся обрывок разговора, когда они вышли за пределы заглушающего купола:

— Не в настроении... А я ему говорил, что туда идти без толку...

Вошедший сделал несколько шагов, и теперь она видела его в просвет еловых веток. Это был Том.

Он мало изменился за те почти тридцать лет, что они не виделись, — только кожа стала бледнее и черты лица словно оплыли. Слизеринцы мгновенно окружили его — жужжащий черный рой с проблесками зелени и серебра. Аберфорт, бармен, бросил в сторону Тома короткий пронзительный взгляд и опять принялся равнодушно протирать стойку грязной тряпкой. Гриффиндорцы, не двигаясь с места, тоже смотрели на Волдеморта напряженно и неотрывно. Мартин в особенности не сводил с него глаз и сейчас, как никогда, походил на Джорджа.

Том что-то быстро говорил окружившим его слизеринцам, но до Минервы доносился лишь невнятный шум. Кажется, они обращались к нему "милорд". Потом, повернувшись, чтобы уйти, Том вдруг бросил короткий взгляд туда, где сидела на подоконнике сжавшаяся в комок Минерва. Долю мгновения они смотрели друг на друга, после чего Том коротко, сухо поклонился ей и тут же ушел.

Его свита вышла вслед за ним. Минерва не сомневалась, что, выскочи она сейчас наружу, увидела бы острым кошачьим зрением, как вдоль всей улицы и тропинки, ведущей к Хогвартсу,

вихрится и колеблется снег — снимается с места охрана под разиллюзионным.

Но ей было совершенно не до того, потому что слизеринцы теперь вели себя, словно рой, который покинула царица и который готов обрушиться на первого встречного. Ждать им было больше некого, и можно было поразмяться.

Гриффиндорцы вскочили, отбрасывая стулья. Ало-золотые шарфы сбились в тесный ком, словно колючий цветок чертополоха, готовый отразить нашествие гудящего черного облака. Замелькали первые вспышки заклятий. Аберфорт выбежал из-за стойки с криком: "А ну, вон отсюда! Нечего затевать драки в моем пабе!" — и прибавил несколько крепких словечек. Минерва его не слушала. Спрыгнув с подоконника и на лету принимая человеческий облик, свалив елку, она бросилась между студентами, рассыпая во все стороны Impedimenta и приказывая остановиться.

Увидев преподавателя, слизеринцы бросились к выходу, и через полминуты паб был почти пуст. Во время последовавшего объяснения гриффиндорцы отмалчивались, не желая объяснять, зачем сюда явились — но это, впрочем, и так было ясно... Мартин упорно отворачивался от матери и только досадливо дергал уголком рта в ответ на ее расспросы. Минерва пообещала разобраться с ним позже и велела своим подопечным немедля возвращаться в школу, чтоб не было хуже.

В Хогвартсе она решила оставить объяснение со Слагхорном по поводу его студентов на потом и пошла прямиком к Дамблдору. Вот, значит, какого посетителя он ждал... Альбус объяснил, что официально Том приходил просить место учителя ЗОТИ. Какую цель он преследовал на самом деле, непонятно… Минерве показалось, что директор знает куда больше, чем говорит, но Дамблдор умел замечательно уклоняться от ответа, если хотел.

Потом она рассказала о стычке.

— Альбус, это уже выходит за рамки обычных школьных ссор! Я боюсь, что мы на пороге настоящей войны в школе...

— Знаешь, Минни, — ответил Дамблдор непривычно серьезно, — если все ограничится только школьной войной, я буду очень, очень рад.

* * *

Впрочем, оставшиеся полгода прошли относительно спокойно. Мартин закончил Хогвартс круглым отличником, а в конце седьмого курса втихомолку отправил документы на поступление в Массачусетский институт теоретической магии. Минерве он рассказал об этом только тогда, когда уже получил

сову о зачислении. Объяснил, что в Британии исследования финансируются плохо — да она и сама это отлично знала, — тогда как в Штатах научная жизнь бьет ключом.

В другое время она бы стала уговаривать сына остаться. Зачем ехать за тридевять земель, если существует Высшая академия трансфигурации в Эдинбурге? Но после того, что она увидела зимой, Минерве стало казаться, что для Мартина будет безопаснее за океаном. Она дала согласие, и летом 1971 года Мартин через портключ отправился в Сэйлем.

Поначалу предполагалось, что он будет на каждые каникулы возвращаться домой. Но Мартина быстро увлекла студенческая жизнь. Кроме учебы, он еще играл в институтской квиддичной команде, а летом подрабатывал или путешествовал по Америке. Позже у него появилась девушка, молодая китаянка из Гонконга с непроизносимым именем Цзин Янь-ши — впрочем, все называли ее на английский манер "Энни".

А у Минервы к тому времени появился, по иронии судьбы, новый ученик по фамилии МакГонагалл — тот самый Найджел, младший сын Джорджа. Поначалу он очень смущался, разговаривая со своим деканом, а стоило Минерве отвести взгляд, принимался жадно рассматривать ее. Еще бы — наверняка был дома наслышан о папиной первой жене... Но вел себя послушно, тихо, учился хорошо и в начале каждого семестра исправно передавал привет от родителей.

В 1977 году Минерва после долгого перерыва увидела и самого бывшего мужа — располневшего, солидного. Вдвоем им предстояло отправиться в Штаты, на свадьбу Мартина. Сын к тому времени уже получил в институте место помощника преподавателя и стал настоящим американцем — говорил с местным акцентом, отрастил бородку, придававшую ему богемный вид, и научился водить магловский автомобиль. В нем он возил родителей по городу. Сэйлем оказался аккуратным, чистым и очень зеленым. Но самое поразительное, что студенты и преподаватели института колдовали чуть ли не на глазах у горожан. Когда Минерва этому удивилась, Мартин снисходительно посмеялся:

— Мама, у нас ведь историческое место! Ты забыла о Сэйлемской охоте на ведьм? Сюда постоянно приезжают туристы, а местные маглы устраивают для них театрализованные представления. Так что можно спокойно разгуливать по улицам в мантии и с палочкой — все будут думать, что ты участник маскарада или что снимается очередное кино...

Через год у Мартина родилась дочь, которую назвали Минни, в честь бабушки. Сама Минерва видела внучку только на

колдографиях. Мартин порывался привезти ее в Англию, но Минерва его отговаривала. В стране было уже очень неспокойно, и она боялась, что с сыном и его семьей что-нибудь случится.

Все же как странно устроена жизнь… Еще несколько лет назад она места себе не находила от того, что Мартин стал совсем взрослым, что он уезжает, покидает ее. А теперь радовалась тому, что их с сыном разделяют несколько тысяч миль. Как ей ни хотелось увидеть Мартина, Минерва все же предпочла бы, чтобы он был где угодно — в Штатах, в Австралии, да хоть в Антарктиде. Лишь бы подальше от родного дома. Подальше от войны.

5

И вот теперь ей предстояло встретиться с Томом снова. Спустя почти сорок лет…

В ответ на письмо с согласием ей прислали портключ — обыкновенную, слегка поцарапанную костяную пуговицу. Минерва изучала ее так долго и тщательно, как темномагические артефакты в годы войны, но вычислить место назначения не смогла. Заклятие было наложено грамотно и предполагало, что конечный пункт определится менее чем за три минуты до активации, когда уже не останется времени, чтобы его отследить. В прилагаемом письме было указано время: суббота, 5 января, 11.30 утра.

Как трогательно со стороны Тома проявить такую предусмотрительность и назначить дату встречи как раз во время школьных каникул — чтобы на всякий случай не отрывать Минерву от работы…

Всю неделю перед визитом она провела с Дамблдором. Следовало просеять все воспоминания, решить, какие оставлять, какие убирать в думосброс, а какие стирать полностью. В результате к вечеру пятницы Минерва была в туманном, полусонном состоянии. В памяти ее собственная жизнь выглядела, словно неудачно выкроенная мантия, — тут и там дыры, разрезы, оборванные нити…

Еще они с Дамблдором составили план действий на случай, если Минерва не вернется. Завещание, приказ о назначении Флитвика временно исполняющим обязанности заместителя директора, а также полный отчет об успеваемости и поведении учеников за последние полгода — для удобства будущего декана Гриффиндора, кто бы им ни был.

Утром в субботу она проснулась в шесть часов и больше не могла заснуть. Расхаживала по комнате, пытаясь успокоиться, в тысячный раз проверяла, все ли в порядке, все ли вещи аккуратно сложены, все ли распоряжения оставлены. Какое жуткое чувство

— класть на место зубную щетку, думая о том, что нельзя бросать ее куда попало. Ведь даже эту глупую мелочь ты рискуешь больше не исправить...

На завтрак она не пошла — все равно не смогла бы проглотить ни кусочка. Ровно в одиннадцать стала одеваться. Строгая мантия с отделкой серебром по вороту, лишь чуть более парадная, чем те, в которых она вела уроки; теплые чулки, удобные туфли на шнуровке, сумка, перчатки... В одиннадцать пятнадцать зашел Дамблдор, но Минерва не впустила его. Только отрицательно покачала головой — мол, не могу сейчас разговаривать. Да и не о чем — все уже сказано...

В половине двенадцатого пуговица вспыхнула ярким синим светом. Сделав глубокий вдох, Минерва решительно сжала ее в кулаке и сделала шаг вперед, в слепящий вихрь.

* * *

На удивление, ее выбросило не в мрачный подвал и не на кладбище. Наоборот, пришлось зажмуриться от яркого света. Солнечные лучи били сквозь высокую витрину, аляповато украшенную рождественской гирляндой. Вокруг в стеклянных вазах были расставлены свежесрезанные розы и хризантемы, а прямо перед Минервой оказался ряд пузатых горшков с пуансеттией. Какая-то магла в синем рабочем халате заполняла цветами плетеную корзину, больше заботясь о том, чтобы не оставалось пустых мест, чем о гармонии или цветовой гамме. Посетительницу она не заметила.

Минерва растерянно оглянулась, но никого похожего на отряд Пожирателей смерти не увидела. Впрочем, место было выбрано удачно — одуряющий аромат цветов забивал обоняние, и даже превратись она сейчас в кошку, вряд ли сумела бы найти замаскированных людей по запаху.

В глубине магазина виднелась узкая серая дверь с надписью: "Служебное помещение". Логично предположить, что нужно идти туда...

Открыв дверь, Минерва поняла, что не ошиблась. Внутри обнаружился крохотный кабинет — наверное, обычно здесь сидел управляющий магазином. Но сейчас из-за заваленного бумагами стола навстречу Минерве, солнечно улыбаясь, поднялся Том собственной персоной.

С их последней встречи Том заметно изменился. Он не растолстел, но стал как-то тяжелее, массивнее. Под глазами лежали тени, подбородок покрывала едва заметная щетина, губы, казалось, стали еще тоньше, а кожа — бледнее. Руки чуть-чуть отекли, так что кольцо с массивным черным камнем врезалось в палец. В темной мантии с глухим высоким воротом Том выглядел

совсем неуместно на фоне магловских обоев, календаря с полуобнаженной девицей и шкафа с яркими папками.

— Здравствуй, Минни. Очень рад тебя видеть. Прошу, садись.

Он кивнул на жесткий стул, и Минерва с трудом подавила нервный смех. Все происходящее и вправду напоминало стандартное собеседование при приеме на работу. Оставалось только вытащить из сумочки резюме...

— Странное ты выбрал место для встречи, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

— А я вообще люблю странные места, — Том подождал, пока она сядет, и только потом опустился в потертое кресло. — Кроме того, согласись, это прекрасная маскировка. Кто же станет искать Темного Лорда в магловском цветочном магазине?

— А где остальные работники и директор?

Том раздраженно отмахнулся.

— Не беспокойся, я их не заавадил. Я, конечно, понимаю, что у меня репутация людоеда, но, представь себе, я не люблю бессмысленных жертв. Директор и остальные сотрудники просто вспомнили сегодня утром, что у них есть неотложные дела на первую половину дня, — вот и все.

— Хорошо, — сказала она, сама удивляясь тому, как легко дается разговор. — Давай к делу. Зачем я тебе понадобилась?

Он неожиданно улыбнулся:

— Минни...

— Миссис МакГонагалл, — резко поправила она.

— Как официально... Нет, я, конечно, могу называть тебя и так, но при условии, что ты будешь обращаться ко мне...

— Волдеморт? — перебила она, прищурившись.

Надо же, сумела даже выговорить без запинки.

— Фу, — он поморщился. — Неужели все так и будут припоминать мне это невыносимо пафосное и глупое имя, которое я придумал в шестнадцать лет?.. Достаточно простого "милорд".

— Если это условие, чтобы получить у тебя работу, то я отказываюсь.

Он пожал плечами.

— Я не настаиваю. Хочешь — говори "Том". В конце концов, этой привилегией пользуются почти все мои старые друзья. В узком кругу, естественно. Но тогда не возражай, если и я буду обращаться к тебе по имени.

— Ладно, — сдалась она. — Так что тебе от меня нужно?

— Ты ведь все знаешь. Я хотел предложить тебе постоянное место в лаборатории. Две тысячи галлеонов в месяц, отличные условия для исследований, неограниченный доступ к новейшей

научной литературе, дружный коллектив, талантливые коллеги... Конечно, рабочий день ненормированный, и длительного отпуска предложить не могу. Зато ты ни в чем не будешь нуждаться. Даже обеды, — он усмехнулся, — за счет компании. При лаборатории есть ресторан. Правда, повара там китайцы — или малайцы, понятия не имею, не я их нанимал, — так что вкус английских блюд в их исполнении может показаться странным. Зато там великолепно готовят утку по-пекински и свинину в кисло-сладком соусе. По рассказам, конечно, — сам я давно не употребляю ни того, ни другого.

— Так это правда, что ты не ешь мяса? — спросила Минерва. Без особого интереса — лишь бы оттянуть момент, когда надо будет давать согласие.

— Да. Смешно, конечно. Самый страшный волшебник нашего времени, или как там меня теперь называют, — вегетарианец... Только не думай, пожалуйста, что это по моральным соображениям и что мысли о невинно убитых коровках и овечках не дают мне уснуть.

— Почему тогда?

— Просто не хочу. Можешь считать, что это компенсация за голодное детство, когда вершиной моих мечтаний был бифштекс размером с крышку котла. Зато сейчас я получаю извращенное удовольствие от того, что могу позволить себе все, — но при этом питаюсь только спаржей и шампиньонами... Так как насчет лаборатории? Ты согласна?

— Мне надо будет давать тебе клятву, или..?

— Мерлин, какие глупости... Никаких клятв. Самый обычный магический контракт, ничего больше.

"Наверняка очень хитро составленный", — мелькнуло у нее в голове.

— Не без того, — весело согласился Том.

— Мне нужно доработать до конца учебного года.

— Нет, — ответил он, мгновенно "погасив" улыбку. — Ты нужна мне сейчас. Только не говори, пожалуйста, что Дамблдор тебя не отпустит. Я ведь прекрасно понимаю, что без его благословения ты бы сюда не явилась.

— Чушь! Профессор Дамблдор не знает...

— Не ври мне, Минни, я этого ужасно не люблю. Дамблдор хочет внедрить тебя в мою организацию — в своих целях, разумеется. Что ж, его право. Но именно в силу этого он вынужден идти мне навстречу. Если я потребую от тебя явиться на работу сегодня вечером — будь уверена, Дамблдор лично выставит тебя из Хогвартса к назначенному сроку.

— Ты считаешь, Дамблдор мой хозяин, а я его марионетка?

Том, очень глупо с твоей стороны судить всех по себе.

— Ну, я, конечно, не думаю, что все так просто. Наверняка тебе было дано формальное право выбора... Итак?

— Ты же сам сказал, что мне ничего не остается, — ответила она, пожав плечами.

— Вот именно, — улыбаясь, согласился он и встал. — Что ж, можешь возвращаться в Хогвартс. Портключ перенесет тебя обратно. Сдавай дела, устрой "отвальную" для коллег... Не сомневаюсь, что Дамблдор сумеет придумать благовидную причину твоего увольнения. В понедельник ты мне нужна на работе. Удачи.

Он уже взялся за ручку двери, потом обернулся на пороге и добавил:

— И не бойся за свое целомудрие. Дамблдор думает, что я питаю к тебе интерес определенного рода, но он ошибается. Что бы обо мне ни говорили, участие в оргиях не входит в число обязанностей моих сотрудников.

Дверь с легким стуком закрылась. Минерва посидела еще несколько минут, машинально вертя в пальцах взятый со стола карандаш. Вот и все... Теперь пути назад уже нет.

Полураздетая красотка со стены насмешливо подмигивала ей.

* * *

Никакой прощальной вечеринки для учителей она не устраивала — слишком много пришлось бы объяснять. Пускай Альбус сам придумывает причины ее ухода — рассказывает, что она переутомилась, заболела, сошла с ума, вышла замуж... Минерве хотелось покинуть Хогвартс как можно быстрее. Какой смысл цепляться за привычную, нормальную жизнь, ловить последние минуты? Решено — значит, решено. Под поезд тоже бросаются сразу, а не постепенно.

Присланный в воскресенье портключ был на вид обыкновенной фаянсовой тарелкой с золоченой надписью по краю: "Сувенир из Бата". В девять утра в понедельник он сработал и доставил Минерву в лабораторию.

Где находилась лаборатория на самом деле, она так и не поняла за все время, что там работала. Попасть сюда можно было только через портключ, аппарация не действовала, а выход из здания попросту отсутствовал. За окнами, разумеется, был некий пейзаж, но он так часто менялся, что понятно было — это имитация. Иногда отдел, где Минерва работала, был на уровне примерно пятого этажа, а под ним расстилался заснеженный парк. Иногда окна оказывались так низко, что стекло заслоняли ветки шиповника и густая трава. А вообще Минерва не удивилась

бы, если бы оказалось, что на самом деле лаборатория спрятана в сотнях футов под землей.

Сколько в здании этажей, она не знала, но предполагала, что не меньше пяти. Один полностью занимала зельеварная лаборатория — судя по мощным трубам вытяжки, тянувшимся вдоль лестничной клетки. Но в любом случае войти Минерва могла только на свой этаж, который состоял из короткого, ярко освещенного коридора и десятка дверей без табличек. Ее дверь была второй справа. Внутри — темные стенные панели, огромные шкафы с оборудованием, рабочие столы, а еще аквариум и множество горшков с комнатными растениями.

— Лишнее свидетельство заботы со стороны Лорда, — в первый же день пояснил ей руководитель лаборатории, Даррен Малсибер. — Видишь ли, мы здесь живем замкнуто, в отрыве от природы... В таких условиях человеку нужно расслабляться — а что лучше подходит для этого, как не созерцание цветов и рыб? Со стороны Лорда было очень мудро предусмотреть это. Но от его внимания вообще ничто не ускользает.

Минерва покосилась на Малсибера и с удивлением обнаружила, что он, кажется, говорит совершенно серьезно.

Малсибера она помнила еще по Хогвартсу — он учился на Рэйвенкло, курсом младше, и еще тогда входил в компанию Тома. Впрочем, в лаборатории Минерва с ним общалась редко. Ее основным напарником был Тед Уилкс, один из ее бывших учеников, совсем еще мальчишка — и тридцати не исполнилось. Увидев Минерву, Тед поначалу был ошеломлен, но потом заулыбался:

— Профессор, как здорово, что вы теперь с нами!

За все время, что они работали вместе — почти год, — он так и не привык называть ее по имени. Все "профессор" да "профессор". Впрочем, так же поступали и другие сотрудники лаборатории, которых она учила в Хогвартсе.

Не сказать, чтобы разговаривать приходилось много, — условиями контракта запрещалось обсуждать рабочие вопросы с кем-либо, кроме напарников и непосредственного начальника. Тем более немыслимо было выносить информацию за пределы лаборатории. Магический договор был составлен так ловко, с применением чар, аналогичных Fidelius, что Минерва при всем желании не смогла бы никому ничего рассказать. А если бы к ней пытались применить легилименцию — например, в аврорате, — это закончилось бы смертью, причем очень быстро...

Такая возможность, конечно, считалась нежелательной, и в лаборатории старались обеспечить безопасность сотрудников. Во всяком случае, как пояснил Малсибер, именно из этих

соображений Минерве пришлось переехать. Правда, ей и так было некуда идти после Хогвартса — разве что в родительский дом на остров Скай. Но выяснилось, что для нее уже арендовали коттедж в сельской местности в Чешире.

Дом, как она быстро обнаружила, был под завязку напичкан прослушивающими и следящими заклятиями. Подумав, Минерва решила их не трогать. Обезвредишь одно — поставят другое, более изощренное. Она ни минуты не сомневалась, что за каждым ее шагом следят, а почту перлюстрируют, так что не виделась ни с кем из старых знакомых и временами писала только Поппи Помфри, да и то отделывалась общими словами — мол, все хорошо, отдыхаю после Хогвартса, целыми днями гуляю или вышиваю крестиком.

Конечно, ничто не мешало связаться более сложными путями с тем же Дамблдором — но никаких тайн она ему раскрыть все равно не могла, так что и пытаться не стоило. Дамблдор запретил контактировать с ней остальным членам Ордена, имена и лица которых Минерва теперь и не помнила, .

В лаборатории ей предстояло вместе с Уилксом заниматься разработкой систем связи. Обычные способы — двусторонние зеркала, заколдованные с применением протейных чар, пергаменты для дистанционной переписки и прочее, — организацию не устраивали. В первый месяц Минерва не слишком преуспевала на отведенном поприще — душа не лежала к работе. Так что она отделывалась заверениями, что входит в курс дела. Но однажды ее навестил Малсибер и намекнул, что она саботирует задание Лорда.

— Учти, Минни, — сказал он, сладко улыбаясь, — что в случае неудачи отвечать будешь не ты. Отвечать будет Тедди, а у него, между прочим, трое детей...

Минерва в тот момент ненавидела и самого Малсибера, и его милую улыбку. Но угрозу восприняла всерьез. Теда — вечно взъерошенного, рассеянного, смешного — ей было жаль. А колдографиями его детей и вправду в их комнате были увешаны все стены.

Так что пришлось, скрепя сердце, приняться за исследования по-настоящему. Уилкс до ее прихода уже несколько месяцев носился с одной идеей — он пытался переколдовать самые обычные карманные часы-брегет так, чтобы с их помощью можно было связываться с несколькими разными людьми. Двусторонние зеркала такого не позволяли — они давали возможность беседовать только с тем, у кого находилось второе зеркальце. А с помощью часов можно было бы "выбирать" собеседника, меняя положение стрелок.

С этой задачей они провозились вдвоем до конца апреля. Наконец удалось добиться успеха, и были назначены решающие испытания. Минерва и сама не ожидала, что будет так переживать за результат ненавистной поначалу работы. Сердце у нее быстро и тревожно билось, когда она стояла у стола, глядя на серебряные часы с длинной цепочкой. Наконец послышался нежный звон, и механизм стал быстро нагреваться. Минерва торопливо открыла крышку — с циферблата на нее смотрело улыбающееся лицо Уилкса. Потом он спохватился и принял серьезный вид.

— Проверка. Раз, два, три... Я говорю из кабинета начальника. Как слышите, профессор?

— Прекрасно, — сказала она, едва двигая пересохшими губами. — И слышу, и вижу. Сейчас попробую набрать Даррена. Отбой.

Она захлопнула крышку, потом открыла заново и, коснувшись стрелок палочкой, установила их на восемь с четвертью — номер Малсибера. У Уилкса "позывные" были семь-тридцать.

Пару секунд часы молчали, потом циферблат словно подернулся дымкой, и Минерву чуть не оглушил радостный голос Малсибера:

— Прием! Прием! Минни, это же замечательно! У нас получилось! Зайди ко мне, пожалуйста.

В кабинете Малсибера они отметили успех бутылкой вина. Потом Даррен, прихватив уже опробованные часы и пятидесятистраничный отчет об исследованиях, аппарировал к Лорду. Вернулся он через несколько часов и опять вызвал Минерву и Теда к себе.

— Темный Лорд высоко оценил ваши достижения. Он считает эту работу выдающейся. Но есть ряд пожеланий...

На отдельном свитке пергамента знакомым косым почерком Тома был набросан целый список вопросов.

— Прежде всего, Лорд хотел бы, чтобы число людей, с которыми можно связываться с помощью часов, было расширено. Если мы сможем использовать для присвоения кодовых номеров весь циферблат, это даст нам не сто с лишним, а более семиста вариантов. Таким образом, можно было бы создать целую сеть. Далее, следует разработать защиту от прослушивания и обнаружения чар. Нужно подумать, как сделать, чтобы переговорное устройство при необходимости становилось обычными часами, не вызывающими подозрений. Кроме того, Лорда не устраивает нынешняя дальность действия связи — не более двух миль...

— Это неизбежно, — возразила Минерва. — Сила

магического взаимодействия ослабевает пропорционально квадрату расстояния, и Том...

Она запнулась.

— ...и Лорд не может этого не знать.

Малсибер очень серьезно кивнул.

— Разумеется, Лорд это помнит. Но он уже обо всем подумал. Согласно предлагаемому им решению, нужно разработать схему передатчиков, которые бы располагались в укромных местах по всей Британии. Они будут улавливать и усиливать магический сигнал, при необходимости передавая его друг другу. Примерно как соты у пчел...

— Потрясающе! — Уилкс прямо-таки расцвел.

Минерва вздохнула. Тед всегда относился к Лорду с детским восторгом, считая его чуть ли не гением. Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал, что за неудачу его могли казнить? Хотя, может, он и это принял бы как должное, волнуясь только о том, что не выполнил приказ хозяина...

Насколько она успела понять, пожилые сотрудники лаборатории, которые и до поступления сюда были известными учеными в своей области, относились к Лорду без всякого пиетета. Для них он был всего лишь работодателем, требовательным, но плативším за исследования хорошие деньги. Зато молодежь, вроде Теда, испытывала перед Лордом что-то вроде религиозного благоговения. Вот и сейчас, когда Малсибер закончил перечислять его требования, Уилкс принял пергамент с поправками с таким видом, с каким верующие прикасаются к святыне. Минерва не удивилась бы, если бы, вернувшись в отдел, Тед водрузил пергамент на почетное место и принялся отбивать перед ним поклоны.

Иногда ей хотелось хорошенько встряхнуть бывшего ученика, чтобы привести его в чувство. Но каждый раз, пытаясь спорить, она натыкалась на глухую стену непонимания. Стоило ей начать критиковать Лорда, как Уилкс совсем по-детски обижался — даже губы дрожали, — а Минерва чувствовала себя так, словно отнимает конфету у ребенка. Иной раз ей казалось, что все, кто имеет дело с Томом, зависят от него, как наркоманы от своего зелья.Она вспоминала слизеринцев в Хогсмиде — пчелиный рой, где никто в отдельности не думает, но все подчиняются не то инстинкту, не то чужой всепроникающей воле, — и ей становилось страшно, потому что она только сейчас начала понимать, куда в действительности попала.

6

Все это время она не видела Тома и почти ничего не знала о событиях во внешнем мире, — работа занимала чуть ли не

круглые сутки. Когда удавалось выкроить минутку, чтобы почитать "Пророк", она каждый раз боялась увидеть сообщения о новых терактах или исчезновениях людей. Было мучительно стыдно от того, что она занята помощью врагу и пока ни на йоту не продвинулась к поставленной цели. Однажды ей удалось, со всеми мыслимыми мерами предосторожности, связаться с Дамблдором, но минутный разговор не принес облегчения. Альбус сказал только, что все идет как надо, и велел ей оставаться на месте.

Минерва чувствовала себя связанной по рукам и ногам. Ей очень хотелось верить, что Альбус понимает, что делает, — точнее, что делают они оба... Но как бы там ни было, бросить лабораторию она не могла. Шантаж с Уилксом оказался сверхэффективным, и теперь она отлично понимала, почему именно этого трогательного мальчишку, невесть как умудрившегося стать отцом семейства, поставили ей в напарники... Уж конечно, не сам Малсибер до этого додумался.

А в конце мая ей вдруг пришло письмо от Тома.

Минерва так толком и не разобралась, как работает в организации внутренняя почта. Просто однажды днем нашла на своем столе свернутый в трубку свиток.

Минни,

надеюсь, ты окажешь мне честь и будешь присутствовать сегодня на ужине, который я организую для тесного круга друзей и деловых партнеров. Даррен предоставит тебе выходной, он уже предупрежден. Пожалуйста, отправляйся к себе прямо сейчас, чтобы успеть подготовиться. На случай, если у тебя нет подходящего платья, все необходимое уже доставлено на дом.

Л.В.

— Я имею право отказаться? — спросила она Малсибера, входя к нему в кабинет.

Даррен удивленно вскинул брови:

— Минни, бог с тобой... Конечно, нет.

Сцепив зубы, она вернулась за портключом и отправилась "домой", в арендованный коттедж, который принципиально не хотела считать своим. Даже личных вещей там почти не было — кое-что из одежды, пара книг, полотенце... Сегодня ее ждала еще и разложенная на кресле парадная мантия, тяжелая, с вышивкой, а к ней в пару — изумрудные серьги и колье.

Минерва с трудом подавила желание вышвырнуть все это в окно. Черт возьми, она не кукла, чтобы наряжать ее в красивые одежки! Потом походила по комнате, сделала глубокий вдох, успокоилась и стала одеваться. Впервые за много лет даже подкрасила глаза и губы. Взялся за гуж — не говори, что не дюж.

Ее отправили сюда в качестве игрушки Тома — значит, придется соответствовать...

Куда нужно аппарировать, ей, разумеется, не сообщили. Просто прислали очередной портключ. Через несколько секунд она уже стояла на высокой белой террасе, вдоль парапета которой тянулась цепочка цветных фонарей. Внизу, у подножия мраморной лестницы, лежал темной громадой сад.

— Профессор МакГонагалл? — послышалось сзади. — Вас ждут.

Обернувшись, она увидела эльфа, кланявшегося так низко, что длинный нос касался каменных плит террасы. Семеня, эльф повел ее куда-то в глубь огромного дома, через анфиладу комнат, мимо гобеленов и бесчисленных зеркал. Открыв очередную дверь, он торжественно объявил о гостье, и навстречу Минерве с радостными восклицаниями устремилась молодая светловолосая женщина. Минерва даже не сразу поняла, кто это. Ах, да, конечно — Нарцисса Блэк... Хотя теперь она уже, кажется, миссис Малфой.

Странно было видеть вчерашнюю ученицу в открытом вечернем платье вместо школьной мантии и со сложной прической вместо привычных кос. К тому же Нарцисса, кажется, располнела за время замужества. Впрочем, присмотревшись, Минерва поняла, что дело вовсе не в полноте, — серо-стальные складки платья прикрывали уже заметно выдающийся живот.

Нарцисса что-то быстро говорила, всем видом выражая неземное счастье от того, что принимает у себя бывшую учительницу. Одновременно она искоса привычно оглядывала гостиную, проверяя, все ли в порядке. В комнате было человек тридцать, и Нарцисса едва успела представить Минерве какого-то волшебника средних лет по фамилии Грэхем, как прозвенел гонг, и распахнулись двери столовой.

Грэхем, широко улыбаясь, предложил Минерве руку. Присмотревшись к нему повнимательнее, она обнаружила, что ее спутник явно молодится — кожа на его лице казалась неестественно гладкой и слишком загорелой, а шевелюра выглядела подкрашенной.

В столовой, к ее изумлению, Грэхем подвел ее к месту хозяйки дома. Минерва хотела было возразить, но обнаружила на столе карточку со своим именем. Вскинув голову, она увидела Тома на противоположном конце стола. Что ж, очень на него похоже — экономить на расходах, проводя приемы в домах своих "соратников"... Но Нарцисса, разместившись по правую руку от Лорда, так солнечно улыбалась, словно была безумно рада этому бесцеремонному вторжению.

Минерва не успела даже задуматься, какова ее собственная

роль в этом представлении, как Грэхем завел с ней беседу. Он говорил с резким, крикливым акцентом, выдававшим американца, и поначалу Минерва никак не могла подобрать тему для разговора. Но потом случайно упомянула, что во время войны служила в женских вспомогательных частях, и Грэхем оживился:

— А где вы квартировали?.. Я ведь тоже начинал в особом десантном подразделении союзнических сил. Мы стояли в Ковентри, пока нас не перебросили на Балканы. Чудесное было времечко!

Минерва украдкой оглядывала стол, выхватывая знакомые лица. Ага, здесь оба младших Лестрейнджа... Вот и Белла Блэк, и Лавиния Гринграсс — кажется, она сейчас замужем за младшим Ноттом, — и сам Тео, и Люциус Малфой... Минерва не видела их со времен выпуска.

А кто все остальные? Судя по акценту, за столом собралась пестрая компания — несколько американцев, парочка не то швейцарцев, не то немцев... Старательно поддерживая разговор с Грэхемом, Минерва делала вид, что ей отлично известно, что происходит. Она была так напряжена, что чуть не пропустила момент, когда пора было вставать из-за стола, давая остальным женщинам знак перейти в гостиную. Только быстрый взгляд Нарциссы напомнил ей об этом.

В гостиной молодая миссис Малфой тоже не теряла времени даром. Подхватив под локоть маленькую старушку в старомодной лиловой мантии, она усадила ее рядом с собой на диван. Голос Нарциссы звенел серебряными колокольчиками:

— Ах, я так неловко чувствую себя, когда приходится выходить в общество в моем положении...

Изящно покраснев, она бросила взгляд на округлившийся живот.

— Ну что вы, — ее собеседница отвечала по-французски, — дети — это прекрасно! У меня их трое, и уже шестеро внуков...

— Неужели? — Нарцисса прямо-таки просияла при этом известии.

— Да, дорогая. Сейчас я вам покажу колдографии...

Разговор вокруг шел полным ходом. В другом углу гостиной Белла Блэк, облаченная в тяжелое темно-вишневое платье, оживленно рассказывала двум немкам что-то о прелестях охоты на лис. Тем временем Лавиния Нотт, пухленькая и смешливая, уже спешила к Минерве:

— Здравствуйте, профессор! Вы меня помните? Я так рада вас видеть! Пойдемте, я познакомлю вас с миссис Биггс...

Через пять минут Минерва уже беседовала с одной из американок о покупке особняка в Париже. К счастью, новая

знакомая болтала за двоих, и Минерве удалось благополучно скрыть тот факт, что о ценах на недвижимость она не имела ни малейшего понятия.

Вечер тянулся бесконечно долго, и чем дальше, тем сложнее было выносить фальшивые улыбки и пустые разговоры. Ускользнув наконец от очередной докучливой собеседницы, Минерва вышла в зимний сад и остановилась, опираясь на колонну. Ей казалось, что ее сейчас стошнит. Для девочек (язык не поворачивался назвать бывших учениц "замужними дамами") вроде Нарциссы и Лавинии такая атмосфера, должно быть, была естественной, но Минерве казалось, что она задыхается. Сейчас она бы, наверное, полжизни отдала, лишь бы вернуться в Хогвартс.

Послышался шорох, и Минерва резко обернулась. Из-за огромной пальмы вышла Белла и остановилась, чуть склонив голову.

— Добрый вечер... профессор.

Перед этим словом она сделала едва заметную паузу.

— Здравствуй, Беллатрикс.

Белла неторопливо достала из складок юбки портсигар.

— Тоже пришли покурить? Хотите? — она протянула портсигар Минерве.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Зря, — Белла пожала плечами.

Кажется, она была слегка под хмельком.

— Не ожидала увидеть вас здесь.

— Я тоже, — совершенно честно ответила Минерва.

— И как вам место?

— Прекрасный дом.

— Я имею в виду, — Белла чуть улыбнулась, — *ваше* место.

За десять лет, которые прошли после выпуска, она тоже повзрослела и стала не то жестче, не то злее. Во всяком случае, у той девочки с тяжелыми черными косами, которую Минерва помнила, не было такой улыбки — невеселой, волчьей, одними уголками губ. И тогда Белла не курила, тем более так, как сейчас, — жадно затягиваясь и держа сигарету между большим и указательным пальцами, словно девчонка из простонародья.

— Что значит — мое место? — холодно спросила Минерва.

— А, бросьте, — Белла отмахнулась. — Вы все прекрасно понимаете.

Взмахом палочки она убрала окурок.

— Ладно, пойду. Нужно окучить еще парочку старых грымз...

Обернувшись, она добавила с неожиданной мягкостью:

— Потерпите, профессор. Светская жизнь — это не так

страшно, как кажется. Только поначалу мерзко. А потом привыкаешь.

И ушла, покачивая бедрами и звонко постукивая каблуками.

* * *

Вечер закончился ближе к полуночи, и Том, очень оживленный и веселый, внезапно предложил Минерве сопровождать его.

— Я покажу тебе Ставку. Время еще не такое позднее, ты успеешь вернуться домой.

На этот раз она аппарировала вместе с ним, держась за его руку, и успела подумать, что от Тома по-прежнему едва уловимо пахнет мятой. Специально для нее? Какая галантность...

Ставка, где Минерва раньше никогда не была, встретила их режуще ярким светом ламп, пустым коридором и вытертым ковром на полу. Все очень функционально, без излишеств — никакого сравнения с роскошью Малфой-мэнора. В приемной Лорда дремал, положив голову на стол, какой-то парень. Услышав шаги, он мгновенно проснулся, выскочил из-за стола и торопливо преклонил колени.

— Можешь встать, — на ходу бросил Том.

Когда парнишка поднялся, Минерва узнала Эндрю Джагсона, закончившего Хогвартс несколько лет назад. При виде профессора МакГонагалл он изумленно заморгал, но тут же взял себя в руки.

— Милорд, группа вернулась успешно — вам сейчас нужен отчет?

— Завтра, — коротко ответил Том, — все завтра. Передай Тони, что я жду его к семи утра.

Джагсон молча указал взглядом на Минерву.

— Это со мной. Вызови Твинкл, пусть приготовит шоколад. У нас разговор, так что меня не беспокоить, кроме как в экстренном случае.

Коснувшись ладонью массивной двери из темного дерева, он широким жестом распахнул ее перед Минервой.

— Можешь передать Дамблдору — ты ведь все-таки контактируешь с ним, разве нет? — что видела сердце Ставки...

В кабинете было полутемно — когда они вошли, зажглась всего одна лампа, настольная, под зеленым абажуром. По стенам просторной комнаты тянулись шкафы, заставленные книгами. Мягкий ковер поглощал звуки шагов. Окно было приоткрыто, и легкий ветер шевелил занавески. Откуда-то доносились свистки магловских локомотивов и неразборчивая речь из громкоговорителя.

— Здесь рядом вокзал?

— Да. Эту ценнейшую информацию Дамблдору можешь не передавать — он и так примерно знает, где находится Ставка. Другой вопрос, что ни он, ни кто-либо другой не сможет увидеть ее без моей воли.

Том сбросил мантию на руки старенькой эльфине, появившейся бесшумно, словно из воздуха. На столе уже дымился кувшин с горячим шоколадом.

— Это Твинкл, — Том почесал эльфиню за ухом. — Она никогда не ложится спать, пока я не вернусь. Минни, тебе нужно что-нибудь? Чашку кофе или чая?

— Ничего, спасибо.

— Твинкл, ты можешь идти... Спокойной ночи.

Минерва устало опустилась в кресло у камина — после целого вечера бессмысленных разговоров у нее ни на что не осталось сил.

— Кто были эти люди на приеме?

— Частные инвесторы, — ответил Лорд, наливая себе шоколад в чашку. — Самые богатые волшебники планеты. Моя задача состояла в том, чтобы убедить их финансировать нашу борьбу в обмен на будущие привилегии в Британии.

— И как, удалось? — без всякого интереса спросила Минерва. Как-то отстраненно подумала, что секретным агентом ей не бывать — Лорд вываливал на нее важнейшую информацию, а ей было просто-напросто все равно.

— Удалось, — Том кивнул. — Конечно, их смущает, что у нас сейчас некоторые сложности. Но это деловые люди, и они понимают, что акции нужно скупать, когда они падают в цене. То же касается и политических партий. После того, как мы возьмем власть, мое покровительство будет стоить гораздо дороже.

— Как ты уверен в себе...

— Кто не уверен, тот проигрывает. Запомни это, Минни.

— А зачем я тебе понадобилась? — спросила она, откидываясь в кресле и закрывая глаза.

— Видишь ли, — судя по голосу, он улыбался, — это был неформальный прием, можно сказать, семейный. На такие принято являться с супругой или, по крайней мере, с официальной любовницей. А раз у меня нет ни той, ни другой...

— Ты решил, что сойдет и бывшая невеста.

— Можно сказать и так.

— До меня доходили слухи, — сказала она, не открывая глаз, — что твоя любовница — старшая из сестер Блэк... Прости, если вопрос слишком личный.

— Не любовница, — поправил Том. — Она в меня *влюблена* — чувствуешь разницу? Белла не годится в любовницы. Она

слишком привязчива и импульсивна. Хлопот было бы больше, чем пользы. Кроме того, Рудольф ее любит — зачем же я буду отнимать игрушку у ребенка?

Он негромко рассмеялся.

— Судя по твоим воспоминаниям, Белла сегодня была с тобой нелюбезна. Я укажу ей на недопустимость такого поведения.

— Не надо.

— Оставь. Со своими людьми я как-нибудь сам разберусь. Кстати, Белла чем-то очень напоминает тебя — такая же прямодушная. Ей очень тяжело лицемерить. Она хочет воевать, а вместо этого приходится расточать улыбки всяким богатым старым пням, чтобы у нас прибавилась лишняя пара тысяч галлеонов.

— Зачем она это делает, если ей так тяжело?

— Дисциплина. То, чего не хватает Ордену Феникса. У нас — приказ есть приказ, а у вас — вольница... Ах да, тебе же стерли память, ты все равно не помнишь.

Послышался стук — он отставил чашку с шоколадом.

— Минни, не засыпай. Пойдем, я тебе еще кое-что покажу.

Взяв Минерву за руку, он провел ее по узкому коридору, толкнул неприметную дверь.

— Вот это точно святая святых. Мои личные апартаменты. Здесь за все время побывало от силы трое или четверо самых доверенных людей. Можешь гордиться — ты вошла в их число.

Минерва устало огляделась. Спальня была такая же спартанская , как и вся Ставка. Узкая кровать без полога, кувшин для умывания, еще шкафы с книгами...

— Что ты ожидала увидеть? — рассмеялся Том, услышав ее мысли. — Роскошное ложе, на котором я растлеваю магловских девственниц? Или железный трон, где я восседаю, наслаждаясь муками пленников?

— Очень смешно.

— Извини. Я знаю, что у меня нет чувства юмора.

Он коснулся ее локтя, а когда Минерва обернулась, внезапно притянул ее к себе и поцеловал в губы.

Она словно окаменела. От неожиданности не могла ни вздохнуть, ни пошевелиться. Сердце билось так часто и быстро, словно она все еще была испуганной семнадцатилетней девчонкой, не знающей, как себя вести с назойливыми ухажерами. Но ведь и вправду не знала... Оттолкнуть, отказаться? Том вряд ли настолько монстр, чтобы принуждать ее силой, да и она способна за себя постоять. Но, с другой стороны, это шанс...

"Не могу. Нет, не могу. Альбус, Альбус, во что вы меня

втравили?".

Она осторожно повела плечами, ускользая от его объятий. Попыталась перевести все в шутку:

— Ты же говорил, что оргии не входят в мои служебные обязанности.

— Во-первых, двух человек для оргии маловато, тебе не кажется? Во-вторых, — Том чуть отодвинулся, насмешливо глядя на нее, — у тебя есть выбор. Ты можешь остаться или уйти. Решай сама. Хотя, — он засмеялся, — конечно же, ты никуда не уйдешь. Тебе ведь нужно сблизиться со мной, чтобы выведать мои тайны. У тебя же есть *миссия*...

Она резко дернулась, и он тут же пошел на попятный.

— Извини. Я больше не буду язвить. Минни, прошу, давай хотя бы на время оставим все политические игры и подковерные интриги. Побудем просто мужчиной и женщиной...

— Ради бога, избавь меня от этой банальщины!

— …И делай, что хочешь, лишь бы быстрее? Ладно. Надеюсь, ты простишь, если я не понесу тебя на ложе страсти на руках? Это, конечно, очень романтично, но в моем возрасте чревато неприятностями. Темный Лорд, который не может разогнуться от боли в спине, — это потрясающе смешно...

Не дослушав его, она уже начала раздеваться, швыряя одежду на пол. К глазам подступали слезы. Будь все проклято — и она сама, и Том, и Альбус с его шпионскими играми!

Наверное, нужно было вести себя иначе — как-то оттягивать решающий момент, дразнить, завлекать, повышать свою ценность в глазах Тома, чтобы получить на него влияние, чтобы добыть информацию. Но она не умела, не знала, как, она никогда в жизни не училась этому. У нее ничего не получится.

Миссия... Какая насмешка!

* * *

Кажется, собственные слова насчет "лишь бы быстрее" Том понимал буквально. Во всяком случае, все закончилось почти мгновенно и совсем неинтересно. Он даже немного смутился.

— Извини, — пробормотал он, утыкаясь в плечо Минервы и тяжело дыша. — У меня очень давно никого не было, так что...

— Как давно?

— Не знаю, — он лег на бок, обнимая ее одной рукой. — Полгода, год, два... Не помню. Не то чтоб я часто об этом думал. Мои соратники считают, что я выше маленьких человеческих слабостей. На самом деле мне просто не до того. Времени нет отвлекаться на всякие глупости.

— А в крайнем случае под рукой всегда есть кто-то безотказный, вроде меня?

Он фыркнул.

— Минни, я не сплю со своими подчиненными. Помимо того, что это моветон, это еще и создает массу проблем. Ты — редкое исключение. И в данном случае ты не моя служащая, а...

— …бывшая невеста. Понятно. Прошлая любовь не ржавеет. Как ты вообще польстился на такую старуху?

— Ну, я, знаешь ли, тоже не мальчик... А зрелая женщина, как хорошо выдержанное вино, гораздо интереснее молодой — и все такое прочее. Я не умею говорить комплименты, так что давай просто считать, что я наболтал тебе на два часа всякой романтической чепухи, ладно? На самом деле ты мне просто нравишься.

— Не могу передать, как я счастлива.

— Не ерничай, — он укрыл ее одеялом. — Спи.

Мысли у нее и вправду путались, глаза сами собой закрывались. Наверное, сейчас она должна попробовать его разговорить, что-нибудь вытянуть... Та еще шпионка-недоучка!

— Вот именно, — услышала она сквозь дрему голос Лорда. — Не мучай себя. Все, что захочешь, можно спросить и утром. Засыпай.

Когда она открыла глаза, сквозь гардины пробивался яркий утренний свет, а часы на стене показывали девять утра. Мерлин великий, она проспала на работу! Минерва сбросила одеяло и только тут сообразила, где находится. Ее мантии рядом с кроватью не оказалось, зато на столике дожидался поднос с кофе и рогаликами и стопка утренних газет.

Она нашла колокольчик и, подумав, позвонила. На вызов явилась вчерашняя эльфиня. Минерва торопливо прикрылась одеялом, но Твинкл смотрела на нее без всякого выражения. Ее подслеповатые старческие глазки рассеянно моргали.

— Что вы желаете, мадам? Если кофе остыл, Твинкл принести новый. Приготовить вам ванну?

— Нет, спасибо... Где моя одежда?

— Мантия мадам в гардеробной. Туфли Твинкл вычистить и убрать. Сейчас я помочь вам одеться.

— Не надо. Просто принеси мои вещи, а оденусь я сама.

Она запнулась.

— Э-э... Лорд давно встал?

— Милорд не спать сегодня ночью. Работать.

— Я могу его видеть?

— Я спрошу, принять ли он мадам.

— Спасибо. Покажи мне, где здесь умыться.

Твинкл подала ей купальный халат и провела в ванную — тесную и такую же спартанскую, как все остальное. Вернувшись,

Минерва взяла кофе и, пока Твинкл раскладывала на кресле ее вычищенную и отглаженную мантию, потянулась за верхней из стопки газет. И тут же выплеснула на себя дымящуюся жидкость.

Заголовок двухдюймовыми буквами на первой полосе "Пророка" чуть ли не кричал:

"ТРАГЕДИЯ НА ОСТРОВЕ СКАЙ! УБИТА ЦЕЛАЯ СЕМЬЯ!".

Статья сообщала о гибели накануне вечером семьи МакКиннонов. Судя по всему, они оказывали ожесточенное сопротивление, но в итоге погибли все: и отец, и мать, и двое уже взрослых детей. В тексте сообщалось, что Марлена МакКиннон, 25 лет, была на восьмом месяце беременности. Ее муж, Карадок Дирборн, также находившийся в доме, бесследно исчез. Следствие рассматривало версию убийства в состоянии аффекта. Предполагалось, что, поссорившись с женой, Карадок сначала убил ее, потом ее родственников, а затем опомнился и, ужаснувшись содеянному, бежал.

Минерва с трудом сумела унять дрожь в руках. Мир вокруг выглядел таким обычным, мирным, спокойным... Даже странным казалось, что Твинкл, как ни в чем не бывало, отчищает с ее халата пятно от пролитого кофе.

Ужас, который Минерва испытала при виде слов "остров Скай", никуда не делся, даже когда она поняла, что речь идет не о ее собственной семье. МакКиннонов она прекрасно знала — они были в родстве с Робертсонами, и Минерва не раз бывала у них в гостях. Она прекрасно помнила и Марлен, и Эрнеста, и Карадока — это были ее студенты, с Гриффиндора. Марлен и Карадок, очень красивая пара, выпускники 1973 года... На выпускном вечере у Марлен было платье цвета слоновой кости и орхидеи в волосах.

Минерва торопливо оделась и побежала по коридорчику к кабинету Тома. Твинкл, семеня за ней следом, твердила, что Лорд не принимает без доклада. Плевать!

Дверь распахнулась от одного прикосновения. Том был у себя — сидел за столом в серой домашней мантии, закинув ногу за ногу, и о чем-то весело разговаривал с Долоховым, устроившимся в кресле напротив. При виде Минервы оба встали.

— Доброе утро, Минни, — Долохов, казалось, был ничуть не удивлен.

Минерва бросила на него короткий взгляд. Еще один из "старой гвардии", однокашник Тома по студенческим годам... Говорили, что именно он заведовал у Лорда боевыми операциями.

«Милорд, группа вернулась успешно…».

— Мне срочно нужно поговорить.

— Тони, извини. Оставь нас, пожалуйста, ненадолго, — Лорд движением палочки призвал для Минервы стул. Но она осталась стоять и, едва за Долоховым закрылась дверь, почти швырнула Тому в лицо газету.

— Твоя работа? Точнее — твоих?

Он на лету поймал шелестящий страницами номер "Пророка" и пробежал глазами статью.

— Минни, с чего ты так решила?! Я не читал внимательно сегодняшний выпуск, но, судя по всему, это обычное бытовое убийство. Не надо вешать на организацию всех собак.

— Бытовое убийство?!

— Конечно. Здесь же все написано. Должно быть, этот Карадок, или как его там, был пьян и...

— Я отлично помню Дирборна, — сказала Минерва, задыхаясь от ярости. — Он семь лет был моим студентом. Я никогда не поверю, что он способен убить кого-то. Уж тем более свою беременную жену!

— Люди меняются, Минни. То, как этот Дирборн вел себя в Хогвартсе, еще ни о чем не говорит.

— В доме, кроме Марлен и ее матери, было двое взрослых мужчин. Ты хочешь сказать, они не справились бы с алкоголиком?! Маккинноны оказывали ожесточенное сопротивление, дверь выломана взрывом — это ты называешь бытовым убийством?!

— Откуда мне знать, как действует разум убийцы? — усмехнулся Том. — Может, он решил имитировать грабеж, чтобы отвести от себя подозрения.

— Ты-то не знаешь, как мыслят убийцы?!

Она закрыла глаза, чтобы не видеть его. Она не знала, входили ли МакКинноны в Орден Феникса, — с тех пор, как с ней поработал Дамблдор, она этого просто не помнила, могла только догадываться. Но была почти уверена, что дело в этом.

Их убили накануне вечером. В котором точно часу? Когда Минерва ужинала в доме Малфоев? Когда развлекала богатых американок? Когда лежала в постели с Томом, разговаривала с ним, позволяла себя обнимать?...

Ей хотелось умереть. Или...

— Опусти палочку, — услышала она спокойный голос Тома. — Когда кто-то рядом думает о том, как бы меня заавадить, я становлюсь нервным. Вдобавок у тебя все равно не получится. Не будем создавать друг другу лишних проблем.

— Ты чудовище, — сказала она, не глядя на него. Она не знала, что Том использовал — вариант империо или другое заклятие, — но дышать было невозможно, а все тело сводило

мучительной болью. — Я не могу больше на тебя работать. Я ухожу.

Он негромко засмеялся. Потом подошел ближе — послышался шелест мантии, — и взял Минерву за подбородок. Ей потребовалась вся выдержка, чтобы не ударить его.

— Минни, ты забыла одну маленькую деталь. Уйти от меня можно только в том случае, если я сам отпущу. А я тебя отпускать не намерен. Ты прекрасный специалист. За пару месяцев ты сдвинула с мертвой точки разработку системы связи, над которой Уилкс бился полгода. Я не могу потерять такого ценного сотрудника.

Он сделал паузу. Минерва молчала.

— Я, конечно, не опущусь до банального шантажа и не стану напоминать, что у тебя тоже есть мать, брат, сын в Америке... А еще существует Джордж МакГонагалл. Хоть вы и в разводе, он все равно тебе не чужой, ведь правда? При этом он грязнокровка, да еще и женился вторым браком на магле. Насколько мне известно, у них двое детей. Отличная мишень, тебе не кажется? Впрочем, я уже сказал, что не собираюсь тебя шантажировать... Посмотри на меня.

— Я не хочу тебя видеть.

— Зря.

Он отпустил ее и принялся ходить по кабинету.

— Минни, я никогда не подумал бы, что ты настолько слабая. Мне-то всегда казалось, что у тебя стальной характер. Однако ты сломалась, едва соприкоснувшись с жизненными реалиями. Тебя заслали ко мне, как диверсанта в стан врага, — что же ты выбрала такой путь, если не готова к грязи и крови? Что ж ты так быстро сдаешься? Сражайся! Цепляйся когтями и зубами! Борись до последнего! Я бы так поступил на твоем месте.

— Тебе это зачем?

— Меня забавляет эта игра, я еще не устал от нее — так что прости, Минни, но я не отпущу тебя. А ты попробуй воспользоваться своим шансом. Это придаст нашему развлечению дополнительный азарт.

"Когда-нибудь я убью тебя", — подумала она.

Том рассмеялся.

— Всегда к вашим услугам, леди... А теперь, Минни, не смею больше тебя задерживать. Отправляйся на работу.

7

Обещание воздержаться от шантажа Том исполнил своеобразно. Дня через три после разговора Минерве доставили конверт с колдографиями — на них был Джордж с семьей. Снимки не сказали ей ничего нового, кроме одного

настораживающего момента — они были сделаны с очень небольшого расстояния. Рядом с домом, а один вообще в кухне. Складывалось впечатление, что снимали замаскированным колдографом. Значит, за МакГонагаллами внимательно наблюдали.

Она исхитрилась еще раз связаться с Альбусом и попросить, чтобы Джорджа предупредили. Но сама понимала, что это бесполезно. Хорошо, он забеспокоится, переедет куда-нибудь — но ведь семейный человек не может жить, как профессиональный боевик. Так что его все равно быстро вычислят и опять возьмут под колпак. Оставалось только верить, что пока она сама ведет себя хорошо — по меркам Тома, конечно, — Джорджа МакГонагалла и его детей не тронут.

Вдобавок Мартин, похоже, начал о чем-то догадываться, потому что бомбардировал мать совами, требуя отчета, где она работает и чем занята. Мол, с ним разговаривали какие-то странные люди, спрашивали о ней. Минерва не находила себе места. Отправляла Мартину письмо за письмом, в которых уклончиво отвечала на вопросы, зато умоляла об осторожности. А он, как назло, упрямо не хотел ничего менять в своем образе жизни: ни увольняться из института, ни уезжать из Сэйлема. "Это Америка, мама, здесь со мной ничего не произойдет". Как будто для войны существуют границы...

В середине июня Минерва наконец узнала, что за люди встречались с Мартином. Однажды утром Тед Уилкс, очень смущенный, протянул ей последний выпуск бульварной газетенки — не то "Сплетен недели", не то "Утреннего оракула".

— Я просто хотел спросить, что вы об этом думаете. Это моя жена читает, она сказала, наверное, надо вам показать...

Газетка была напечатана на дешевой серой бумаге. Двухдюймовые буквы заголовков на первой полосе пестрели восклицательными знаками:

ПОКЛОННИЦА ЛЮДО БЭГМЕНА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО БЕРЕМЕННА ОТ НЕГО! "ДА Я В ГЛАЗА НЕ ВИДЕЛ ЭТУ ДЕВУШКУ!" — ЗАЩИЩАЕТСЯ ЗНАМЕНИТЫЙ КВИДДИЧИСТ.

СЕЛЕСТИНА УОРБЕК ВЫХОДИТ ЗАМУЖ В ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ! РОДСТВЕННИКИ ПРИМАДОННЫ В ШОКЕ: ЖЕНИХ МЛАДШЕ НЕВЕСТЫ НА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

В ДЕПАРТАМЕНТЕ МАГИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ БЕРУТ ВЗЯТКИ?! ГЛАВА ДЕПАРТАМЕНТА КОРНЕЛИУС ФАДЖ ОТРИЦАЕТ ВСЕ ОБВИНЕНИЯ.

Минерва удивленно посмотрела на Уилкса — что именно он хотел ей показать? Это же тошнотворная макулатура... Но все равно развернула газету, пробежала взглядом — и тут же

наткнулась на небольшую заметку под названием *"История одного разочарования"*. Автор статейки, скрывшийся под на редкость свежим псевдонимом "Акула пера", писал:

"Загадочное исчезновение Минервы МакГонагалл, бессменного преподавателя трансфигурации в Хогвартсе на протяжении двадцати с лишним лет, не ускользнуло от внимания нашей редакции. Официально декан Гриффиндора вышла в отставку в январе этого года "по состоянию здоровья". Но при этом родные и друзья учительницы понятия не имеют, где она сейчас.

На острове Скай, в доме своих родителей, Минерва МакГонагалл не была с прошлого лета. Джордж МакГонагалл, с которым преподавательница в разводе, также не знает о местонахождении своей бывшей жены.

"Моя мать восстанавливает здоровье на одном из морских курортов, а где именно, не ваше дело, — сказал нашему корреспонденту сын профессора, Мартин МакГонагалл. — И проваливайте отсюда побыстрее, пока я не превратил вас в лягушку!".

Нет, внешне все выглядит вполне прозаично... В конце концов, учитель тоже человек и имеет полное право отдохнуть от стресса — а причин для него хватает, когда имеешь дело с несколькими сотнями непоседливых и шумных студентов. Но почему профессору МакГонагалл понадобилось уходить посреди учебного года?! Не кроется ли за этим нечто большее, чем простая усталость?

Школьная администрация отказывается от комментариев по этому поводу. Бывшие коллеги профессора также неохотно говорят о причинах ее увольнения. Однако наш корреспондент провел собственное расследование и пришел к сенсационному выводу...

Не исключено, что декан Гриффиндора перешла на сторону Того-Кого-Нельзя-Называть!!!

Фактов для подтверждения этой версии предостаточно. Минерва МакГонагалл училась в Хогвартсе одновременно с будущим знаменитым оппозиционером. По слухам, одно время она даже была с ним обручена, но затем разорвала помолвку.

"Мы до сих пор не знаем, что тогда произошло", — признаются знакомые Минервы. Возможно, речь идет о какой-то темной тайне в жизни профессора... Так или иначе, по словам тех, кто близко знал Минерву, с тех пор она не хочет даже слышать о бывшем женихе.

Недолгое замужество за Джорджем МакГонагаллом было призвано залечить сердечные раны, но, видимо, средство оказалось неудачным — последовал развод и затем трудоустройство в Хогвартсе. Далее, если верить слухам, у Минервы начался роман с

директором школы Альбусом Дамблдором. В это трудно поверить любому, кто учился у строгого и требовательного профессора МакГонагалл. Но наши источники уверены: между ними что-то было!

"Связь Минервы МакГонагалл с Дамблдором ни для кого не была секретом, — рассказывает один из выпускников Хогвартса. — Я сам много раз видел, как профессор выходила из директорского кабинета поздней ночью ". (Оставим за кадром вопрос, что именно делал наш собеседник в коридоре школы в неположенное время!)

"Однажды я стал свидетелем того, как директор вскоре после полуночи шел из кухни с чашкой горячего шоколада", — делится воспоминаниями другой бывший ученик. Вы спросите: что в этом особенного? Однако напомним нашим читателям, что шоколад — известный и применяемый с давних пор афродизиак! Зачем Альбусу Дамблдору могло среди ночи понадобиться возбуждающее средство?! Как нам кажется, ответ очевиден...

Но, судя по всему, и эта любовная история в итоге закончилась ничем. Альбус Дамблдор известен своей принципиальностью. Он неоднократно подчеркивал, что считает обучение юношества важнейшей задачей и ради этого готов отказаться даже от поста министра магии (который ему неоднократно предлагали). Возможно ли, что и теперь профессиональный долг оказался сильнее веления сердца? Все указывает на то, что директор Хогвартса и знаменитый победитель Гриндельвальда, выбирая между личной жизнью и общественной, в очередной раз предпочел интересы общества.

Мы не знаем, что в реальности произошло между Минервой МакГонагалл и ее непосредственным начальником. Но можно понять женщину, чувства которой отвергли ради принципов. Неудивительно, что декан Гриффиндора предпочла разрубить гордиев узел одним махом.

Однако куда она исчезла? Последняя статья ее авторства была напечатана в журнале "Трансфигурация сегодня" в сентябре прошлого года. Почти год без публикаций — слишком много для специалиста и исследователя такого масштаба, как профессор МакГонагалл. Означает ли это, что она нашла себе другое поприще для деятельности?

Слухи о существовании подпольной лаборатории Того-Кого-Нельзя-Называть уже давно не вызывают удивления. Не там ли Минерва МакГонагалл нашла применение своим талантам — а заодно исцеление от душевных ран?!

От редакции. *Мы не сомневаемся, что эта версия вызовет у наших читателей удивление и даже возмущение. Профессор МакГонагалл, известная своими твердыми моральными*

принципами и неприятием темной магии, — вдруг переходит на сторону самого опасного темного волшебника нашего времени?!

Признаемся, что и у нас поначалу возникли сомнения. Но с точки зрения психологии это не так уж невероятно. Вот что говорит по этому поводу Гипнос Крафтлав, известный частный целитель, специализирующийся на лечении душевных расстройств:

"Известно, что женщины более склонны к импульсивным, эмоциональным поступкам, чем мужчины. Отвергнутая женщина способна на жестокую месть — собственно говоря, это ничто иное, как искаженное проявление инстинкта самозащиты. В описанной ситуации такие мотивы вполне могли иметь место.

Конечно, это деструктивное поведение, опасное и для самой женщины, и для окружающих. Но нужно понимать, что мы не всегда полностью контролируем наши поступки — на них влияет не только рацио, но и подсознание, скрытые комплексы, детские травмы и иллюзии.

К сожалению, общество все еще остается консервативным в том, что касается психологических нарушений. Целители пытаются по старинке лечить их зельями, вместо того, чтобы — как мы это делаем в нашей клинике — помочь ведьме или волшебнику осознать собственные мотивы, избавиться от "внутренних демонов" и начать новую, счастливую и полноценную жизнь".

Минерве казалось, что в лицо ей плеснули кипящим маслом. Когда она дочитала статью, у нее дрожали руки, и хотелось отшвырнуть газету, как что-то мерзкое и вонючее. Как они могли написать такое о ней и Альбусе, как они посмели?!

Она подняла взгляд — Уилкс испуганно смотрел на нее.

— Профессор, вам плохо? Простите, ради Мерлина! Я дурак, не надо было... Я не хотел... Но я подумал, вам надо знать... Сядьте, — он засуетился, придвигая ей кресло. — Давайте я вам чаю заварю, хотите? Или просто воды? Вы меня слышите?! Ответьте что-нибудь!

Она с трудом взяла себя в руки — не хватало еще, чтобы Уилкс подумал, что у нее сердечный приступ, и взялся лечить. При всей симпатии к Теду она сомневалась в его способностях целителя.

— Скажи, ты тоже веришь в то, что у меня был роман с Дамблдором, и поэтому я здесь?

Уилкс побелел как полотно.

— Нет, как вы могли подумать! Я никогда... И жена сразу сказала, что это чушь! Я же знаю, что вы с нами совсем не поэтому, а потому, что вы тоже верите... тоже преданы... Темный Лорд вас так ценит!

Час от часу не легче! Не знаешь, что хуже, — когда тебя обвиняют в интрижке с директором или когда говорят, что ты переметнулась к Лорду по идейным соображениям... От этой мысли ей стало смешно, и она даже немного успокоилась. В конце концов, что такого страшного случилось? Ну, написали о ней мерзкую статейку — так о том же Дамблдоре и не такое писали. Но он только посмеивался и даже коллекционировал заметки о себе, а потом зачитывал коллегам вслух самые бредовые пассажи.

Минерва никогда не понимала такого подхода. С ее точки зрения, это было оскорбительно, и она не раз уговаривала Дамблдора подать иск против очередного писаки. Но Альбус только отмахивался:

— Минни, реагировать на такие вещи — только поднимать вокруг них лишний шум. Если я подам в суд, знаешь, что скажет публика? "Ага, он обиделся — значит, нет дыма без огня!". Нелепая логика, согласен, но, к сожалению, именно так мыслит большинство людей. Самое правильное в таких случаях — просто не обращать внимания. Даже девятидневное чудо длится не дольше девяти дней, а уж об этих опусах все забудут через неделю.

Наверное, он был прав... Минерва взяла газету и еще раз пробежала глазами заметку. Интересно, кто эти "бывшие студенты" Хогвартса, которые с такой готовностью обливали ее помоями? Впрочем, люди бывают разные. В школе ее многие недолюбливали — ну и плевать, она же не золотой галлеон, чтобы всем нравиться!

При этом автор заметки не переврал факты. Она и с Томом была помолвлена, и в кабинете директора засиживалась за разговорами иной раз до двух-трех часов ночи, и Альбус действительно временами ходил за горячим шоколадом. Хотя, конечно, не с той целью, какую ему приписали в статейке... Понятно, что выводы из этих фактов были шиты белыми нитками. Да еще и "комментарий психолога" с плохо замаскированной рекламой клиники этого самого Крафтлава!

По здравом размышлении ее насторожило совсем другое. Автор заметки явно знал больше, чем говорил, и чуть ли не впрямую сообщал всем, кто умел читать между строк, что Минерва и вправду трудится в лаборатории Волдеморта. Еще один барьер, отсекающий путь к отступлению... Теперь у аврората есть повод заинтересоваться ею — мол, пресса сообщила, а мы обязаны реагировать. Один сеанс легилименции — и здравствуй, Азкабан.

Внешний мир становился для нее все более опасным. Что

это? Изящный намек? Дескать, попытаешься сбежать — попадешь за решетку? Она бы совершенно не удивилась, если бы оказалось, что сведения для заметки "слил" в газету кто-то из приближенных Лорда, причем по его прямому указанию...

Уилкс осторожно потряс ее за плечо, и Минерва обнаружила, что сидит, закрыв лицо руками. Уилкс, наверное, подумал, что она плачет. На самом деле ей просто было так удобнее думать. А мысли были сплошь нерадостные. Ее загоняли в клетку — и шантажом, и такими вот завуалированными угрозами. А между тем цель, ради которой она ввязалась во все это, была так же далека, как полгода назад...

* * *

Две недели спустя Минерве пришло письмо от Нарциссы Малфой. Аккуратные строки на слегка надушенной бумаге с гербом гласили: "*Имеем честь просить Вас быть нашей гостьей 13 июля с.г. на церемонии имянаречения наследника дома Малфоев...*".

Минерва смутно помнила, что, кажется, Нарцисса месяц назад родила мальчика. Никаких подробностей она не знала — не до того было, чтобы интересоваться чужими детьми. Можно было, конечно, вежливо отказаться, но на церемонии будет как минимум весь "ближний круг", а может, и значительная часть организации. Нельзя упускать такой шанс выяснить, кто есть кто.

Дом Малфоев был теперь, видимо, под Fidelius, потому что ей прислали написанную незнакомым крупным почерком записку от тайнохранителя. Конечно, в своем анимагическом облике Минерва попала бы туда без всякой записки — животные, в отличие от людей, видят помещения, находящиеся под заклятием тайны. Совы носят туда почту, а кошки спокойно запрыгивают в окно первого этажа, в то время как человек может стоять в десяти футах от защищенного чарами дома и не замечать его.

Минерве пришло в голову, что она могла бы точно так же навестить Ставку... Но, подумав, она решила оставить это на крайний случай. Ее приметы в кошачьем облике прекрасно известны Тому, так что попасться на шпионаже очень легко — и тогда все закончится быстро и совсем бестолково.

В Малфой-мэнор она аппарировала из дома. Лето в том году выдалось холодное, дождливое, так что поверх длинного платья пришлось накинуть плащ и наколдовать себе зонт. Каменные плиты дорожки в саду мэнора потемнели от влаги, а плеск воды в фонтанах сливался с шорохом дождя.

На верхней площадке мраморной лестницы Минерву встретили двое охранников — их лица казались неясными пятнами. Ясно — чары, рассеивающие внимание... Проверив палочку и пригласительное письмо от Нарциссы, ее пропустили.

На входе стояли мощные защитные заклятия, призванные изобличить любого, кто попытался бы попасть в дом под оборотным зельем. Минерву ощутимо встряхнуло, когда она проходила сквозь невидимый барьер.

В парадном зале собралось, на первый взгляд, больше сотни человек. Кроме членов организации, здесь, судя по всему, были родственники и деловые партнеры Люциуса. На женщинах сверкали украшения; в толпе носились дети, разряженные, как на колдографиях в журнале мод.

В дверях Минерва столкнулась с Ивэном Розье — тоже одним из бывших учеников. Слизерин, выпуск 1970 года, на год старше Мартина... Светловолосый и взбалмошный — в школьные годы не вылезал из отработок, — Розье был не слишком усердным, зато обаятельным студентом, и она всегда очень жалела, что в итоге мальчик оказался на этой стороне.

В руках Ивэн держал что-то размером с супницу, завернутое в подарочную бумагу.

— Здравствуйте, профессор! Как вам наша выставка? — он с ухмылкой кивнул на гостей. — Из кожи вон лезут, чтобы показать себя во всей красе.

Она против воли улыбнулась.

— Что это у тебя?

— Подарок от нас с Лестрейнджами. Медальон для первого локона ребенка.

— Такого размера?!

— А что? — Ивэн рассмеялся. — Да, он огромный, зверски тяжелый и уродливый. Зато чистое серебро, гоблинская работа, пятнадцатый век. Люциус будет счастлив — ему главное, чтоб подороже.

— И сколько стоит этот... медальон?

— Простите, профессор, я вам не скажу. Мне самому страшно об этом думать...

Ивэн скользнул в толпу, а Минерва стала оглядываться, ища знакомые лица. В сторонке она заметила Тома — он стоял среди "ближнего круга", а вокруг толпились желающие засвидетельствовать свое почтение. Мужчины целовали ему руку, дамы приседали в глубоких реверансах. Минерва решила не подходить — ни делать реверанс, ни целовать руку ей не хотелось, а этого требовал здешний этикет.

Она отыскала Нарциссу, возбужденную и счастливую, вручила ей подарок — игрушечную фею для детской, поющую колыбельные, — и отошла в сторонку, чтобы не привлекать к себе внимания. Некоторые из гостей бросали на нее косые взгляды и перешептывались — видно, тоже читали ту самую статью, а теперь воочию увидели подтверждение.

Наконец эльфиня принесла пухлый кружевной сверток, из которого доносилось легкое попискивание. Приглашенные дамы сгрудились вокруг него, громко выражая восхищение красотой юного Малфоя и его поразительным сходством с отцом, матерью, а также всеми мыслимыми бабушками и дедушками. Мужчины, не обращая на ребенка внимания, разговаривали между собой. Кто-то довольно громко спросил: "Ну, когда уже все это закончится, и будет ужин?!".

К Минерве протиснулся Колин Розье — отец Ивэна, тоже один из старых знакомых, бывший однокурсник Тома по Хогвартсу, ныне входивший в "ближний круг". С сыном они были очень похожи, разве что Колин под старость стал солиднее и отрастил брюшко. Ему явно было жарко в парадной мантии с жестким воротничком.

Колин предложил Минерве шампанского и без всякой преамбулы спросил:

— Значит, ты теперь правда с нами? Лорд мне говорил, да я как-то сомневался...

— Правда.

— А я-то думал, такое невозможно.

— В жизни все возможно.

— Ты же была нашей убежденной противницей. Что случилось?

Она пожала плечами.

— Том пригласил работать на него, предложил хороший оклад. Зарплата у учителей сам понимаешь какая, а у меня пожилая мать, и сыну нужно помочь, пока он еще толком не встал на ноги. Деньги не помешают. Вот и все — что тут удивительного?

Колин посмотрел на нее, прищурившись.

— Я бы на твоем месте придумал более убедительную версию... Хотя если Лорда она устраивает, то это ваше с ним дело. Лично я искренне рад тебя видеть.

"Я бы тоже была рада, но не здесь и не под началом Тома", — подумала она, однако промолчала. Вместо этого сказала:

— Я встретила Ивэна. Он так позврослел после Хогвартса. Чем он сейчас занимается?

— А, прожигает жизнь, — махнул рукой Колин. — Не говори мне об этом бездельнике, прошу тебя.

Понятно. Значит, тоже работает на Лорда, хотя официально ничем не занят.

Тем временем церемония уже шла полным ходом. Лорд, которого Люциус упросил быть имянарицателем, с опаской держа младенца на вытянутых руках, погрузил его в чашу, где была налита теплая вода с белым вином, а затем трижды торжественно назвал имя. Драко... Какое странное имя выбрали Малфои. Слишком пафосное, на вкус Минервы, — впрочем, это их ребенок и их дело.

Вокруг все аплодировали. Наследник дома Малфоев, видно, решил, что его собираются купать, и разревелся, когда его вытащили из теплой воды, едва окунув. Люциус поспешно взял его на руки, обернул шелковым полотнищем с гербом и передал эльфине, которая поспешила с драгоценным грузом в детскую. Следом, расточая гостям улыбки, устремилась Нарцисса — должно быть, пришло время кормления.

Церемониальная чаша исчезла — вместо нее появились длинные столы, уставленные закусками. Гости двинулись к ним; в дальнем конце зала на возвышении заиграл оркестр фей-

музыкантов. Детей, чтобы не мешали взрослым, под присмотром эльфов отвели в соседнюю комнату, где их ждало изобилие тортов и игрушек. Минерва продолжала рассматривать гостей — мельком увидела Теда Уилкса, Малсибера, еще нескольких коллег из лаборатории. У стены с кем-то разговаривала Белла в темно-зеленом платье из тяжелого бархата. Средней из сестер Блэк, Андромеды, нигде не было видно. Значит, верны слухи, что она после Хогвартса вышла замуж за маглорожденного Теда Тонкса, и семья перестала с ней общаться...

Лорда среди гостей не было. Поискав его глазами, Минерва увидела, что он ушел в небольшую нишу, отделенную колоннами от большого зала, и поочередно подзывал к себе то одного, то другого из присутствующих — видно, чтобы поговорить без посторонних ушей. В руках он держал едва тронутый бокал шампанского и казался веселым и оживленным. Сияющий от гордости Люциус вертелся поблизости. Рядом с Лордом стоял Долохов — он ничего не ел и не пил и постоянно шарил взглядом по залу с таким видом, будто ежесекундно ожидал нападения.

Минерва постаралась незаметно подойти поближе, чтобы проследить, с кем Том будет беседовать. Главное сейчас — запомнить лица и детали, а проанализировать и прикинуть, о чем мог идти разговор, можно и позже. Но ее опять отвлек Колин Розье, пригласивший ее танцевать. Они прошли несколько туров вальса, болтая о ничего не значащих пустяках, потом Колин вдруг на мгновение умолк, словно прислушиваясь к чему-то. Затем он поцеловал Минерве руку и отвел ее к креслу у стены:

— Прости, я тебя покину ненадолго...

Усадив ее, он направился к Тому. Интересно, каким образом тот его вызвал? Должно быть, сработала та самая метка, которую, по слухам, носил ближний круг и о которой Минерва была наслышана, но никогда не видела. В лаборатории молодежь временами говорила об этом — получить метку считалось высокой честью, которую мало кто заслуживал. Минерва проследила взглядом за тем, как Колин взбегает по ступенькам в нишу. Потом встала и направилась в ту же сторону, делая вид, что ищет эльфа-официанта, чтобы взять еще бокал...

Но когда она была на расстоянии примерно двадцати футов от колонн, раздался взрыв.

* * *

Все произошло так быстро, что в первое мгновение она ничего не поняла. Оглушительный грохот, острая боль в щеке — и мгновенная тишина. Люди вокруг, казалось, застыли на месте и едва-едва, очень медленно, двигали руками и ногами, словно на "замороженной" колдографии. Сердце у Минервы на мгновение

остановилось и тут же бешено заколотилось снова; по телу как будто прошла горячая волна. В ту же секунду вернулось движение, все теперь куда-то бежали, разевали рты. Но она по-прежнему не слышала ни звука — взрыв прозвучал слишком близко, и она временно оглохла.

Колонны устояли, но покрылись серыми пятнышками от выбитых осколков. За ними ничего было не разглядеть — там столпились люди. Кроме того, взрывной волной с высоких, выше человеческого роста, окон сорвало занавески и выбило стекла, так что в воздухе висела пыль от взрыва и морось дождя, который заносило ветром через пустую раму.

Но присматриваться Минерва не стала. Еще не успев ни о чем подумать, она обнаружила, что бежит в соседний зал, где были дети. Сработал рефлекс, созданный годами материнства, а затем учительства. Что бы ни случилось, взрослые сами разберутся со взрослыми. Дети важнее.

Щеку жгло. Машинально тронув ее ладонью, Минерва увидела кровь — наверное, задело осколком. Повезло. Дюймом выше, и она осталась бы без глаза.

Дверь комнаты стояла нараспашку. Там уже столпились женщины, испуганные, побледневшие, такие нелепые сейчас в своих вечерних платьях. Некоторые, схватив детей на руки, уже спешили к выходу. Минерва остановилась в проеме, среди разбросанных на полу игрушек.

— Выходить нельзя! — она старалась говорить очень четко, но это было трудно, потому что она не слышала собственного голоса. — Мы не знаем, что случилось. Может быть второй взрыв. Нужно оставаться здесь. Всем лечь на пол и прикрыть детей собой! Я поставлю магический щит и проверю комнату на взрывные заклятия.

Позже ей кто-то рассказал, что она не говорила, а кричала, словно под сонорусом... Минерве же в тот момент казалось, что ее губы еле движутся. Ее приказа послушались — наверное, потому, что большинство женщин в комнате были когда-то ее ученицами. Она мельком увидела Лену Уилкс, Эдну Пьюси, Розалинду Хиггс... Женщины ложились на пол, прямо в растоптанные остатки тортов, среди конфетных оберток, разбросанных паровозиков и игрушечных медведей, прижимая к себе плачущих детей, своих и чужих, кто попался под руку. Установив на входе магический щит, Минерва двинулась вдоль помещения, машинально заметив, как дрожит рука с палочкой. Стены... окно... потолок... стол... игрушки... ваза с фруктами... Чисто. Все в порядке.

Тем временем слух начал возвращаться — сначала отложило

одно ухо, потом другое. Хотя она слышала все равно нечетко, как через вату. Шум голосов, плач, шаги сливались в невозможную какофонию. Хорошо еще, что в момент взрыва она была в обычном облике... Будь она кошкой, с их-то чувствительными ушами, точно оглохла бы навсегда.

Лежавшие на полу женщины с опаской поднимали головы, следя за ней. Минерва подошла к Эдне Пьюси, смутно вспомнив, что та еще в девичестве, в бытность свою мисс Кроуфорд, была старостой Слизерина.

— Эдна, проследи за порядком, хорошо? Уже можно встать, но пускай пока никто не выходит. Я пойду проверю, что там творится.

В бальном зале теперь было намного меньше народу. Феи-музыканты, побросав инструменты, трепещущей стайкой сбились под потолком. "Посторонние" гости Люциуса, в основном, пожилые дамы и солидные предприниматели в дорогих мантиях, сгрудились в углу. Рядом стоял какой-то парень — Минерва не могла со спины понять, кто это, но явно кто-то из организации, — и терпеливо повторял тусклым голосом:

— Сохраняйте спокойствие... Нет, аппарировать нельзя... Пока мы не выясним, что случилось, из дома никто не выйдет... Нет, я абсолютно уверен, что все будет в полном порядке... Просто произошел несчастный случай...

Минерва медленно направилась к нише за колоннами, перешагивая через разбросанную на полу посуду. Какой-то толстяк, стоя посреди зала, отрывисто разговаривал с одним из ее бывших студентов, Джоном Вудфордом:

— Как первая?

— Все выходы перекрыты, дом никто не покинул, мы уверены.

— Вторая?

— Прочесывает сад.

— Это Ивэн, что ли? — уже другим тоном и потише спросил толстяк.

Вудфорд кивнул.

— Хорошо, — толстяк шумно выдохнул. — Не надо ему сейчас здесь быть...

Тут он увидел Минерву и замолчал. Потом неожиданно плавным для такой туши движением сделал шаг ей навстречу.

— Миссис МакГонагалл?

— Да, — настороженно ответила она.

Его взгляд стал внимательным и цепким.

— Прошу вас отдать мне палочку.

— Зачем? — резко спросила она. — Кто вы такой?

— Уильям Трэверс, — ответил он таким тоном, словно это все объясняло.

Понятно. Еще один из старой компании Тома. На Слизерине учились его дети, но с самим Уильямом Минерва не была знакома — он закончил Хогвартс лет на пять позже нее.

— Я не собираюсь отдавать палочку.

— Это временно. В целях безопасности, — Трэверс протянул руку.

Понятно. Она тут чужая, явилась "с той стороны" — значит, главная подозреваемая...

Смысл сопротивляться вряд ли был. Она протянула Трэверсу свою палочку — как нож, утолщенным концом вперед.

— Спасибо, мадам, — бросил толстяк. — А теперь отойдите в сторонку и не путайтесь под ногами. Выходить из зала не разрешается.

Он повернулся и пошел к колоннам. Минерва двинулась следом — терять было уже нечего. Самое большее, ей влепят ступефай в упор.

На мраморном полу за колоннами кто-то лежал навзничь, и на мгновение Минерва замерла — но тут же разглядела, что это не Том, а Колин Розье. Мантия на нем была разорвана в клочья, вокруг расплывалась кровь. Им никто не занимался — видно, уже ничего нельзя было сделать. Рядом Белла, присев на корточки, накладывала кому-то повязку, но этот кто-то опять же не был Томом. Лорда вообще нигде не было видно.

В дальнем углу ниши Минерва увидела Рудольфа Лестрейнджа и с ним еще нескольких человек — они обследовали стены и засыпанный осколками пол.

— Ну? — спросил Трэверс, подходя к ним.

— Ничего, — сказал Рудольф, не оборачиваясь. — Пусто. Хотя траектория заклятья точно начиналась отсюда, я видел. Аппарировать из дома нельзя, так что, наверное, он ушел под разиллюзионным сразу, едва началась паника.

— Как он мог уйти?! — зло спросил Трэверс. — Сюда полетело с десяток ступефаев!

— Ну, и где тогда этот тип?! — Рудольф мгновенно сорвался на крик. — Я тебе его рожу, что ли?! Прочесывайте дом, ищите! У нас только какую-то чертову крысу оглушило взрывом — могу подарить, если надо!

— Сунь себе эту крысу в... — Трэверс не договорил и, сплюнув, ушел.

За спиной послышался шорох — Минерва обернулась и увидела Беллу, растрепанную, в пыльном платье.

— Где Лорд? — спросила она, не успев даже задуматься.

Белла какое-то время молчала и, прищурившись, рассматривала Минерву. Потом медленно ответила:

— В безопасности.

Еще помолчала и добавила:

— Помогите мне с ранеными, профессор.

* * *

Около четверти часа спустя в зале откуда-то появился Долохов. Поговорил с несколькими людьми, потом направился прямиком к Минерве.

— Пошли со мной.

Она думала, что они выйдут наружу и аппарируют на границе парка, но у Долохова был с собой портключ — потемневшая от времени, погнутая серебряная ложка, к которой он прижал руку Минервы с такой силой, словно хотел сломать ей пальцы. Их выбросило не в Ставку, а в какое-то другое, незнакомое место — небольшую комнату с отклеивающимися бумажными обоями на стенах. Магловскую, судя по электрической лампочке под потолком, и явно нежилую. Шторы на окнах были плотно задернуты.

Лорд сидел у стены в потертом кресле с ярко-красной обивкой. В комнате было еще двое волшебников — видимо, охрана. Увидев Минерву, Том быстро поднялся и подошел к ней. Выглядел он совершенно обычно, если не считать длинной царапины на щеке и бурых брызг подсохшей крови на мантии.

— Что ж, Минни, — сказал он холодно, — вот ваши орденцы и отличились. Ничего не скажешь, красиво сделано. Непонятно как прошли в дом под Fidelius, непонятно как потом ускользнули… Да еще и с истинно гриффиндорским благородством подождали, пока из зала уведут детей. При этом покушение им почти удалось — если бы Розье не успел броситься наперерез заклятью, меня бы в клочки разнесло… Жаль, что здесь нет Дамблдора. Я бы ему искренне поаплодировал!

Минерва молчала. Ответа от нее и не ждали.

— Смотри на меня, — резко распорядился Том.

Минерве даже не было страшно — после выброса адреналина началась обратная реакция, и сейчас ей было абсолютно все равно, что с ней случится. Глаза у Тома, обычно карие, сейчас настолько почернели, что зрачок сливался с радужкой. Минерва смотрела в них, словно в колодец, и думала о том, как ей хочется прикорнуть где-нибудь в уголке и уснуть.

Волной легилименции ее накрыло внезапно и с невероятной силой. Она всегда считала себя неплохим окклюментом, но сопротивляться Тому было просто бесполезно. Перед глазами проносились разрозненные картинки: лицо мамы, Дамблдор,

разливающий чай по чашкам, детская игрушечная лошадка Мартина... Но вскоре уже ничего нельзя было различить — картинки слились в сплошной разноцветный поток, где пытаться выхватить что-то одно было все равно что пытаться услышать стук отдельного колеса в грохоте проносящегося мимо экспресса.

Она не знала, как много прошло времени — пять минут или полчаса. Когда поток образов иссяк, у нее так сильно кружилась голова, что если бы не Долохов, подхвативший ее за плечи, Минерва упала бы на пол. Тошнило страшно, так что она изо всех сил глотала воздух, чтобы не вывернуло наизнанку. В мыслях была полная пустота, словно ее память разрезали на лоскуты, да так и бросили несшитой.

Том посмотрел куда-то мимо нее, на Долохова, и молча покачал головой.

— Вы уверены? — спросил тот.

— Естественно, я уверен, — раздраженно ответил Том и повернулся к своему креслу.

Рядом послышался негромкий хлопок. Охранники встрепенулись, в руках у них появились палочки, нацеленные на прибывшего. Это был Лестрейндж, встрепанный и уставший. В одной руке он держал сапожную щетку — видимо, портключ, — в другой мешок.

Долохов отпустил Минерву, и ее качнуло в сторону. Пришлось прижаться к стене, чтобы не упасть. Она закрыла глаза, пытаясь справиться с головокружением, и услышала, как Том отрывисто спрашивает:

— Что еще?

Послышался шорох, словно открывали мешок. Потом Том заговорил медленно и очень спокойно, но от его интонации по коже пробежал озноб.

— Рудольф, я допускаю, что при взрыве ты получил сотрясение мозга. Иначе я никак не могу объяснить, почему ты в такой момент являешься сюда и приносишь мне дохлую крысу!

Мешок опять зашуршал.

— Во-первых, она не дохлая, а оглушенная. Во-вторых, мне кажется, милорд, это не крыса...

Минерва прижалась щекой к стене, чувствуя, что сползает вниз. Какие хорошие, прохладные обои... Мерлин великий, как же тошнит...

Лорд молчал — должно быть, рассматривал добычу.

Потом тихо сказал:

— Очень интересно...

И тут же спохватился:

— Тони, доставь Минерву в лабораторию. Я думаю, ей стоит

пока пожить там — для безопасности. Там же есть какие-то спальни для сотрудников? Да, и пусть ей вернут палочку.

Чьи-то руки оторвали ее от стены. Перед глазами летали мелкие черные мушки, и Минерва не могла даже различить, куда ее ведут. Ей сунули в руку портключ, сжали ее пальцы...

Где-то за спиной хлопнула закрывающаяся дверь.

8

После покушения ее уже не выпускали из лаборатории. Даже на похороны Розье. Отвели гостевую спальню на одном из нижних этажей, аскетичную, как гостиничный номер, и поначалу даже гулять не позволяли. Потом она отправила Тому сову, и на следующий день прогулки разрешили — правда, для этого приходилось отправляться с помощью портключа в какой-то незнакомый магловский парк, очень старый и заросший густым подлеском, где никогда не встречались другие прохожие.

Аппарировать оттуда было нельзя — парк был закрыт антиаппарационным куполом, а при попытке выбраться из него пешком Минерва неизменно натыкалась на защитный барьер. Конечно, пробить и купол, и щитовые чары было бы несложно, но она прекрасно понимала, что это будет расценено как попытка к бегству, и оставила этот вариант на крайний случай.

Впрочем, по большому счету было не до прогулок — близилось время завершения проекта, и работать приходилось чуть ли не по двадцать часов в сутки. Тед похудел, осунулся и сильно нервничал. Вдобавок ему приходилось беспокоиться за семью. Колин Розье приходился ему тестем; Лена Уилкс, в девичестве Розье, тяжело переживала его смерть. Она была беременна в четвертый раз, и Тед боялся, что у нее случится выкидыш.

Минерва много думала о покушении и, кажется, поняла, как оно было организовано. Действительно, красивый ход: кто-то из Ордена — анимаг, превращающийся в крысу, — проникает в дом, внутри опять превращается в человека, под разиллюзионным подбирается поближе к Лорду, использует взрывное заклятие, тут же "перекидывается" обратно и убегает, пока вокруг еще царит паника и на крысу никто не обращает внимания.

Правда, в итоге что-то пошло не так. То ли у исполнителя сдали нервы, и он поторопился, то ли подошел слишком близко, так что его самого оглушило... Минерва не понимала только одного: кто?! Кто был исполнителем? Всех зарегистрированных анимагов она знала наперечет. Их и было-то семь человек на всю Британию.

Спустя несколько дней она прочла в "Пророке", что найдено разорванное в клочки взрывом тело Бенджи Фенвика. Значит, это

был он, и ему отомстили таким изощренным способом — око за око, зуб за зуб. Но ведь Фенвика она учила, он был с ее факультета... Тихий, спокойный мальчик, вечно комплексовавший из-за очков и лишнего веса. Неужели Бенджи умудрялся превращаться у нее под носом, а она не заметила, не догадалась? Да что из нее за декан такой?!

Впрочем, это уже не имело значения. Бенджи все равно не вернуть. О том, что ему пришлось пережить перед смертью, Минерва не знала и не хотела знать. От бесконечной войны чувства притуплялись. Смерть и страдания уже казались чем-то обыденным и привычным — все через это пройдем, все там будем, так зачем об этом думать?

В стране между тем творилось что-то несусветное. В лабораторию по-прежнему доставляли кучу прессы — кроме научных журналов, совы каждое утро приносили целую стопку свежих экземпляров "Ежедневного пророка" и других газет, и оттуда Минерва узнавала неутешительные новости. За смерть Колина Розье организация мстила жестоко — сообщения о новых терактах или просто странных несчастных случаях появлялись чуть ли не каждую неделю. При этом маглорожденных теперь демонстративно не трогали. Жертвами становились исключительно чистокровные семьи, и все чаще в газетных статьях появлялось предположение: мол, теракты — дело рук вовсе не сторонников Темного Лорда.

Тед Уилкс принес на работу маленький радиоприемник, и однажды Минерва поймала по нему фрагмент интервью с Ноттом-старшим, членом Визенгамота и представителем легального крыла организации.

"— Ваше имя часто связывают с Тем-Кого-Нельзя-Называть, — говорила ведущая. — Как вы можете это прокомментировать?".

Минерва чуть повернула ручку настройки, и голос Нотта стал слышен четче и громче.

"— Да, я знаю, что ходят такие слухи. Думаю, они появляются из-за того, что наши позиции в определенной степени близки. Хотя, разумеется, я решительно осуждаю террористическую практику, которой этот политик следовал в недавнем прошлом, и на слушаниях в Визенгамоте всегда призываю к строжайшему наказанию виновных...".

Уилкс хихикнул, будто услышал удачную шутку.

"— Вы сказали — "в недавнем прошлом". Однако нападения и исчезновения людей продолжаются по сей день!

— Я согласен с этим, — Нотт сухо откашлялся. — Но кто сказал, что нынешние события — дело рук Того-Кого-Нельзя-Называть? Судите сами — его организация отстаивает интересы

чистокровных волшебников. Зачем же Тот-Кого-Нельзя-Называть станет проводить против них теракты и тем самым лишать себя политической поддержки?! Это нелепость, вам не кажется?

— Как в таком случае вы объясните то, что сейчас происходит?

— По имеющимся у меня данным я могу предположить, что в нашей стране есть и другая подпольная организация, противоположной направленности, которая стремится дестабилизировать обстановку. Нынешние теракты — на их совести. По слухам, эта группа называет себя Орденом Феникса.

— Почему тогда на месте преступления остается так называемая "метка" в виде черепа с выползающей из него змеей? — не отставала ведущая.

Нотт негромко рассмеялся.

— Это как раз очень просто. Общеизвестно, что метка — своего рода "визитная карточка" Того-Кого-Нельзя-Называть. При этом воспроизвести ее под силу любому выпускнику Хогвартса, сдавшему чары на ТРИТОНах. Потому Орден Феникса и использует этот знак, чтобы направить правоохранительные органы по ложному следу и отвести от себя подозрения.

— Что ж, версия не лишена логики... А кто, по-вашему, стоит за этим новоявленным Орденом?

— У меня есть определенные сведения, но я не хотел бы озвучивать их, не имея точных доказательств, — уклонился от ответа Нотт. — Если бы такие доказательства у меня были, я бы давно передал их в аврорат. Пока могу сказать только, что речь идет об одном из самых влиятельных волшебников в нашей стране, занимающем сразу несколько серьезных должностей во властных структурах.

— Какую цель он преследует?

— Я думаю, что захват власти и установление единоличной диктатуры...".

Минерва прикрыла глаза. Намек был так прозрачен, что с тем же успехом Нотт мог бы назвать имя этого таинственного волшебника. Все равно любой догадается, что речь идет об Альбусе Дамблдоре. Орден явно и намеренно «подставляли». Должно быть, Том надеялся стравить его с Министерством, переключить внимание авроров на окружение Дамблдора и расправиться с одним врагом руками другого.

Пропаганда в газетах между тем набирала обороты. "Пророк" пока еще пытался сохранять объективность, но остальные публиковали статью за статьей, из которых любому читателю становилось кристально ясно: во всем виноваты маглорожденные. Они хотят захватить власть и продать нас маглам, они совершают

теракты и торгуют наркотиками, они заняли все рабочие места, так что чистокровному невозможно нигде устроиться, они не платят налоги, из-за них распадаются семьи... И так далее, и тому подобное.

Самое обидное, что Орден Феникса почти ничего не мог этому противопоставить. "Простому" волшебнику, привыкшему задумываться только над таблицей ставок на скачках гиппогрифов, было бесполезно объяснять, что маглорожденных мало, и они при всем желании не сумеют захватить весь магический мир. Он просто знал, что не хочет, чтобы "чертов грязнокровка" покупал фабрику метел, где он работает, и чтобы его дочь выходила замуж за грязнокровку. Сделать что-то с этим вековым предубеждением было очень трудно. Убедить Дамблдора, что Орден Феникса должен активнее заниматься пропагандой, — тоже. Тем более что орденцев была горстка, и на них не работала целая индустрия газетных статей, листовок и радиопередач.

Минерве никак не удавалось даже встретиться с Томом — он намеренно и последовательно держал ее на расстоянии. Она отправляла ему сов с отчетами о ходе работы, но ответы приходили Малсиберу. Разговаривать и видеться с ней напрямую, пускай даже по делу, Том не желал.

Ясно было, что со своей миссией она не справилась — Дамблдор переоценил ее, возложил на нее ложные надежды. Она не могла ни добиться влияния на Лорда, ни даже передавать Альбусу какую-либо полезную информацию — ее контакты с внешним миром свели к нулю, а почту тщательно просматривали.

Когда она уже совсем отчаялась, неожиданно пришла поддержка. В "Пророке" Минерва всегда просматривала колонку объявлений — они договаривались с Дамблдором о том, чтобы использовать ее для экстренной связи. Однажды — был уже конец сентября — она наткнулась там на крупный заголовок: "Продается чай с жасмином высшего сорта, оптом!". Желающим предлагалось обращаться по незнакомому адресу в Годриковой Лощине. Жасминовый чай, да еще упомянутый рядом с названием родной деревни Дамблдора...

Конечно, это могло быть совпадение. Но Минерва на всякий случай коснулась страницы палочкой, прошептав дешифровальное заклятие. Шифр был не самый сложный, "преподавательский" — таким они пользовались в школе для защиты экзаменационных билетов, на случай, если кто-нибудь из особенно активных учеников сумеет пробраться в учительскую и заглянуть в них накануне экзамена.

Заклятие сработало. Текст объявления вздрогнул, и буквы

засуетились, выстраиваясь в другом порядке. Теперь вместо рекламы чая на газетной странице появились совсем другие строки:

"Я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело. Но ты должна оставаться там, где ты есть. Мы не знаем до конца последствий наших поступков. Даже если тебе кажется, что все бессмысленно и ничего не происходит, — не сдавайся. Любая случайность, которая кажется нам мелкой и незначительной, может оказать влияние на будущее. Используй свои сильные стороны. Я верю, что у тебя все получится. Удачи и храни тебя Мерлин.

А.".

* * *

Поначалу она действительно воспряла духом, но через несколько дней вызванная посланием Альбуса эйфория прошла. Ему легко верить, что у нее что-то получится, — он ведь не знает, что она увязла, как муха в паутине... А дни шли. Наступил ноябрь, но ничего не менялось.

Погода тем временем окончательно испортилась. В парке, куда Минерву отпускали гулять, выпал снег — необычно рано для такого времени года. Он быстро таял, превращаясь в липкую грязь; деревья стояли мокрые и голые, опавшая листва пропиталась влагой и потемнела. Чтобы как-то сбросить напряжение, Минерва, оказавшись в парке, превращалась в кошку и в таком облике пробиралась через подлесок, жадно вдыхая лесные запахи и разыскивая под кучами листьев мышиные норы. Она очень давно не позволяла себе охотиться — хорош преподаватель трансфигурации с мышью в зубах! Но сейчас было уже все равно. Требовалась хоть какая-то встряска, пускай маленькая, но победа.

Так что она часами просиживала в засаде, чтобы потом одним броском поймать потерявшую бдительность и выбравшуюся на поверхность мышку. Может быть, именно это имел в виду Альбус? Может, отправляя Минерву на это задание, он как раз и делал ставку на ее вторую, кошачью сущность, на умение быть терпеливой? Значит, так и надо поступать. Ждать, даже не зная, чего ждешь, сохранять спокойствие, подстерегать удобный момент...

Это, конечно, было проще было сказать, чем сделать. Но Минерва старалась.

Когда она превращалась обратно после охоты, на мантии оставались комья грязи и прилипшие листочки, а в ботинках противно хлюпала вода. Ну и плевать. Зато хоть немного возвращались надежда и вера в свои силы. И лаборатория уже не казалась клеткой, в которой ее заперли навсегда.

Между тем обстановка на работе становилась все более нервной. В здании появилась охрана — неразговорчивые люди в масках. Сотрудники уже не тратили и пяти минут на то, чтобы перекинуться словечком в коридоре, а сразу спешили на рабочие места. Даже иллюзорный пейзаж за окном словно заклинило — теперь здесь всегда была одна и та же картинка: густой еловый лес, где стволы деревьев поросли мхом и куда солнце почти никогда не заглядывало.

Десятого ноября они с Уилксом представили Малсиберу окончательный, многократно протестированный и проверенный проект системы "часовой" связи. Провели несколько опытов, Малсибер специально аппарировал куда-то в Йоркшир, чтобы поговорить с ними оттуда. Его голос звучал тихо, временами начинались помехи, но в любом случае система действовала.

— Благодарю, коллеги! — вернувшись, Малсибер долго жал руку сначала Минерве, потом Теду. — Это настоящий успех, это прорыв! За последние десять лет лично я не припомню магических разработок такого уровня! Уверен, Темный Лорд высоко оценит ваш труд.

— У меня есть просьба... — смутился Тед Уилкс. — Я хотел бы взять отпуск на неделю. Мне нужно перевезти семью в безопасное место, я уже подыскал подходящий дом. Ну и просто отдохнуть, а то мы же последнее время спали по три часа в сутки...

— Конечно! Конечно! — Малсибер сиял. — Тем более что сейчас, когда основная работа сделана, изготовление брегетов уже можно ставить на поток, а с этим справятся и другие люди. Тебе действительно нужен отдых. Новые задания обсудим, когда вернешься. Нужна помощь при переезде?

— Нет-нет, — Тед торопливо замотал головой. — Мы уже почти все вещи упаковали. Я договорился с Ивэном Розье — вы его знаете, это мой шурин. Он завтра свободен, так что поможет нам перебраться. Лена с детьми отправится вперед, а мы с ним аппарируем пару раз туда-сюда и заберем все пожитки.

— Отлично! — у Малсибера, казалось, абсолютно все сейчас вызывало восторг. — Минерва, может быть, и ты...

Он запнулся, сообразив, что уехать из лаборатории она не сможет.

— Нет, спасибо, — отказалась она, избавив начальника от неловкости. — Отпуск мне не нужен. Я бы предпочла денек отоспаться, а потом до возвращения Теда разобраться со всякими мелочами — привести в порядок архивы, прочесть последние номера "Трансфигурации сегодня", на которые раньше не хватало времени... Не беспокойся, Даррен, я найду, чем заняться.

Почти весь следующий день она действительно проспала. Проснулась лишь к вечеру, умылась и отправилась на свой этаж. Во всех отделах горел свет — впрочем, ничего необычного в этом не было. Минерва зажгла лампу, прошлась по непривычно тихой и пустынной комнате, потом достала из письменного стола рабочие тетради и машинально включила радио.

"...восьмичасовые новости с Кортни Уэллером, — сказал голос ведущего. — *Для начала о главном событии дня — как мы уже сообщали в пятичасовом выпуске, сегодня Департамент магического правопорядка одержал новую существенную победу в борьбе с терроризмом. В результате продолжавшейся несколько месяцев спецоперации было установлено местонахождение Ивэна Розье, одного из ближайших подручных Того-Кого-Нельзя-Называть, непосредственного организатора и участника ряда нападений на мирных граждан. В ходе ареста он оказал ожесточенное сопротивление аврорам и был убит. В стычке были серьезно ранены два сотрудника Департамента, сейчас они находятся в клинике святого Мунго. Вместе с Розье ликвидирован другой опасный боевик — Теодор Уилкс. Глава Департамента магического правопорядка Бартемиус Крауч, комментируя сегодняшние события, сказал...".*

Что там сказал Крауч, Минерва не дослушала. Она уже бежала на второй этаж, в библиотеку для сотрудников — срочно нужна была какая-нибудь вечерняя газета. Схватив свежий выпуск "Магических новостей", она уставилась на большую статью с колдографией на первой полосе.

Сопротивление, судя по колдографии, и вправду было ожесточенное. От дома остались одни развалины. На переднем плане аврор в форменной мантии и маске, закрывающей лицо, размахивал руками, отгоняя журналистов от места происшествия.

На похороны Ивэна и Теда ей тоже не разрешили пойти. Ночь она провела в своей спальне, наглотавшись снотворного зелья и провалившись в черный пустой сон без сновидений. Утром долго не могла заставить себя войти в комнату, где они с Тедом работали. Там все осталось по-прежнему: еловый лес за окном, уютный свет ламп под потолком, лениво шевелящие плавниками золотые рыбки за стеклом аквариума... И множество колдографий на стенах, откуда смеялся и махал ей рукой Тед, а дети повисали на нем, как гирлянды на елке, или бодро карабкались отцу на шею, чтобы поиграть с ним в лошадки.

Это была совершенно несправедливая смерть. Ивэн получил то, что ему причиталось, — как Минерве ни было его жаль, в этом не было сомнений. Она не знала подробностей, но по смутным намекам Теда уже давно поняла, что Ивэн действительно боевик. Тед даже как-то обмолвился, что он участвовал в деле

МакКиннонов. Но все же какая страшная расплата… Почти вся семья Розье погибла за каких-то полгода. Интересно, Том хотя бы испытывает сочувствие к своим людям? Сожалеет об их гибели? Или ему уже все равно, по чьим трупам идти к цели?

Но Уилкс такой судьбы не заслуживал. Что бы ни сообщали авроры в отчетах, приписывая себе ликвидацию еще одного "опасного боевика", Тед ни разу в жизни никого не убил. Он всегда был типичным "ботаником" и ужаснулся бы при одной мысли, что придется воевать.

Но, с другой стороны, он работал на убийц, результаты его труда шли в копилку войны, ими пользовались люди, которые отнимали жизни у других. Неужели он заслужил смерть меньше, чем МакКинноны, которые точно так же были ни в чем не виноваты?..

Минерва ничего не могла делать — все валилось из рук. В полдень появился Малсибер. Под глазами у него темнели круги от недосыпания, на рукаве была траурная повязка. Она подумала, что Малсибер захочет обсудить новый план работы — теперь, когда Минерва осталась без напарника, ей одной много не вытянуть, — но вместо этого он протянул ей свиток пергамента.

Профессор, — бежали по листу крупные буквы, — *боевая группа очень просит Вас сегодня прибыть в Ставку. Около шести или когда Вам удобно. Мы будем поминать Розье и были бы рады, если бы Вы были в это время с нами. Если захотите, конечно*.

Размашистая подпись — *Bellatrix*. Только имя, без фамилии, как подписываются королевы.

И чуть ниже наискосок дописано зелеными чернилами:

Разрешаю. Л.В.

"Разрешаю" видимо, в данном случае было равносильно приказу.

* * *

Минерву отпустили из лаборатории около семи. За ней зашел один из охранников, и через камин в кабинете Малсибера — единственный во всем здании — они переместились в Ставку. Могло показаться странным, что туда можно попасть таким простым способом, но на самом деле ни тот, ни другой камин не были подключены к общей сети. У организации была собственная внутренняя сеть, хорошо защищенная и никак не связанная с сетью Министерства.

В Ставке Минерву провели этажом ниже, в большую комнату почти без мебели, где народу набилось битком. Атмосфера была очень странная — оглушительно играла музыка, посреди комнаты танцевали, под потолком висели клубы сигаретного дыма. Никто даже не подумал надеть траур, а все вместе напоминало не то

вечеринку, не то свадьбу.

Минерва затормозила на пороге, думая, что попала не туда, — но тут из толпы вынырнула Белла в красной с золотом мантии, такой яркой, что глазам становилось больно. Тяжелый узел темных волос был небрежно заколот длинной шпилькой, помада на губах размазалась, под глазами виднелись черные круги от потекшей туши. Судя по походке, Белла уже была изрядно пьяна.

— О! Вы все-таки пришли! А мне никто не верил...

Цепко схватив Минерву за рукав, она потащила ее в сторонку и сунула ей невесть откуда взявшийся стакан огневиски.

— Что здесь происходит?

— Поминки, — удивленно ответила Белла. — А что, не видно? Хотя вы же не знаете наших обычаев... Боевка всегда так провожает погибших. Чтобы дорога на Авалон была легкой, понимаете? Ой, да ничего вы не понимаете...

Она залпом выпила чуть ли не половину собственного бокала.

— Ты позвала меня по своей инициативе? — спросила Минерва. — Или это был приказ Лорда?

Белла не могла ответить — от крепкого алкоголя она закашлялась, на глазах выступили слезы. Так что она просто потыкала себя пальцем в грудь и, видимо, сочла это достаточным ответом.

— Вы тоже пейте, — распорядилась она, отдышавшись. — Раз уж попали сюда, надо пить.

— Зачем ты меня пригласила? — Минерва даже не притронулась к своему огневиски. Как бы отделаться от Беллы и незаметно уйти...

— Как вам сказать... — Белла посмотрела на нее. — Да просто Ивэн вас уважал. Считал вас хорошим учителем, строгим, но справедливым. Многие так думали. Лично я — нет. Я всегда считала вас лицемерной старой кошкой. По-моему, за милю видно, что вы явились сюда шпионить, и будь я на месте Лорда, я бы давно отправила вас на три фута под землю...

Для убедительности она ткнула пальцем вниз. Белле сейчас явно было проще изъясняться жестами.

— Но раз он вас терпит, значит, и я должна. Хотя мне вы глубоко противны. Можете записать себе для памяти. У нас в школе вообще не было ни одного нормального учителя, кроме разве что Флитвика. Все остальные... Что дорогой профессор Слагхорн, — она противно засюсюкала, — что Дамблдор с его слащавыми улыбочками, что вы с вашей якобы беспритра... Черт побери! бес-при-стра-ст-но-стью. Но мы-то прекрасно знали, что вы только корчили из себя справедливую, а сами ненавидели

слизеринцев и придирались к каждой мелочи.

— Спасибо, — Минерва поставила свой стакан на оказавшийся по соседству столик. — Извини, мне пора.

— Нет, постойте, — Белла с неожиданной для пьяной женщины ловкостью скользнула в сторону и оказалась между Минервой и выходом. — Я еще не договорила. Так вот, хотя лично у меня вы вызываете о-мер-зе-ние...

Она сделала паузу, довольная, что справилась со сложным словом.

— Но Ивэну вы нравились, и он был бы рад, что вы пришли. Так что...

Она схватила стакан и опять сунула его Минерве в руки.

— Пейте, я сказала! Вы на поминки пришли, или куда? Давайте, до дна. За тех, кто не вернется... Они ушли в бою. Хорошая смерть, дай Мерлин нам всем такой же.

Белла допила свой огневиски. Минерва чуть коснулась обжигающей жидкости губами и отставила стакан. Незаметно достала палочку. Хотелось бы, конечно, убраться отсюда без скандала...

Но тут откуда-то вынырнул Долохов, небритый, с мешками под глазами, но совершенно трезвый и злой.

— Белла, — он крепко взял собеседницу Минервы за локоть, — а не многовато ли ты тут наболтала? Ну-ка, иди протрезвись, ты мне нужна.

— Зачем, Тони? — Белла обняла его за шею. — Для романтического ужина вдвоем?

Он раздраженно оторвал ее от себя.

— Для дела! Быстро, я сказал!

— Слушаюсь, сэр, — пропела она и ушла, покачиваясь.

От разговора с Беллой стало совсем тошно. Минерва прекрасно помнила старшую мисс Блэк по Хогвартсу. Красивая девочка, хотя и немного мрачноватая, но очень талантливая и всегда державшая себя безупречно, как положено Блэкам. И вот меньше чем за десять лет она превратилась в алкоголичку, да еще и с замашками матерой уголовницы.

Том, Том, что же ты делаешь со своими людьми...

Взгляд, нацеленный ей в затылок, она почувствовала почти физически — словно к шее приставили острие палочки. Обернулась и увидела Лорда. Что называется, помяни черта...

Он единственный здесь был в черном — впрочем, как обычно. Глаза на бледном лице казались бездонными.

Лорд появился внезапно и словно ниоткуда. Кто-то из стоявших поблизости попытался было преклонить колени, но Том только отмахнулся — мол, сейчас не нужны церемонии.

Направился к Минерве. Долохов отошел в сторону. Лорд повел палочкой в воздухе, и все посторонние звуки мгновенно пропали — теперь их разговор никто не слышал.

— Что, Минни? Пришла полюбоваться?

— Нет, помянуть. Но теперь я свой долг выполнила. Ты мне позволишь уйти?

— Ах, вот как, — он рассмеялся, — тебя угнетает атмосфера безумия? Ну, так мы все здесь не в своем уме. И ты тоже — иначе тебя бы здесь не было.

Кажется, она уже где-то слышала такое... Впрочем, было не до того, чтобы вспоминать цитаты.

— Я понимаю, — сказал Том, — для гриффиндорца все это, — он обвел рукой комнату, полную дыма и танцующих пар, — выглядит инфернально. У вас совсем не такое представление о смерти. Все должно быть трогательно, возвышенно и проникнуто светлой грустью, правда? Героизм, самопожертвование, подвиг... Все рыдают и чувствуют, как душа очищается... Что поделаешь — у каждого свой способ достигать катарсиса. Кто предается пафосным мыслям, а кто и пляшет всю ночь напролет. Суть-то одна. Из того, что мы все здесь убийцы, не следует, что у нас нет человеческих чувств.

— Какое ты имеешь право говорить о чувствах? — спросила она. — Кто, как не ты, сделал этих людей убийцами?

— Я?!

— Разве нет? Ты сманил этих мальчиков и девочек, наивных, молодых и романтичных, ты их одурманил, заморочил им голову и отправил воевать. А теперь делаешь вид, что скорбишь об их гибели. Перестал бы уже лицемерить... Для тебя они всего лишь материал, пушечное мясо — скажешь, нет?

— Ой-ой-ой, Минни, — Том, казалось, нимало не был тронут ее обличительной речью и кривлялся, как клоун. — Как много красивых слов! Какая патетика! Тебе бы выступать в древнеримском сенате. "Доколе, о Катилина...", и все такое прочее. Аплодировали бы — уж мне-то можешь поверить... Но проблема в том, что ты такая же лицемерка, как и я. Взрослые вообще врут на каждом шагу. Ах, эти юные чистые души, ах, злой Темный Лорд растлил их и сделал преступниками, ах, он отправляет их умирать... А как поступаете вы, дорогая? Не точно так же? Думаешь, я не предлагал Дамблдору перемирие? Не пытался найти компромисс? Но нет, у него же принципы! Он не пойдет на переговоры с террористами! Он не будет пачкаться в грязи! А что в итоге? С вашей стороны в бой идут такие же молодые и романтичные. Я знаю весь Орден Феникса наперечет, и там можно по пальцам одной руки пересчитать тех, кто старше

тридцати! Все остальные — такие же мальчишки и девчонки. Тебе что-нибудь говорит фамилия Поттер? А Блэк? Эванс? Джоунз? Вэнс? Выпускники 1978 года, Минни! В мясорубку со школьной скамьи — вот как это называется!

— Они не входят в Орден Феникса, — устало сказала она. — Не всякий гриффиндорец — в Ордене. У тебя паранойя.

— А тебе откуда знать? Ты теперь отрезанный ломоть... Ладно, Минни, давай, наставь меня на путь истинный. Расскажи, какой я негодяй. А я заплачу и раскаюсь...

— Том, хватит паясничать, прошу тебя.

Минерва оглянулась. Толпа не обращала на них никакого внимания, хотя они стояли на виду. Кроме заглушки, видимо, были еще чары, рассеивающие внимание... Том сейчас не жаждал зрителей. Он играл спектакль для одного человека.

— А кстати, — сказал вдруг он деловым и спокойным тоном. — Я давно хотел предложить тебе окончательно стать одной из нас. Как ты на это смотришь?

— Что ты имеешь в виду? — спросила она медленно.

— Я имею в виду, что тебе следует принять метку. Всего-то.

Она, видимо, вздрогнула и машинально отшатнулась, потому что он рассмеялся.

— Что такое, Минни? Страшно?

— Мне надо подумать, — ответила она непослушными губами.

Они, конечно, обсуждали с Дамблдором такую возможность...

— Думай здесь, — распорядился Том. — Это место ничем не хуже любого другого, чтобы поразмышлять. Пяти минут хватит?

Она молчала. Думать, как же... Когда он стоит рядом и слышит каждую ее мысль.

— Что тебя останавливает? — спросил Том. — Боишься связать себя клятвой? Конечно, ведь это означало бы, что ты потеряешь моральное право предавать меня и шпионить...

— Это неправда, и ты это знаешь, — сказала она. — Просто на той стороне мои друзья. Мои ученики. Я не пойду против них. Ты прекрасно понимаешь, что я не сумею смириться с тем, что делаешь ты и все они, — она кивнула на собравшихся.

Вот последнего точно не стоило говорить, потому что Том мгновенно вспылил. Клоунская маска спала, его глаза теперь смотрели холодно и жутко.

— Ах, вот как, дорогая? Значит, мои люди — грязь, в которой ты не хочешь мараться?

— Я этого не говорила, не передергивай! Я...

Он схватил ее за плечи и встряхнул.

— Запомни — "все они", как ты выражаешься, прошли со

мной такое, что тебе и не снилось! Они воюют ради меня, они умирают за меня. И ты думаешь, я позволю тебе высокомерно осуждать их? Ты считаешь себя чистенькой — после того, как явилась сюда по приказу Дамблдора, чтобы втереться ко мне в доверие! Ты лжешь, ты лицемеришь — а ведь многие здесь помнят тебя по Хогвартсу и были искренне рады, что ты на нашей стороне!

— Том, я тоже трудилась на тебя и честно выполняла свою долю работы!

— Да ну?! — он насмешливо прищурился. — Как насчет попыток саботажа?

Она прикусила губу. Ответить было нечего.

— А что будет, Минни, если мы завтра проиграем? "Все они" пойдут в Азкабан — а ты? Позволишь Дамблдору себя оправдать, засвидетельствовать, что ты перешла на мою сторону по его воле? И как ты потом будешь жить, когда выйдешь на свободу, а люди, которые были рядом с тобой, отправятся за решетку до конца своих дней? Неужели твоя совесть будет чиста?

— Ты же понимаешь, что я не назову ни одного имени, — устало сказала она. — Даже если из-за этого придется сесть в Азкабан.

— Верю, — просто ответил он. — Но дело же не в этом. На той стороне твои ученики — а на этой стороне нет твоих учеников?

Она перевела дыхание. Самое тяжелое — Том был прав. Минерва сама много об этом думала. Она учитель, а учитель не имеет права бросить ученика, даже если тот сто раз убийца. Учитель обязан быть со своими студентами — вдруг все же удастся хоть кого-то переубедить, кому-то помочь, кого-то увести с неправильной дорожки… Нельзя же вот так просто все перечеркнуть и всех до единого списать в расход!

Иначе зачем она ввязалась в игру, если не готова идти до конца?

Минерва отвернулась и стала смотреть на лампы под потолком. Только в книжках бывает выбор между добром и злом. В жизни — исключительно между большим злом и меньшим злом, между одной грязью и другой грязью, между двумя пинтами крови и двумя бочками...

Она сделала глубокий вдох.

— Хорошо, — она услышала собственный голос словно со стороны.

Том отошел на шаг, и тут же вернулся грохот музыки и запах сигаретного дыма. Теперь их все увидели. Минерва заметила удивление на лицах. Долохов смотрел на Лорда тревожно, но не

вмешивался.

— Преклони колени, — очень обыденно и просто сказал Том и тут же ответил на ее невысказанный вопрос: — Да, прямо здесь. А зачем тянуть?

Зажмурившись, она опустилась на грязный паркет. Кто-то выключил музыку, и стало совсем тихо. По полу тянуло сквозняком — в комнате открыли окно, чтобы проветрить.

— Дай мне левую руку.

Лорд коснулся ее ладони.

— Минерва МакГонагалл, готова ли ты служить мне честно и преданно, отдавая все силы моему делу, следуя за мной до конца своих дней?

— Да, — сказала она, но горло так пересохло, что пришлось откашляться и повторить.

— Готова ли ты хранить мне верность в жизни и смерти?

— Да, — сказала она после недолгой паузы.

— Готова ли отречься от своей воли, чтобы в этом мире и в следующем у тебя не было иной воли, кроме моей?

"Теперь уже все равно", — вертелось у нее в мыслях. Совсем все равно.

— Да.

— Я благодарю тебя и принимаю твою клятву.

Сначала ничего не последовало. Потом левую руку ниже локтя пронзила острая боль, и тут же началось жжение. Она закусила губу, чтобы удержать стон.

— Можешь встать, — Том слегка потянул ее за руку, помогая подняться.

Вокруг поднялся шум. Кто-то захлопал в ладоши. Минерва прижала к груди мучительно ноющую руку. К ней подходили, поздравляли, что-то говорили... Кто-то наколдовал ей кресло и принес бокал с вином. О поминках все словно забыли — открыв глаза, Минерва обнаружила рядом с собой огромную корзину с розами, а за спиной кто-то уже обсуждал, что неудобно вот так просто пьянствовать, нужно отметить, как следует, чтоб был торт, и все такое...

Подняв голову, она увидела в дверях Беллу, которая непонимающе хлопала глазами. Она была уже полностью трезвая, умытая, мокрые волосы прилипли к щекам. Без косметики Белла сразу стала намного моложе и казалась совсем юной, красивой и хрупкой. В своем ало-золотом платье она походила на райскую птицу.

Если бы, конечно, райские птицы водились в аду.

9

Метка болела еще несколько дней — тупой, ноющей болью,

отдававшейся в плечо и локоть. Сначала она была красной и распухшей, потом опала и стала выглядеть, как обычная татуировка. Смотреть на собственную руку, по которой вилась уродливая черная змея, было неприятно — казалось, что это опухоль или что-то столь же чужеродное, враждебное. Раньше Минерва никак не могла понять, в чем смысл метки. Теперь до нее дошло, что это было ежесекундное напоминание: не только твое тело, но и твоя душа, твоя личность больше тебе не принадлежат.

При этом метка приносила странное удовлетворение. Словно в ней содержался наркотик, который медленно, по каплям поступал в кровь. Минерва заметила это недели через две, когда поймала себя на том, что может разглядывать метку полчаса подряд, а то и дольше. Рисунок по-прежнему казался уродливым, но сами его очертания и тускло-угольный цвет притягивали взгляд и не отпускали. Мысли в такие минуты становились четче и яснее, и Минерва замечала, что смотрит на мир отстраненно-спокойно. А еще ее стало тянуть в Ставку — не к Тому, а ко "всем ним". Хотелось находиться рядом с кем-то, кто тоже носит метку, ощущать родственную душу, стать частью пчелиного роя...

Месяц назад она не могла бы подумать об этом без содрогания, а сейчас... И ведь она еще сопротивлялась этому чувству, старалась не поддаваться, постоянно смотрела на свои ощущения со стороны, анализировала их, как полагается исследователю. Что же говорить о тех, для кого метка была честью, кто мечтал о ней? Минерва впервые стала понимать, насколько для них должно было быть острым это чувство, *что* для них означало столь часто повторяемое "мы".

Она начала вести дневник, который шифровала и маскировала под тетрадь с записями экспериментов — впрочем, не особенно старательно. Найдут, так найдут. Записи там были короткими, тезисными:

"При первой же возможности сделать анализ крови. Возможные изменения?..

Ослабление эффекта наступает примерно в течение месяца, но не плавно, а скачками (см. ниже примерный график)...

Сравнить с воздействием разных видов наркотиков (см. «Журнал практикующего целителя»).

Учесть возможную роль анимагической формы — ослабление или, наоборот, усиление действия?..

Определенная мобилизация на начальном этапе — не хочется ни есть, ни спать, чувство подъема, притока сил. За счет чего?.. Одновременно — притупление эмоциональной составляющей, более ровный эмоциональный фон. Специально заложенный эффект или

побочное следствие? Бывает ли такое же у остальных? Выяснить при возможности...".

Выяснять, впрочем, было не у кого. Метку носил Уилкс, но он погиб, а с Малсибером у Минервы были чисто деловые отношения — не порасспрашиваешь. Сразу после того, как ей поставили метку, Малсибер зашел поздравить и заодно принес какое-то зелье, чтобы ослабить боль и жжение. Сказал, что проверенное. Минерва отлила немного в пробирку, запечатала и спрятала, чтобы, когда представится возможность, определить компоненты. Это могло бы пролить свет на механизм действия метки. Но сейчас у нее все равно не было доступа в зельеварный отдел лаборатории.

Оставался непонятным и главный вопрос — как именно Том это делает? Он не произносил никакой формулы, не пользовался палочкой — просто держал Минерву за руку. Ей удалось определить, что использовались обычные протейные чары с эффектом закрепления, но итоговая формула мало того что была на парселтанге, так еще и выглядела слишком громоздкой, нечеткой — "грязной", на профессиональном жаргоне. Масса лишнего, повторяющихся или вовсе бессмысленных элементов... Примерно так выглядит "расшифровка" выбросов детской стихийной магии: местами полная абракадабра, местами обрывки заклятий, а в целом сплошной "шум и лепет".

Хотя если это вариант контролируемой стихийной магии, то понятно, почему не использовалась палочка... А выглядит ли формула каждый раз одинаково или же по-разному? Изучить бы метки остальных! Интересно, почему такие эксперименты не проводятся в Азкабане? Вот где простор для исследований... Слегка цинично звучит, но ведь факт.

Еще поразительно, что метка давала уверенность в себе, даже после того, как первоначальный эффект ослабевал. Минерва внезапно успокоилась относительно своей миссии. Все у нее получится. Выполнит она задание Альбуса, все будет хорошо.

Знал бы Дамблдор, откуда она черпает силы…

* * *

При этом на самом деле оснований для надежды не было. Тома она по-прежнему не видела. В лаборатории ее загрузили работой выше головы — на этот раз речь шла о поточном производстве предметов с заранее наложенными следящими или подслушивающими чарами. Несложно, но очень муторно, поскольку Лорд хотел, чтобы такие предметы зачаровывались не каждый по отдельности, вручную, а сразу партиями. Для этого нужно было разработать комплексную формулу, и Минерва возилась с ней целыми днями, но не слишком торопилась

показывать результат. Уилкса уже не было, шантажировать ее стало некем...

Да и самому Тому теперь было не до того, чтобы дергать ее лишний раз. У организации хватало проблем. В середине декабря при нападении на Гидеона и Фабиана Прюэттов авроры накрыли группу на месте преступления. Двоим удалось уйти, а трое были арестованы, в том числе Долохов. Прюэттов, правда, спасти не успели. Газетные статьи об их убийстве пестрели тошнотворными подробностями, и Минерва лишний раз невесело подумала, что от метки есть определенная польза, — эмоции у нее по-прежнему были словно отключены. Иначе она бы с ума сошла, думая, кто из ее бывших учеников был исполнителем в этом деле. Кто из них отрезал еще живому Фабиану Прюэтту голову и поставил ее в центре стола, да еще издевательски подложил кружевную салфеточку?

Сейчас она просто об этом не думала. Не один, так другой — любой... Все волки одинаково серы. Если Лорд решит устранить ее, когда надоест с ней играть, — любой из бывших студентов прикончит ее без колебаний. Самое большее скажет: "Мне очень жаль, профессор, но это приказ"...

Через несколько дней после ареста Долохова последовала ответная акция — уничтожение семьи аврора Эдгара Боунза. Среди погибших было двое детей, один из них грудной младенец. Впрочем, этих пощадили — не пытали перед смертью, просто аккуратно заавадили, так что дети, возможно, даже не успели ничего понять. Во всяком случае, Минерве очень хотелось в это верить. Что за безумные времена, когда радуешься "просто аваде"…

Впрочем, если Том рассчитывал запугать аврорат, ему это не удалось — наоборот, авроры теперь были готовы вести войну на уничтожение. По слухам, Крауч отдал приказ при необходимости использовать аваду без предупреждения. А уж аресты и вовсе сыпались, как из ведра. Где-то в Лондоне задержали Трэверса, потом взяли Роула... Накануне Рождества не пришел на работу Малсибер. До полудня в лаборатории циркулировали самые невероятные слухи, пока он наконец не явился — побледневший, с совершенно мертвым лицом. Оказалось, что утром арестовали его старшего сына, Гая.

Арест означал практически верный Азкабан — обвиняемым в терроризме не полагалось ни адвоката, ни нормального разбирательства. Их отправляли в тюрьму по ускоренной процедуре, приговор выносили прямо в Департаменте правопорядка, а рассмотрение дела занимало каких-нибудь пятнадцать минут. Обычно приговаривали к пожизненному

заключению и только в редких случаях, за "деятельное раскаяние" (то есть, проще говоря, если обвиняемый называл имена), могли дать десять-пятнадцать лет. В газетах писали о "вопиющем произволе властей", а Бартемиус Крауч в ответных интервью огрызался и утверждал, что в борьбе с преступниками все средства хороши.

Многие сотрудники лаборатории впали в панику — меток у них не было, но работа на Темного Лорда и сама по себе считалась преступлением. Теперь уже не одна Минерва ночевала на работе. Ее коллеги, у которых не было семей, предпочитали не рисковать и не покидать эти надежные и хорошо охраняемые стены. Ничего не опасались лишь единицы, вроде эксперта по чарам Джона Беллами или зельевара Амоса Уоррена. Те и до поступления на службу к Лорду были светилами в своей области и сохраняли твердую уверенность, что специалисты нужны при любой власти и никто не посмеет их тронуть.

Накануне Рождества в лаборатории собирались устроить вечеринку, но Минерва не хотела на нее идти. Уж слишком это напоминало пир во время чумы... Она отговорилась головной болью и ушла к себе, но вскоре почувствовала жжение в метке. Оно не проходило, только становилось сильнее. Наконец она не выдержала и отправилась к Малсиберу, чтобы попросить еще обезболивающего зелья.

Малсибер выслушал ее, растерянно моргая, словно не понимал, о чем она говорит. После ареста сына он резко постарел, осунулся и только с большим трудом мог на чем-то сосредоточиться. Не глядя на Минерву, он долго растирал виски руками и наконец встрепенулся:

— Что ты сказала? Нет, Минни, обезболивающее тут ни при чем. Тебе не объяснили? Просто таким образом Лорд вызывает к себе. Поторопись, он не любит ждать.

— Как? — спросила она. — У меня же нет доступа в Ставку.

— Что? — Малсибер опять заморгал. — Да, конечно, сейчас я соединюсь через камин... То есть, нет, о чем это я? Если Лорд вызывает, метка открывает доступ везде и всюду. Не факт, что он сейчас в Ставке, кстати говоря, но для тебя это не важно. Просто сосредоточься и подумай о нем, а потом аппарируй...

— Отсюда нельзя аппарировать, — мягко напомнила она.

— Можно, — ответил Малсибер и опять потер виски. — Когда Лорд вызывает, все можно. Давай, попробуй. Только сходи надень пальто, потому что он может быть где угодно, а ты же не знаешь, какая там погода... Лично я, когда он вызывает, всегда беру с собой зонтик...

Он умолк и стал смотреть куда-то сквозь Минерву.

— Спасибо, — она вдруг почувствовала к начальнику острую жалость. — Я пойду. На всякий случай... счастливого Рождества.

Он ничего не ответил — кажется, не услышал ее.

* * *

Аппарировать в никуда было непривычно, но у нее получилось с первой же попытки. Поначалу она не поняла, где оказалась, и постояла немного, пока глаза привыкали к полутьме.

Как выяснилось, это был кабинет Лорда. Здесь собралось человек десять; они негромко разговаривали, но умолкли с появлением Минервы. А ей сразу стало жарко в пальто — в камине гудело и потрескивало яркое пламя.

— Здравствуй, Минни.

Она подняла голову и увидела Тома — он сидел не за своим столом, а рядом, в кресле. Минерва прошла к нему и, поколебавшись, опустилась на колени и коснулась губами его руки. Так здесь полагалось, а раз уж она приняла метку, не было смысла устраивать бунт по мелочам.

— Можешь встать. Почему ты опоздала? — спросил Том устало и без злости, но тут же сам себе ответил: — А, понятно. Не сразу догадалась, что такое с меткой. Ничего, поначалу у всех бывает.

Вокруг засмеялись. К Минерве подошел Рудольф Лестрейндж и помог снять пальто, пододвинул ей кресло. Лорд уже достал откуда-то оплетенную лозой бутыль темного стекла.

— Держи. Это яблочное вино, — он протянул Минерве бокал. — Мы всегда пьем его в ближнем кругу на Рождество. Хотя вообще у нас принято называть этот праздник по старинке — Йоль. В этом году он не слишком радостный. Видишь, как нас осталось мало...

Оглядевшись, Минерва увидела Рабастана Лестрейнджа, Эйвери, Нотта-младшего, Малфоя. На ковре рядом с креслом Лорда, подобрав под себя ноги, сидела Белла с бокалом в руке. Непривычно тихая, в поблескивавшем серебряной нитью темном платье, она напоминала свернувшуюся кольцами змею. Другая змея — уже настоящая, тонкая, гибкая, с узором из черных и красных пятен, — как шарф, обвивала шею Тома. Змея постоянно двигалась — то, приподняв голову, касалась раздвоенным языком его щеки и волос, то пыталась уползти под рубашку, и тогда Том машинально вытаскивал ее и водружал на место.

Кто-то принес Минерве тарелку с куском рождественского пирога. Она откусила кусочек и почувствовала во рту что-то твердое. Серебряную монетку в пять сиклей.

— Это эльфы запекают в пирог, профессор, — пояснил Эйвери. — Монетка — на удачу. А мне уже который год

попадается обручальное кольцо, но я его сразу прячу куда-нибудь и делаю вид, что не заметил. Не хочу жениться.

— Женишься — пожалеешь, и не женишься — пожалеешь, — философски сказал Рабастан, отставил в сторону свой бокал и поднялся. — Кстати, раз уж ты напомнил о семье... Прошу меня простить, милорд, я пойду с вашего позволения. Меня еще ждут дома. Дети расстроятся, если я опоздаю на праздничный ужин. А ночью я должен сыграть роль рождественского деда и положить им подарки под елку. Не сказать, конечно, чтоб эти маленькие паршивцы их заслужили...

Лорд кивнул.

— Когда ты подаешь апелляцию по Долохову?

— Сразу после нового года, милорд. Но заранее хочу предупредить вас, что ничего не выйдет. Рассмотреть ее, конечно, рассмотрят, но... Если бы его хоть взяли не на трупе...

Взглянув на Минерву, он оборвал фразу на полуслове.

— Ясно, — задумчиво сказал Том. — Я, собственно, так и предполагал, но все равно процедуру нужно пройти. Общественность должна видеть, что мы до последнего используем легальные методы. Ладно, можешь идти. Передавай привет жене, — он протянул Рабастану руку для поцелуя.

Вместе с Рабастаном ушли Рудольф с Беллой. Уже одетая в гладкую, словно черный шелк, меховую мантию, Белла все мешкала и несколько раз оглядывалась на пороге, словно ожидала, что Лорд прикажет ей остаться. Но он промолчал.

Еще около получаса прошло за разговорами ни о чем — Лорд расспрашивал Малфоя, как дела у Драко, и делал вид, что ему невероятно интересно слушать о появлении первого зуба, о кубиках и подгузниках. Потом преподнес Люциусу игрушечную метлу — подарок для "крестника" — и отпустил его, а затем и всех остальных.

Минерва осталась. Как ни странно, сейчас она ничего не боялась и не нервничала. Словно вместе с серебряной монеткой в пирог добавили Felix felicis. Когда дверь за последним из гостей закрылась, Том спросил:

— Как тебе наша идиллия?

— Очень мило. Можно сказать, по-домашнему.

Он задумчиво смотрел в огонь, поглаживая блаженно замершую змею.

— А как по мне, так ничего милого. Сегодня я чувствую себя старым одиноким человеком. Не осталось почти никого из тех, с кем мы праздновали Йоль десять лет назад. Рэй Лестрейндж умер от инфаркта, Розье погиб, закрывая меня от взрыва, Эйвери-старший давно не выходит из дома — у него совсем плохо с

почками... Долохов и Трэверс в тюрьме, Нотту-старшему сейчас нельзя со мной контактировать — он наше легальное прикрытие в Визенгамоте и должен быть чист. Малсибера лучше не дергать, он ни о ком, кроме сына, думать не может... Вот так-то, Минни.

— Если ты ждешь, что я тебя пожалею, то просчитался. Кто, кроме тебя, виноват, что ты остался в одиночестве? Не ты ли довел своих людей до гибели и тюрьмы?

— Только не начинай читать мне мораль. Я сейчас не в том настроении. Кроме того, все, что ты можешь сказать, я и сам знаю. Ничего, Минни... Если кто-то думает, что я сдамся, он сильно ошибается.

Том поднялся и протянул ей руку, помогая встать.

— Пошли.

Она даже не стала задавать вопросов — куда пошли, зачем... И так было ясно.

Том шел впереди со свечой в руках. Остановившись на мгновение в коридоре, он обернулся и спросил:

— Что-то ты сегодня на удивление спокойна... Говоришь, метка так действует?

Она ничего подобного не говорила, но предпочла не уточнять.

— Минни, — он усмехнулся, — по большей части это самовнушение. Метка не может заставить тебя поступиться принципами или изменить твою внутреннюю сущность. Если кто-нибудь из моих людей струсит и попытается сбежать или захочет предать меня, никакой череп со змеей его не остановит. Другой вопрос, что для этого человека все плохо закончится, — но метка здесь ни при чем.

Она еще не успела открыть рот, чтобы что-нибудь сказать, а Том уже ответил на ее невысказанную мысль:

— Хотя отчасти ты права... Я ведь и сам толком не исследовал ее влияние на психику. Будет время, займусь. Сейчас не до того.

— Как ты все-таки ее делаешь? — спросила она, но Том сделал вид, что не слышит, и пошел дальше.

В спальне он зажег свечу, потом снял змею с шеи и поместил в террариум. Минерва попросила:

— Потуши свет.

— Зачем?

«Чтобы ты не видел выражения моего лица», — подумала она, но вслух сказала другое:

— Может, я не хочу, чтобы ты видел, какая я старая.

— Минни, ты неисправима! Когда тебе было восемнадцать, ты считала, что заниматься любовью при свете аморально, сейчас

нашла другую отговорку... Ты вовсе не старая. По магловским меркам ты выглядишь всего-то лет на сорок.

— Я знаю, что маглы стареют быстрее, а мы кажемся им гораздо моложе, чем на самом деле. Но с каких пор *ты* стал судить по их меркам?

Он усмехнулся.

— Это была неуклюжая попытка сделать комплимент. Ладно, забудь.

Потом наклонился и затушил свечу.

* * *

В этот раз все продлилось чуть дольше, чем в прошлый. Минерва смотрела на потолок, на котором лежало пятно света от уличного фонаря, слушала далекие свистки локомотивов и думала о серебряной монетке. Когда Том соскользнул с нее и лег рядом, обняв ее одной рукой, она провела ладонью по мокрым от пота завиткам волос на его груди и подумала, что и он стареет. Он отяжелел, от подростковой хрупкости и легкости не осталось и следа. Его нельзя было назвать толстым — скорее, грузным. Но рельеф мышц на животе все еще оставался твердым и четким. Его рука давила на плечо Минервы, прижимая ее к подушке.

— Ты все время была мыслями черт знает где. Я что, такой кошмарный любовник? — спросил Том.

— Мне почти не с кем сравнивать... Да нет, скорее, это я неспособна проявлять страсть.

— Именно это мне всегда в тебе нравилось. Отстраненность... Терпеть не могу, когда женщины начинают задыхаться и стонать, изображая неземное блаженство.

— У тебя их было много?

— Женщин? Не особенно. Десятка два, не больше. Не соответствует образу темного мага, правда?

— Понятия не имею. А дети были?

Он задумался.

— Даже если были, я об этом не знаю. Но думаю, что вряд ли. Я всегда был очень осторожен в этом смысле. Не хотелось повторить судьбу папаши, который ни разу не поинтересовался судьбой потомка, то бишь меня, а потом ему это вышло боком.

— Ты же говорил, что не знаешь, кто твой отец.

— Минни, ты потрясающая! Ты помнишь все, что я говорил сорок лет назад? Вообще-то я тогда тебе соврал. Нужно ведь было поддержать образ несчастного сиротки... А папеньку своего я видел. Правда, недолго, так что он не успел преподать мне никаких родительских наставлений — я прикончил его раньше.

— Ты убил своего отца?!

Судя по голосу, Том улыбался.

— А что тут такого? Он это заслужил, поверь мне. Нечего было бросать беременную жену... Хотя на самом деле я, конечно, не думал о морали. Просто хотел отомстить за приютское детство. А может, испугался, что вижу свое будущее. Понимаешь, мы с ним очень похожи. Я сейчас выгляжу примерно, как он тогда. Но он был такой... жалкий. Трусливый, ограниченный... Я не хотел бы стать таким. Вот и запустил аваду — все равно что в зеркало.

— Давно это было?

— Мне шел шестнадцатый год. Еще до того, как мы с тобой познакомились.

— Хорошенькое начало...

Он прикрыл ее одеялом.

— Если честно, не хочу вспоминать о папаше. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Например?

— О сургуче и башмаках, капусте, королях... Это из одной магловской детской книжки, не обращай внимания. Сейчас я придумаю тему. Скажем, о... м-м... прорицаниях. Минни, что ты думаешь о прорицаниях?

— В данный момент ничего.

— А вообще? Я слышал, Дамблдор опять ввел этот предмет в Хогвартсе.

— Я давно не слежу за тем, что происходит в школе.

— Ты ведь сама не изучала прорицания, насколько я помню?

— Нет. Я не верю ни в астрологию, ни тем более в гадания. По-моему, очень глупо думать, что расположение пятен от кофейной гущи или звезд, которые в сотнях миль от нас, может повлиять на судьбу человека.

— А я изучал. И, кстати, получил на СОВах "отлично". Правда, астрологию я терпеть не мог, потому что у меня самого ужасный гороскоп. Зато мне прекрасно удавалась хиромантия.

— Да неужели? И, конечно, на своей ладони ты усмотрел предвестие великих дел… А как насчет хрустального шара? — Минерва чувствовала, что странное спокойствие, с которым она сюда пришла, постепенно рассеивается, и вместо него нарастает раздражение. Она не любила пустых разговоров.

— Ни разу ничего там не видел, кроме собственного отражения. Еще нас, помнится, учили вдыхать дым шалфея, чтобы впадать в транс и пророчествовать. Но я только кашлял... Ты веришь в пророчества?

— Это когда человек ни с того ни с сего закатывает глаза и начинает утробным голосом нести всякую чушь? Я видела таких «ясновидящих» в Косом переулке. Сплошной балаган…

— Почему ты так думаешь? Я тоже таких видел и всегда давал им по галлеону. Все предсказывали мне блестящее будущее.

— За галлеон тебе еще не такое предскажут... Ты же сам понимаешь, что это шарлатаны.

— Понимаю, конечно. Но все равно приятно.

— Я когда-то пыталась изучать литературу по прорицаниям. Думала, может быть, я их недооцениваю, в чем-то себя ограничиваю... Но из статистики Отдела тайн следует, что пророчества почти никогда не исполняются. Знаешь, сколько их там хранится? Около пятидесяти тысяч…

— Да, я помню из школьного курса. А сбылось, кажется...

— Если брать только достоверно доказанные случаи — семьсот с небольшим. Около полутора процентов.

— Да, это немного. Но, как видишь, такое все же случается…

— Если постоянно напускать тумана и молоть все, что в голову взбредет, рано или поздно что-нибудь да сбудется. А в случае неудачи легко отговориться тем, что тебя неверно поняли. Потому прорицатели всегда так двусмысленно выражаются. "Перейдя реку, погубишь великое царство"…

— Это то, что напророчили Крезу?

— Да. Независимо от того, выиграл бы Крез или проиграл, оракул оставался прав. И это еще простой случай. Помнится, в исследованиях Отдела тайн приводилось древо альтернативных реальностей для одного из пророчеств. Там было, кажется, тридцать шесть вариантов — смотря, как толковать…

Он молчал. Подождав немного, Минерва подняла голову.

— Ты спишь?

— Нет. Думаю. Знаешь, мне кажется, ты права. Действительно, глупо принимать важные решения на основе такой неопределенности, да еще и не имея полного текста...

— Это ты о чем?

— Так, неважно. Спасибо, Минни, ты мне очень помогла.

— Пожалуйста, хотя я не поняла, в чем именно. А тебе что-то напророчили, но ты не знаешь полного текста? Сказали дату твоей смерти, но забыли упомянуть год?

— Нет. Я же сказал — неважно. А дату смерти мне нельзя предсказать, потому что я бессмертен, — ответил он очень серьезно.

— Слышала я эти сказки...

— Это чистая правда.

Минерва закрыла глаза. Без всякого сомнения, Том прекрасно понимал, к чему она клонит и зачем, но сейчас он был в хорошем настроении и согласен отвечать. Может быть, стоило пойти вслед

за счастливой монеткой — куда дорога приведет...

— Значит, если я сейчас запущу в тебя авадой...

— Ты вряд ли попадешь, так что лучше не пробуй. Но даже если получится... Хм-м, никогда не задумывался. Наверное, я все-таки умру, но ненадолго. А потом воскресну.

— Не слишком ли самоуверенно? Пока такое удалось лишь одному человеку в истории...

— Ну, что ты, — он рассмеялся. — Я ни на что подобное не претендую. Но ведь бывают и другие способы.

— Какие? Эликсир философского камня?

— Нет. С ним ужасно много возни, я для этого слишком нетерпелив. К тому же эликсир гарантирует только то, что ты не умрешь от старости или болезней. Он не защитит ни от авады, ни от несчастного случая. Слишком ненадежно.

— Что тогда? Твоя смерть спрятана в позолоченной игле, как у великана из сказки? Нужно найти и сломать эту иглу, чтобы...

— Примерно так, — он негромко рассмеялся. — Вот слушай, я тебе сейчас расскажу. Далеко отсюда, на берегу моря, есть темная-претемная пещера... Ты внимательно слушаешь? Запоминай, второй раз рассказывать не буду... Так вот, в этой темной-претемной пещере есть глубокое-преглубокое озеро. Посреди этого глубокого-преглубокого озера лежит черный-пречерный остров. Точно в центре этого черного-пречерного острова стоит каменный столб...

— Тоже черный-пречерный?

— Не помню. Не перебивай меня, а то я запутаюсь. Значит, стоит каменный столб, а на нем — большая-пребольшая чаша. В этой чаше — холодная-прехолодная вода. Кто ее выпьет, тот сойдет с ума. А на дне чаши лежит...

— Копченая селедка?

— Фу, Минни! Как неромантично! Кроме того, селедка протухла бы. Нет, там лежит моя смерть — а ты что думала?

— И как она выглядит?

— Ну, не могу же я тебе так прямо ответить! Тогда будет неинтересно... Надо придумать какую-нибудь загадку. Сейчас... Ну, скажем так: там лежит то, что обычно носят с собой в хорошие времена и с чем расстаются в плохие, — тогда как я поступаю наоборот. Как правило, это ценнее снаружи, чем внутри, — но у меня опять-таки наоборот. И, наконец, люди обычно хранят там то, что для них наиболее дорого, тогда как в моем случае они увидят внутри отражение своего страха... Вот. Попробуешь отгадать, что это?

— М-м, — она задумалась. — Шкатулка для драгоценностей?

— Нет. Не угадала. Ладно, на этом моя фантазия иссякла, так

что закончим. Ну как, понравилась тебе моя история?

— Да, — ответила она.

— Вот и отлично. Ну что ж, дорогая, а теперь мятный леденец…

10

Новый, 1981-й год начался со снегопада. В парке, где Минерва гуляла, теперь лежали высокие сугробы. А в еловом лесу за окном лаборатории сухая земля была по-прежнему покрыта толстым ковром опавших иголок. Минерва подолгу простаивала у окна, глядя на грязно-зеленую хвою и размышляя о том, что Лорд наговорил ей на Рождество. История о пещере и чаше казалась на первый взгляд обычной болтовней — подобные истории Том мог сочинять дюжинами. Но у Минервы было смутное ощущение, что за этим кроется что-то важное, хотя она никак не могла уловить, что именно. Надо связаться с Дамблдором — но как это сделать, не привлекая внимания?

На Рождество она получила письмо от матери, где сразу вслед за поздравлениями шли упреки.

"*Что за безобразие — в твои годы о тебе пишут в газетах такое! И где ты сейчас? Почему я получаю от тебя одни отговорки? И я, и твой брат очень волнуемся. Я не верю в эту чушь насчет Того-Кого-Нельзя-Называть. Признайся честно — у тебя кто-то есть? Это ради него ты уволилась из Хогвартса? Если он приличный человек, почему ты до сих пор не познакомила его с нами? Минни, ты знаешь, как я хочу, чтобы ты наконец нашла свое счастье. Но нельзя же поступать так, как сейчас! Вдруг Мартин догадается, какой образ жизни ведет его мать? Нужно думать о сыне!*".

И так далее, и тому подобное, на двадцатидюймовом свитке пергамента.

Мартин, конечно, догадывался, но совсем не о том, что предполагала бабушка. Он-то понимал, что происходит, но был уверен, что все еще можно исправить. "*Мама*, — писал он, — *ты взрослый человек и сама отдаешь себе отчет в своих поступках. Но я не могу понять, зачем ты это делаешь. Уезжай из Англии! Мы возьмем к себе и тебя, и бабушку. Давай я за тобой приеду*".

Как же он все-таки был наивен... Много лет прожив в Америке, Мартин уже мыслил совершенно не так, как англичане. Штаты вообще казались Минерве удивительной страной, настоящим зазеркальем. Например, если судить по газетам, весь Сэйлем сейчас лихорадило из-за скандала: одна из ассистенток Института магических технологий подала в суд на коллегу за то, что он открыл перед ней дверь — и тем дискриминировал ее по половому признаку! Эту новость американская магическая пресса

обсасывала уже целый месяц. За что хвала Мерлину, конечно, — значит, у людей нет более серьезных проблем. Сам Мартин уже не представлял себе, что бывают места, где человека не очень-то спрашивают, чего он хочет, а чего нет, и откуда не так просто уехать. Чего он, интересно, ждал от матери? Что она подаст в суд на Волдеморта за нарушение трудового законодательства?

Она отправила Мартину письмо, где, как могла, убеждала выбросить из головы мысль о приезде. Хоть бы только он не упрямился!

В надежде найти способ незаметно связаться с Альбусом, пятого января с утра она выпросила у Малсибера разрешение навестить Косой переулок. Поначалу он не соглашался — мол, все необходимое ей и так купят и доставят, пусть только напишет список. Но Минерва намекнула, что женщинам бывают нужны такие вещи, которые не вносят в список, предназначенный для посторонних глаз, и Малсибер смущенно капитулировал.

Отправиться в Лондон ей разрешили только под оборотным зельем — "для безопасности". Минерва подозревала, что ее сопровождает скрытая охрана. Вряд ли после полугода строгого режима ее отпустили бы без надзора.

Оказавшись среди шума и гама Косого переулка, она с наслаждением вдыхала сырой зимний воздух, и все вокруг — дома, люди, реклама в витринах — казалось ей после длительного заточения невероятно прекрасным. На дверях домов все еще висели гирлянды из еловых веток, украшенные разноцветными шарами; возле Гринготтса маленький уличный оркестр исполнял рождественские гимны под аккомпанемент скрипки и флейты. Все было, как обычно, если не считать примет времени: огромных плакатов с надписью "Разыскиваются...", откуда на нее смотрели знакомые лица из Ставки, и аврорских патрулей, которые то и дело останавливали прохожих и требовали палочку для проверки.

С полчаса она бродила по Косому переулку, временами поглядывая на отражения в витринах, пока не убедилась — ее действительно «пасут», причем почти не скрываясь. Она зашла во "Флориш и Блоттс" и выбралась оттуда только через полтора часа, нагруженная новыми книгами. Два раза приходилось украдкой прятаться за стеллажи и пить очередную порцию оборотного зелья. Какой-то неприметный человечек постоянно толкался рядом, делая вид, что листает книги, другой топтался у двери. С нее не сводили глаз ни на минуту. Да что же делать? Потом она зашла к Фортескью и для вида купила пакет шоколадных лягушек. Флореан дружен с Дамблдором… Но тот самый тип из магазина и тут вклинился рядом с ней в очередь к кассе.

Пришлось уйти, не поговорив с владельцем кафе.

На улице человечек подошел к ней и уже без всяких церемоний сказал:

— Боюсь, мэм, вам пора возвращаться.

В лаборатории между тем праздновали Двенадцатую ночь — ту самую, когда все наоборот и шиворот-навыворот. Повара-китайцы даже приготовили традиционный пунш, который, правда, был странного вкуса и такой пряный, что щипало язык. Впрочем, к этому все давно привыкли. Сотрудники собрались в одном из отделов; Минерва бродила между группками людей, угощая всех подряд шоколадными лягушками. Себе она оставила последнюю, чтобы перебить послевкусие от пунша, — язык все еще ощутимо щипало.

В коробочке, кроме лягушки, оказалась карточка для коллекции. С нее на Минерву смотрел Дамблдор. Он был здесь какой-то слишком розовощекий и длинноносый и вообще не очень похож на самого себя, но полулунные очки поблескивали знакомым лукавым блеском.

Пока Минерва рассматривала Дамблдора, он вдруг поправил очки и подмигнул ей. Она украдкой огляделась. Громко играла музыка, и ее голос никто не мог услышать... Конечно, это бессмысленно — ведь карточка с шоколадной лягушки не несет на себе отпечатка личности и совершает лишь стереотипные действия. Но все же Минерва наклонилась к ней и спросила шепотом:

— Альбус, вы меня слышите?

И услышала очень тихий, но такой знакомый голос:

— Конечно.

Дамблдор улыбнулся ей и почесал нос.

Дальше разговаривать было опасно. Минерва сунула карточку в карман, допила пунш, потом залпом выпила стакан воды, чтобы унять жжение на языке, поднялась и направилась в туалет. В туалетах, насколько она знала, следящих заклятий не было, но на всякий случай она быстро проверила стены, дверь и иллюзорные окна, а потом заперлась в одной из кабинок и поставила заглушку.

Альбус с карточки наблюдал за ней с улыбкой.

— Как вы это сделали? — спросила она. — Неужели зачаровывали каждую карточку в отдельности?

— Не так просто... Пришлось повозиться, но оно того стоило. Вообще-то я просто хотел поздравить тебя с Рождеством. Правда, не было уверенности, что какая-нибудь шоколадная лягушка попадет тебе в руки так быстро. Но в крайнем случае я поздравил бы тебя с Пасхой, — он засмеялся.

— Альбус! Как же я рада!..

Она не выдержала и совсем по-девчоночьи чмокнула его в нарисованную щеку.

Дамблдор покраснел, но сделал вид, что ничего не произошло.

— У нас мало времени, — сказала Минерва, с нежностью рассматривая его веселые голубые глаза за стеклами очков и белоснежную бороду. — Хотя я бы с радостью проговорила с вами неделю или даже две. Но будет заметно, если я слишком долго пробуду в туалете. Пока есть время, я бы хотела рассказать вам кое-что...

Она торопливо пересказала последний разговор с Томом. Услышав про "темную-претемную пещеру", Дамблдор вдруг посерьезнел и задумался.

— Боюсь, правда, что в этом нет никакого смысла, — закончила Минерва. — Будь в этом соль, Том сразу же стер бы мне память.

— Не обязательно, — возразил Дамблдор. — Очень может быть, что это действительно намек, хотя и завуалированный.

— Бога ради, зачем ему давать мне подсказки?

— Он игрок, Минни. Ему нравятся жесткие игры и адреналин. Подбрасывая тебе, а через тебя — мне, информацию по кусочкам, он щекочет себе нервы. Вдобавок Том всегда отличался излишней самоуверенностью и наверняка думает, что мы не сумеем разгадать ребус.

— А у вас есть какие-то догадки насчет того, что это за пещера?

— Не знаю, — Дамблдор снял очки и задумчиво прикусил дужку. — Я подумаю. О чем еще вы говорили?

— Так, о всяких пустяках. Ничего существенного.

— И все-таки расскажи мне.

Сведения из личной жизни Лорда директора не заинтересовали. Услышав, что Том убил своего отца, Дамблдор только кивнул и сказал: "Я знаю". Но когда Минерва принялась пересказывать беседу о пророчествах, Альбус насторожился.

— Повтори-ка мне точно его слова... Значит, он сказал, что не станет принимать решение, не заполучив весь текст?!

— Да. Вы знаете, что он имеет в виду?

— Предполагаю. Извини, но я не буду рассказывать тебе, о чем речь. Это слишком опасная информация.

Дамблдор умолк, рассеянно глядя куда-то в угол карточки.

— Хм... Я же писал тебе, что мы никогда не знаем, какая мелочь может оказаться решающей? Похоже, за один разговор тебе уже удалось кое-что изменить.

— В лучшую или худшую сторону?

— Не могу сказать определенно, — он еще подумал, потом решительно нацепил очки на нос и посмотрел на Минерву. — Прости, мне пора. У нас сейчас сложное положение, и времени на все не хватает... Ты уверена, что сумеешь спрятать воспоминание о нашей встрече? Может быть, сотрешь себе память?

— Не стоит. Том заметит черный провал в воспоминаниях. Проще "прикрыть" чем-нибудь.

— Будь осторожна, — очень серьезно сказал Дамблдор. — Пожалуйста, береги себя.

— Конечно. Я смогу еще вас увидеть?

— Думаю, что да. Примерно через месяц, в середине февраля. До свидания, Минни.

— До свидания, Альбус, — ласково сказала она.

Дамблдор повернулся и исчез за краем карточки. Минерва еще несколько секунд смотрела на пустую синюю рамку. Потом спрятала карточку в карман, сделала глубокий вдох и вышла из кабинки.

Вернувшись в комнату, где было чаепитие, она принялась убирать со стола. Собрала скомканные карточки, незаметно добавила к ним ту, где был Дамблдор, и выбросила всю груду в мусорное ведро.

* * *

Середины февраля она теперь ждала, как праздника. Чтобы в следующий раз шоколадные лягушки не вызвали подозрений, время от времени заказывала Малсиберу то одни, то другие сладости — сахарные перья, лакричные тянучки, ледяных мышек... Воспоминание о встрече с Альбусом она старательно "спрятала" под грудой других, связанных ассоциативной цепочкой. Лишь бы Тому не вздумалось по какой-то причине легилиментить ее всерьез... Фоновое считывание было не так страшно — он все равно "услышит" только то, о чем она будет думать в тот момент.

Но Том, похоже, и не вспоминал о ней. Обстановка в Англии накалялась, стычки с аврорами шли одна за другой. В Визенгамоте бушевали страсти. Сторонники Бартемиуса Крауча призывали к смещению действующего министра и установлению режима "сильной руки", оппозиция же впрямую выступала за приход к власти Того-Кого-Нельзя-Называть. Теперь редкое заседание Визенгамота обходилось без скандала.

Министерство быстро теряло контроль над происходящим. Орденцы тем временем перешли к открытой войне с организацией Лорда. В магических кварталах Лондона, Ливерпуля, Манчестера, Эдинбурга то и дело происходили

уличные столкновения. Вскоре они выплеснулись в магловский мир — орденцы неизменно оказывались на месте готовившегося теракта и вступали в бой с Пожирателями. Минерва подозревала, что она не единственный "человек Дамблдора" в организации — Орден слишком хорошо был информирован. Пугало то, что Крауч, похоже, уже не видел разницы между Орденом и сторонниками Лорда, — авроры арестовывали на месте столкновения всех подряд.

Шестнадцатого февраля Минерва заказала еще пакет шоколадных лягушек. Их привезли около полудня, и она обошла всю лабораторию, угощая коллег. Просила только не выбрасывать карточки — мол, один из ее племянников собирает коллекцию. Кстати, это была чистая правда... Портрет Дамблдора оказался на двух или трех карточках. Минерва решила поговорить с ним позже, вечером, когда поблизости не будет посторонних ушей.

Но около пяти часов дня в лаборатории внезапно началась суматоха. Откуда-то появилось еще несколько охранников; под потолком послышался магически усиленный голос Малсибера, призывавший сохранять спокойствие, не покидать рабочих мест, никуда не отправлять сов и не пользоваться портключами.

Никто не понимал, что происходит. Одни опасались штурма, другие боялись, что нельзя будет вернуться домой и семьи станут волноваться. Минерва бесконечно вертела ручки настройки приемника, но по всем каналам были только шум и обрывки голосов. Улучив момент, она побежала в туалет и, запершись в кабинке, попробовала поговорить с Альбусом — сначала на одной карточке, потом на другой... Но нарисованный Дамблдор не отвечал на вопросы и не смотрел на нее. Он только рассеянно улыбался и поправлял очки, а потом совсем ушел.

К вечеру беспокойство стало невыносимым. Совы не появлялись, вечерних газет не было, никто понятия не имел, что творится во внешнем мире. Охранники отмалчивались, не снимали масок и не вступали в разговоры. Подчиненные осаждали Малсибера, который только разводил руками и повторял: "Я получил приказ, я знаю не больше, чем вы". Минерва знала, что это неправда, — у Малсибера был "связной брегет", по которому он мог при необходимости соединиться с Лордом и кем угодно из организации. Но не приставлять же ему палочку к горлу, тем более когда лаборатория напичкана охраной...

Спокойствие сохраняли только повара-китайцы — может, потому, что не особенно понимали по-английски.

— Не знаю, как вы, — заявил наконец Беллами, — а я собираюсь выпить чаю. Все равно делать больше нечего.

Он позвонил поварам, и вскоре в столовой накрыли к чаю.

Впервые Минерва видела, чтобы в большом зале, среди кадок с комнатными растениями и столов под белоснежными скатертями, собралось одновременно столько народу. Все слонялись туда-сюда с чашками в руках и в сотый раз мусолили одни и те же предположения: Темный Лорд арестован? убит? будет штурм лаборатории? В уголке всхлипывала одна из бывших учениц Минервы, выпускница Рэйвенкло, которая сейчас работала в зельеварном отделе. У нее был маленький ребенок, который в ее отсутствие оставался с няней, и она боялась, что с ним что-нибудь случится. Ее поили успокоительным зельем и, сами не очень веря, убеждали, что все будет хорошо.

Внезапно в лабораторию влетел Малсибер, настолько взбудораженный, что редкие волоски вокруг лысины встали дыбом. В руках у него был радиоприемник. Он поставил его на стол и включил.

— Тишина! Слушайте все!

Поначалу из динамика доносился только треск и шорох.

— Да что слушать-то? — невозмутимо спросил Беллами, отправляя в рот очередное печенье.

В этот момент шум прекратился. Послышался голос диктора:

— Здравствуйте, уважаемые радиослушатели! В эфире специальный выпуск новостей с Кортни Уэллером. Приносим извинения за то, что в силу технических неполадок вещание нашей станции было временно прервано...

— Технических неполадок, как же! — фыркнул кто-то, но на него тут же зашикали, чтоб не мешал.

— Итак, главная новость дня... Попытка государственного переворота предотвращена сегодня в магической Британии, — бодрой скороговоркой тараторил невидимый Кортни Уэллер. — Группа заговорщиков во главе с бывшим руководителем Департамента магического правопорядка Бартемиусом Краучем и лидером подпольной террористической организации, бывшим директором Хогвартса Альбусом Дамблдором попыталась захватить Министерство магии с целью смещения с поста действующего министра и установления в стране диктатуры. Однако штурм был успешно отражен, и в настоящее время нормальная работа Министерства полностью восстановлена. Зачинщики беспорядков арестованы. Несколько человек из их числа, включая Альбуса Дамблдора, оказали сопротивление при аресте и были убиты. Глава Визенгамота Тиберius Огден сегодня днем подал в отставку. На экстренном заседании Визенгамота новым временно исполняющим обязанности председателя избран Теодор Нотт. Министр магии Миллисент Бэгнолд заявила, что окажет мистеру Нотту всецелую поддержку. В кратчайшие сроки

Министерством магии совместно с Визенгамотом будет сформирован новый аппарат исполнительной власти. Первые назначения уже сделаны: в частности, Департамент магического правопорядка возглавит Корнелиус Фадж. Обязанности директора школы Хогвартс принял на себя Гораций Слагхорн. В школу для защиты учеников от возможных терактов направлен отряд авроров. Хотя непосредственная опасность переворота миновала, ряд главарей террористов еще остается на свободе, поэтому министром магии объявлено чрезвычайное положение. Согласно условиям чрезвычайного положения, начиная с семи часов вечера текущего дня, на всей территории магической Британии запрещены аппарация и пользование портключами, кроме как по специальному разрешению Министерства. За получением разрешения следует обращаться в Департамент магического транспорта. Также временно, вплоть до особого распоряжения, запрещен выезд за пределы Великобритании, кроме как по специальному разрешению Министерства магии. Министр Бэгнолд призвала сограждан к спокойствию и единению в эти трудные дни. Через несколько минут вы услышите ее выступление в прямом эфире. А теперь о погоде. Сильный снегопад ожидается завтра в Уэльсе и средних графствах, где снеговой покров достигнет...

Уэллера уже никто не слушал — в комнате поднялся шум, все говорили, перебивая друг друга. "Что это значит? Наши победили?" — громко спрашивал кто-то, и Малсибер счастливо кивал. "А как же мы вернемся по домам, если нельзя пользоваться портключами?! — опять разрыдалась девочка с Рэйвенкло. — Мне надо, у меня ребенок!". Малсибер принялся заверять ее, что сотрудникам лаборатории все можно.

— Наши победили — всего лишь! — сказал Беллами, насмешливо наблюдая за сутолокой. — А я-то думал...

Минерва сидела, безучастная ко всему. Шум казался ей далеким и едва различимым. Она прекрасно понимала — как поняли все, имеющие уши, — что "попытка переворота" была фикцией. Никогда Дамблдор не объединился бы с Краучем, тем более для захвата Министерства. И чего ради Краучу штурмовать собственное место работы, если он и так имел все шансы получить министерский пост? Значит, в реальности переворот произвела организация Темного Лорда; те, кто пытался ему сопротивляться, были убиты или арестованы. Миллисент Бэгнолд, скорее всего, поместили под империо. Все ясно, как день.

И Альбус убит...

Уже не скрываясь, она вытащила из кармана карточку от шоколадной лягушки. Синяя рамка была пуста.

* * *

Она заперлась в своей спальне, чтобы никого не видеть и не слышать. Но около полуночи метка ожила — ее жгло, как огнем. Поначалу Минерва решила никуда не аппарировать. В любом случае все кончено... В ее присутствии в Ставке уже нет никакой пользы и смысла.

Потом она все же заставила себя встать и одеться. Нельзя сдаваться, нельзя проявлять слабость. Орден еще не уничтожен. Судя по сегодняшнему сообщению, кто-то еще на свободе. Значит, и она обязана продолжать борьбу...

Когда она аппарировала, то оказалась в том самом давешнем помещении, где пару месяцев назад поминали Розье. Теперь здесь было не протолкнуться; посреди комнаты стоял стол, уставленный бутылками с вином, вокруг толпились люди. Перед Минервой мелькали лица, но она никак не могла сосредоточиться, все сливалось в сплошной серый фон. Она увидела Вудфорда, Люциуса... У стены, хмуро оглядывая собравшихся, приткнулся какой-то паренек с длинными темными волосами, спадавшими на лицо. Она с трудом вспомнила, кто это. Северус Снейп, выпуск 1978 года, Слизерин...

Бесцельно пробираясь через толпу, Минерва оказалась в дальнем углу комнаты. Кто-то тронул ее за плечо.

— Добрый вечер, профессор.

Она увидела Рудольфа Лестрейнджа и едва нашла в себе силы кивнуть.

— Вам нехорошо? — спросил он. — Наколдовать вам стул?

Она молча покачала головой. Рудольф и сам выглядел неважно — с покрасневшими глазами, будто несколько дней не спал, со щетиной на подбородке. Рядом стоял Рабастан — в отличие от брата, свежий и чисто выбритый. К братьям, едва кивнув Минерве, подошла Белла в короткой черной мантии и брюках, заправленных в сапоги. От нее пахло гарью, будто она долго стояла у костра.

Дверь опять открылась, и вошел Том. Перед собой он левитировал огромное блюдо, прикрытое кружевным покрывалом. Поставил его на стол, взял бокал с вином и, держа его в руках, оглядел собравшихся.

Стало очень тихо. Минерва опустила голову. Сил видеть Тома у нее сейчас не было.

А он долго молчал. В комнате стояла просто-таки звенящая тишина. Казалось, никто не дышит.

— Ну, что ж, — сказал Том наконец. — Вот мы и сделали это. Мы победили.

Комната будто взорвалась овацией. Вокруг хлопали, что-то кричали, смеялись. Потом воцарилась тишина — Лорд заговорил снова.

— Я вас надолго не задержу. Я понимаю, что вы все устали, а многим сейчас предстоит опять возвращаться на рабочие места...

— Лично я собираюсь пойти спать, — вполголоса сказал Рудольф. Он обнял Беллу за талию, положил голову ей на плечо и закрыл глаза. Белла, обернувшись, коротко коснулась губами его лба и опять стала смотреть на Лорда.

— Я благодарен всем вам, — говорил Том. — Всем, кто вынес на своих плечах нечеловеческое напряжение последних недель, кто осуществлял подготовку к операции и принял на себя основной удар. Нет смысла сейчас называть каждого поименно — все будут вознаграждены и отмечены. Но мы понимаем, что это лишь начало пути, что нам еще предстоит огромная работа. Поэтому я не буду сейчас говорить никаких красивых слов и торжественных тостов. Я хочу только, чтобы мы вспомнили тех, кто погиб сегодня и еще раньше, чтобы приблизить нашу победу.

Он поднял бокал.

— За тех, кто не вернется.

Ответом ему был нестройный шепот.

— Много было погибших? — спросил Рабастан совершенно спокойным тоном.

— Нет, — ответила Белла, не поворачивая головы. Рудольф умудрился заснуть стоя, опираясь на ее плечо, и она поддерживала его, чтоб не упал. — Наших около десятка, и с той стороны трупов тридцать-сорок.

— А кто убил Дамблдора, кстати?

— Лично Темный Лорд, — сказала Белла и одним длинным глотком допила свое вино.

— У нас был сильный противник, — сказал Том, когда опять стало тихо. — У нас был достойный противник. Однако мы справились. Мы победили.

Он улыбнулся и коротким, резким движением сдернул покрывало с блюда.

На блюде была голова Дамблдора.

На один страшный миг Минерве показалось, что она настоящая. Лишь в следующее мгновение она поняла, что человеческая голова не может быть такой огромной и что на самом деле это торт. А вокруг хлопали, кричали, свистели. Дамблдор и вправду получился, как живой. Аккуратно расчесанные волосы и борода из сахарных нитей,

поблескивающие очки-полумесяцы, веселый и насмешливый взгляд. На губах, казалось, играла легкая улыбка.

Рабастан рассмеялся.

— Нет, все-таки у нашего Лорда есть чувство юмора...

Том в это время уже наколдовал большой нож и поставил перед собой стопку тарелок.

— Ну, кому какую часть? Лично я, если никто не возражает, возьму себе очки. У них дужки из шоколада.

Минерва сделала шаг назад, закрыла глаза и прижалась к стене.

Шум голосов вокруг поднимался и спадал, как морские волны.

Она старалась дышать глубоко и ровно. Не думать, не чувствовать, ни о чем не вспоминать.

Чайник кипит над огнем...

"— С чем тебе чаю, Минни?

— С жасмином".

В воздухе разливается тонкий, нежный аромат. Альбус протягивает ей чашку, белую с синим рисунком.

"— Неплохо, правда?".

Он улыбается, глядя на Минерву сквозь клубы пара, а чашка падает у нее из рук и разбивается... разбивается… Осколки с бело-синим узором разлетаются по полу. На карточках с шоколадных лягушек синяя рамка. Сквозь очки-полумесяцы смотрят смеющиеся ярко-синие глаза.

Ни о чем не думать, ничего не вспоминать...

Вокруг звенели вилки, из рук в руки передавались тарелки. Кто-то хвалил торт — невероятно вкусно, ставочные эльфы постарались на славу...

— Кому мозги? — пробивался сквозь шум веселый и громкий голос Тома. — Между прочим, марципан. С орехами.

11

Через два дня после взятия Министерства и убийства Дамблдора Минерва попросила у Тома разрешения уйти из лаборатории. На успех она не особенно надеялась, но, к ее огромному удивлению, Лорд ответил согласием. Из вежливо-официального письма следовало, что она должна закончить текущий проект, а дальше может быть совершенно свободна.

Минерва не знала, почему он так поступил. То ли наигрался, то ли надоело. Или просто дел было слишком много, чтобы тратить время на неудавшуюся шпионку покойного директора. В Министерстве полным ходом шла смена власти. И Бэгнолд, и Фадж были не более чем марионетками — все, кто имел хоть какое-то отношение к "коридорам власти", прекрасно знали, что

Бэгнолд полдня проводит в консультациях с Лордом или Ноттом, а в аврорате всем заправляет Долохов, которого вместе с остальными освободили из Азкабана через несколько дней после победы. Люциус Малфой теперь тоже дневал и ночевал в Министерстве, разбираясь с департаментом финансов и налоговой службой.

Самое удивительное, что почти никто из старых служащих Министерства не спешил уходить. Только маглорожденным прозрачно намекнули, что им стоит уволиться по собственному желанию. Остальные были вольны выбирать. На своих местах остались почти все сотрудники "хозяйственных" подразделений, вроде Департамента транспорта и Управления по контролю за магическими существами. Осталась даже примерно половина аврората. Как заметил Малсибер по этому поводу, "это же сторожевые псы, им главное, чтобы хозяин хорошо кормил...".

По намекам и слухам Минерва догадывалась, что не все в организации этим довольны. Боевая группа рвалась мстить бывшим врагам. Видимо, у Тома немало сил и времени уходило на то, чтобы держать в узде своих людей.

Маглорожденных поначалу не особенно притесняли. Минерву удивляло, что они не уезжают из Англии, не перебираются в магловский мир... Возможно, дело было в том, что люди всегда цепляются за существующее положение вещей. Никто не верит, что лично с ним может случиться что-то плохое. Ну, ввели правило обязательной регистрации по месту жительства для "грязнокровок", ну, запретили владеть бизнесом, занимать руководящие должности в компаниях, работать на госслужбе, в средствах массовой информации, в финансовой сфере... Оставалась надежда, что на этом все и закончится.

Предприниматели-маглорожденные спешно переоформляли свои аптеки, магазины и маленькие фабрички, где производились мантии и котлы, на подставных владельцев из числа полукровок или чистокровных. Остальные выкручивались, как могли, — договаривались с чистокровными друзьями, чтобы те оформились вместо них на работу, а то и просто работали нелегально. Всем казалось, что этого достаточно — мол, никто не догадается. Один маглорожденный владелец ресторанчика в волшебном квартале Бирмингема так старательно маскировал свое происхождение, что даже вывесил на двери объявление: "Грязнокровкам вход воспрещен"…

Надежда, что если хорошо спрячешься, тебя не тронут, рассыпалась в прах в начале лета, когда пошли первые аресты. Все это время в Министерстве отлично знали, что на самом деле маглорожденные никуда не делись. Сейчас их массово сажали по

обвинению в мошенничестве, а имущество конфисковывали. Не избежали этого даже несколько очень влиятельных членов Визенгамота. Может быть, они тянули так долго, потому что надеялись откупиться... Кто знает.

Но, с другой стороны, маглорожденным было некуда деваться. Большинство из них так привыкли жить в волшебном мире, что оказались совершенно не приспособлены к возвращению в магловский. Последнее даже поощрялось. Сдавай свою палочку, приноси Нерушимый Обет, означающий пожизненный запрет колдовать и разглашать информацию о магическом мире, - и скатертью дорожка! Но при этом обменивать галлеоны на фунты «грязнокровкам» не позволяли, равно как и не разрешали брать с собой любые "артефакты", к которым относились даже золотые кольца с серьгами. Получалось, что в магловском мире им было бы не на что жить — денег у них не было, а устроиться на работу они не могли, потому что не учились в магловских колледжах и не имели профессии.

Неудивительно, что большинство не хотело никуда "возвращаться". Они привыкли жить в волшебном мире и уже не представляли, как можно иначе. Тем маглорожденным, у которых были чистокровные жены и мужья, полагалось пройти унизительную "Комиссию по вопросам семьи и брака", которая выясняла, не был ли брак фиктивным, чтобы закрепиться в волшебном мире. Та же комиссия рассматривала заявления о предстоящих свадьбах и устраивала женихам и невестам из числа "грязнокровок" настоящий экзамен, пройти который не удавалось почти никому. Сожительство с чистокровным волшебником или ведьмой вне брака каралось арестом — "за аморальное поведение".

В газетах об этом писали мало и вскользь, да и неинтересно это было большинству волшебников. Чистокровных и полукровок ведь не трогали — наоборот, им-то становилось жить лучше, потому что появилось много новых рабочих мест, с которых выгнали маглорожденных. А еще Министерство теперь выплачивало щедрые пособия чистокровным родителям. Если у чистокровной семьи рождался ребенок, она получала по 500 галлеонов ежемесячно до достижения им совершеннолетия. А если родить троих-четверых чистокровных детей, можно было и вовсе не работать...

Жить, в общем, было очень и очень неплохо. И кому какое дело, что маглорожденные не могут даже поцеловать любимую девушку без разрешения Министерства магии, что за малейшую провинность их в лучшем случае лишат палочки и "депортируют" к маглам, а в худшем — отправят в Азкабан?

Этого никто не замечал. В конце концов, сколько тех грязнокровок? Десяток, два, сотня, тысяча? Это же мелочи! Кого это интересует, если все остальные счастливы?..

* * *

В июне проект был закончен, и Минерва наконец уволилась из лаборатории. Часть заработанных денег отдала матери и брату, а остальное перечислила через Гринготтс Мартину и написала в письме, чтобы разделил сумму пополам — себе и отцу. Для Джорджа МакГонагалла настали тяжелые времена. Его уволили из Министерства, на работу нигде не брали, а ведь нужно было кормить детей-подростков. У Минервы он денег бы не взял. Джордж порвал с ней всякие контакты, когда еще только пошли слухи, что она работает на Тома. Но от Мартина согласился принять помощь.

Самой Минерве было теперь совершенно все равно, куда идти и чем заниматься. Но чем ближе был конец лета, тем больше ее тянуло в Хогвартс по старой памяти. Она написала письмо новому директору, и тот на удивление быстро откликнулся. Оказалось, что учитель трансфигурации, которого Дамблдор взял на место Минервы, был маглорожденным, а им запрещалось преподавать. Так что Слагхорн ждал ее с нетерпением.

На собственное место преподавателя зельеварения он взял "молодого, но очень способного коллегу" — того самого Северуса Снейпа, который всего три года назад закончил школу. Минерва сомневалась, что он справится, — в конце концов, в Хогвартсе есть дети, которые помнят Снейпа старшекурсником. Как он будет завоевывать авторитет, станут ли ученики его слушаться? Но Слагхорн только замахал руками и, понизив голос, намекнул, что Снейп — протеже *Самого*... Минерва понятия не имела, зачем Том стал бы покровительствовать вчерашнему выпускнику, но спорить не стала.

Ее саму в школе приняли не сказать чтоб очень любезно. Нет, Слагхорн, конечно, был сладок, как мед, а Флитвик вел себя так, словно ничего не случилось и Минерва просто уезжала в гости на выходных. Зато профессора Вектор и Синистра при ее появлении поджимали губы, а Спраут терялась, не зная, как себя держать. Вдобавок в школе была теперь новая преподавательница прорицаний, некто Трелони, на вид совершенно безумная, — она постоянно ходила за Минервой и пыталась что-то ей напророчить, будто злая ведьма из сказки.

Впрочем, если коллеги и думали о Минерве что-то нелестное, то не подавали виду. Зато ученики откровенно пялились на нее. Еще бы! Слухи в магическом мире распространялись мгновенно, и все знали, что она еще год назад перешла на сторону Того-Кого-

Нельзя-Называть — впрочем, теперь полагалось говорить: «на сторону Темного Лорда».

Слизеринцы посматривали на Минерву с уважением и всячески это демонстрировали. Но если они надеялись, что теперь, когда она «своя», Минерва станет делать им поблажки, то сильно ошиблись. Вскоре они это поняли, и попытки подружиться прекратились.

Куда сложнее оказалось с собственным факультетом. Некоторые студенты, чьи родители сидели в Азкабане, смотрели на Минерву с откровенной ненавистью. Маглорожденные, которых, как ни странно, все еще принимали в Хогвартс, ее боялись. Но маглорожденные хоть сидели тихо... Горячих голов и без них хватало. Минерва только тем и занималась, что втолковывала то одному, то другому умнику: будьте осторожней! В школе теперь аврорская охрана, как раз из тех самых "цепных псов", которым во что бы то ни стало нужно доказать верность новому хозяину. Так что крамолу они вынюхивают с удвоенным усердием. Достаточно ляпнуть что-нибудь не там, где нужно, и не тому, кому нужно, чтобы вылететь из Хогвартса, а то и подставить всю семью… Ради Мерлина, никаких подпольных организаций, никаких тайных армий!

Если бы ее слушали... Напрямую перечить побаивались, но во взглядах читалось презрение. Разумная осторожность взрослых подросткам кажется трусостью. А уж когда к осторожности призывает кто-то из стана врага... Одни отмалчивались, другие огрызались: "Не надо нас запугивать, профессор!".

Школа за время отсутствия Минервы словно и не изменилась. Только Слагхорн перебрался в директорский кабинет. Когда Минерва заходила к нему впервые, то надеялась, что удастся перемолвиться словечком с портретом Дамблдора. Однако портрет оказался замазан густым слоем белой краски и выделялся среди прочих уродливым пятном.

— Кто это сделал? — возмущенно спросила она.

— Те, кто позволяет себе распоряжаться в нашей школе, как у себя дома! — с досадой ответил Гораций.

В остальном он, впрочем, обустроился неплохо — расставил в кабинете мягкие кресла, развесил по стенам фотографии, все сплошь с дарственными надписями, разместил в шкафах свою коллекцию подарков от бывших учеников ("Вот этот кубок мне лично подарил капитан "Тайфунов"!), а еще всегда держал под рукой целую коллекцию пледов, чтобы не дай бог не простудиться ("Минерва, знала бы ты, какие здесь ужасные сквозняки…").

В Хогсмиде тоже мало что изменилось. Как всегда, работали

"Три метлы" и "Кабанья голова" — Аберфорт Дамблдор, брат Альбуса, даже не подумал куда-то перебираться. По выходным в местных лавках толпились покупатели. О чрезвычайном положении напоминали разве что плакаты на стенах с надписью "Разыскиваются...". Еще зимой здесь висели колдографии сторонников Лорда, а уже весной прямо поверх них клеили изображения орденцев. К осени они пожелтели и обтрепались, так что лиц было не разобрать — только фамилии. И тоже все бывшие ученики Минервы. Поттер, Блэк, Люпин, Петтигрю, Диггл, Джоунз, Вэнс... Иногда, разнообразия ради, попадались бывшие однокурсники — Аластор Моуди, например.

Орден Феникса все еще действовал, причем с большим размахом. Терять орденцам было уже нечего, а вдобавок они успешно заимствовали тактику Темного Лорда и теперь целенаправленно и последовательно истощали силы новой власти мелкими уколами. По одному выслеживали и уничтожали Пожирателей смерти, нападали на аврорские патрули, отбивали арестованных, выводили из строя каминную сеть, даже похищали чиновников, особо отличившихся перед новой властью. Впрочем, обычно отпускали, предварительно изваляв в дегте и перьях или превратив в пуделя с табличкой: "Я люблю ходить на задних лапках", чтобы в таком виде выпустить где-нибудь в людном месте.

Одна из затей орденцев была особенно удачной: в погожий октябрьский денек они устроили народное гулянье в Косом переулке. Никто не заподозрил подвоха — все думали, что это какая-нибудь благотворительная акция или что-то в таком роде. Часа два мирные граждане, не чуя подвоха, танцевали под оркестр прямо посреди улицы и участвовали в аттракционе по прицельной стрельбе из лука на приз — серебряное яблоко. Организаторы присутствовали здесь же, но прятались под клоунскими костюмами. Только когда патруль решил наконец проверить, есть ли у устроителей разрешение от Министерства магии, веселые клоуны вместе с музыкантами мгновенно испарились, а все стены домов, мостовая, фонари, матерчатые павильоны и даже мишень для стрельбы оказались заклеены орденскими листовками.

Впрочем, свои обещания орденцы не забывали даже ради пропаганды. Удачливому стрелку из лука действительно прислали серебряное яблоко на дом. Почему-то Минерве казалось, что все это устроили Поттер и Блэк с компанией. Шуточка очень в духе знаменитой гриффиндорской четверки. Где они были теперь? И живы ли все, или от четверки осталось трое, а то и двое?..

Ее нынешним подопечным по изобретательности до Поттера и Блэка было далеко, зато по склонности лезть на рожон новое поколение не уступало студентам семидесятых. Прошел всего месяц с начала учебы, когда однажды в субботу Слагхорн вызвал Минерву к себе. Погода была холодная, пасмурная, и хотя было всего-то два часа дня, в его кабинете уже горели лампы.

— Минни, я готов на многое закрывать глаза, — возмущенно начал директор, едва Минерва переступила порог. — Но знаешь, всему есть предел... Тебе надо лучше следить за студентами! Куда это годится?! Ты хоть представляешь себе, где сейчас Кирк и Рокуэлл с седьмого курса?

— В Хогсмиде, — ответила она удивленно. — У них сегодня выходной.

— Да? А почему мне сообщили, что их задержали в Лондоне, и у них были при себе какие-то листовки?!

— Как они могли оказаться в Лондоне? У них нет лицензий на аппарацию, они еще не сдали экзамен!

— Понятия не имею! Минерва, ты понимаешь, что они натворили? Они поставили под угрозу всю школу!

У Слагхорна даже щеки от возмущения тряслись.

— Подождите, Гораций... Во-первых, со всей школой ничего не случится. Во-вторых, вы уверены, что это точно? Кто вам сообщил?

— Неважно, — ответил он, засопев. — Один бывший ученик, который сейчас занимает высокую должность в Департаменте правопорядка... Мне даже было неудобно, что он вынужден уделять внимание таким мелочам...

Минерва быстро свернула разговор и кинулась в Хогсмид. Компанию своих старшеклассников она нашла в "Трех метлах", но Кирка и Рокуэлла среди них действительно не было. На вопрос, куда те девались, остальные отвечали уклончиво: "Кажется, пошли покупать новые перья... А может, в "Зонко"... Да я их только что видел в "Сладком королевстве", они сейчас придут...".

При этом студенты старались не смотреть в глаза декану. Понятно... Двое аппарировали, а остальные их покрывают и не знают, что уже, черт возьми, поздно!

Минерва велела гриффиндорцам немедленно отправляться в школу и больше никуда не выходить. Сама она была так взвинчена, что места себе не находила. Пока не пришло подтверждение из аврората, действовать было невозможно. Если знакомый Слагхорна ошибся, она только подведет ребят и привлечет к ним лишнее внимание...

Через пару часов действительно пришло официальное письмо. Когда Минерва прочла перечень статей, по подозрению в

которых задержали мальчишек, ей стало плохо. *"Подготовка к насильственному свержению существующего строя... Участие в подпольной организации... Распространение незаконных материалов, призывающих к…".*

Она отправила сов родителям мальчишек и аппарировала в Министерство.

* * *

Впрочем, в тот день ей пришлось возвращаться с пустыми руками. Увидеться со студентами ей разрешили только в понедельник, и оказалось, что дело совсем плохо. Оба утверждали, что всего лишь хотели зайти во "Флориш и Блоттс". Те еще конспираторы — хватило ума аппарировать в Косой переулок в школьных мантиях! А потом их заметил патруль и решил выяснить, что два студента делают в Лондоне в учебное время.

Тогда все еще могло закончиться штрафом за аппарирование без лицензии… Но Рокуэлла черт дернул нагрубить патрульным. Те разозлились и решили слегка припугнуть "умников" — доставить в Департамент, обыскать и посадить на пару часов под замок, чтоб остыли.

При обыске у Кирка нашли с собой тетрадь с записями «подрывного характера», а также самодельный "Листок свободы" с бунтарскими статьями. Кирк мечтал после школы стать журналистом...

Конечно, все это была полная глупость. Ясно же, что самодельный журнал не представляет никакой реальной опасности для властей. Но бюрократическая машина уже заработала. Еще бы — возможность раскрыть громкое дело и получить повышение по службе! Из мальчишек сделали чуть ли не профессиональных террористов, постоянно таскали на допросы, их однокурсников вызывали в аврорат, факультет обыскивали...

Хорошо, что Минерва уже успела сделать это сама, в первый же день, совершенно бесцеремонно и не обращая внимания на протесты. Тогда подопечные смотрели на нее волками, ожидая, наверное, что она тут же отправится с найденным в Министерство. Кто-то даже бросил зло:

— Ну, конечно, сначала сама донесла на пацанов, а теперь…

Минерва резко обернулась и нашла взглядом говорившего — это был один из шестикурсников. Она была готова влепить ему пощечину, но сумела взять себя в руки. Помолчала, перевела дыхание, потом сказала спокойно:

— В карцер, Мэлоуни. На сутки... И туда же отправится любой, кто посмеет от меня что-нибудь спрятать.

Это случилось впервые за всю ее педагогическую карьеру. Ни разу, даже когда директором еще был Диппет и в Хогвартсе применялись телесные наказания, она не подписала разрешения на розги и не отправила никого из учеников в карцер. Но сейчас ей было жизненно важно лишить собственный факультет свободы действий.

При обыске она нашла еще несколько экземпляров «Листка», стопку оппозиционных прокламаций, пароли запрещенной радиостанции… Потом сожгла все это в камине у себя в кабинете.

А следствие по делу Кирка и Рокуэлла шло, но утешительных новостей не приносило. В середине октября авроры получили разрешение на применение веритасерума. Под действием зелья правды Кирк и Рокуэлл признались, что «вовлекли в подпольную организацию" еще пару однокурсников. Их тоже арестовали.

Минерва сама не знала, как умудрялась вести в это время уроки. Едва освободившись, она аппарировала в Министерство. Написала ребятам отличные характеристики, приложила ходатайство от школьной администрации… Семьи у мальчишек были небогатые и не могли позволить себе нанять защитника, так что остаток денег, которые Минерва заработала у Лорда, пошел на гонорар адвокату. Впрочем, тот сразу честно предупредил, что сделает, конечно, все возможное, но шансов очень мало. Если бы арестованные хоть были несовершеннолетними… Но всем уже исполнилось семнадцать, а значит, снисхождения ждать не приходилось.

Слушание дела назначили на двадцатое октября. Как особо серьезное, оно подлежало рассмотрению полным составом Визенгамота. Мальчишек привели под аврорским конвоем. Они храбрились, но видно было, что им страшно.

На заседании председательствовал Фадж, который, казалось, был совсем не рад происходящему и все время отдувался, потел, вытирал лысину платком и дважды объявлял перерыв, чтобы выпить чаю. Чай ему приносила секретарша, низенькая и пухлая, лет сорока. С ее строгой черной юбкой и туфлями на низком каблуке никак не вязались ярко-розовая кофта и блестящая заколка в виде бабочки.

В пять вечера Фадж объявил, что слушание завершено, и сейчас Визенгамот примет решение. Присутствующие выглядели уставшими и сонными. Показания никто толком не слушал: кто зевал, кто читал газету… Ясно же было, что все дело выеденного яйца не стоит.

Но, как выяснилось, только Минерва думала, что всем это ясно. Приговор ее ужаснул. Она ожидала, что мальчишкам запретят колдовать, сломают палочку, самое большее — дадут

полгода в Азкабане... Но от шести до десяти лет?! Десять лет за переписанный от руки журнал и тетрадку с наивными "планами восстания" — каждый на полстранички?!

На родителей было страшно смотреть. Из подсудимых одни, казалось, даже не поняли, что произошло, другие старались бодриться, а Кирк вдруг разрыдался. Никто не обращал на них внимания — члены Визенгамота собирали записи, торопясь домой, к собственным детям и внукам... Минерва кинулась за Фаджем, но он как-то быстро исчез, а ей преградила дорогу секретарша.

— Что вы хотели? — спросила она неожиданно тонким, чуть ли не девичьим голоском.

— Поговорить с мистером Фаджем. По поводу приговора. Может быть, его еще можно пересмотреть?!

Секретарь рассматривала ее с каким-то странным выражением — Минерве показалось, что она с трудом скрывает удовлетворение.

— Нет. Боюсь, что нельзя. Эти молодые люди получили по заслугам, вы не находите?

— Я признаю, что они виновны, но не настолько! Им всего семнадцать лет, в Азкабане они не выдержат!.. Простите, как вас зовут?

— Долорес Амбридж. Я личный помощник мистера Фаджа.

— Мисс Амбридж, вы не могли бы узнать у него, когда он сможет меня принять?

Амбридж сладко улыбнулась.

— Не в ближайшее время. К сожалению, мистер Фадж очень занят.

— Если бы он уделил мне всего пять минут...

— Нет, нет и еще раз нет, — Амбридж перехватила покрепче свой блокнот и заговорила уже другим, холодным и деловым тоном: — Советую вам это оставить. Я даже не стану беспокоить мистера Фаджа по такому поводу. У него масса более важных дел, и он не будет выслушивать ходатайства за дерзких мальчишек, которых приговорили справедливо и заслуженно. До свидания.

Она развернулась и ушла. Бабочка в ее волосах торжествующе трепетала.

* * *

Адвокат подал апелляцию, но ее отклонили. Слагхорн, который раньше многозначительно намекал на своих высокопоставленных друзей, теперь словно забыл об этом и категорически не желал их впутывать. Через три дня Минерва поняла, что другого выхода нет, и написала Тому.

"Милорд,

прошу разрешения встретиться с Вами по личному делу. Это очень важно для меня, и я надеюсь, что Вы не откажете....".

Ответа она не получила, но вечером 31 октября метка на руке вдруг стала нагреваться — легко, почти неощутимо. Минерва торопливо набросила плащ и побежала к воротам Хогвартса. Было уже совсем темно, а она так спешила, что несколько раз поскользнулась на размокшей от дождя дорожке. Едва высокие кованые створки стали открываться, она проскользнула между ними и сразу за воротами аппарировала.

Ставка, куда ее «выбросило» при аппарации, гудела, как улей. Здесь теперь было намного больше народу, и от прикосновений бесчисленных рук перила лестницы блестели, словно намазанные маслом. Кто-то развесил в коридорах тыковки с горящими в них маленькими свечками. Ах да, сегодня же Хэллоуин...

Минерву встретил Вудфорд — в тот день он дежурил в приемной, — и попросил подождать, сказав, что Лорд занят.

Тем временем в здании началась суета. Почему-то вокруг тушили свечи, камины, лампы. Оставался только слабый свет в коридоре. Дверь в приемную то и дело открывалась, входили все новые и новые люди — в темноте слышались голоса и смех. Минерва, пристроившись на стуле у стены, с изумлением наблюдала за этим.

Вдруг стало совсем тихо; кто-то рядом с ней негромко вздохнул. В наполненной голосами и шелестом темноте вспыхнул свет, и она увидела Тома. Он вошел в приемную из своего кабинета, а в ладонях у него метался огонек — то разгорался ярко, то спадал.

Один за другим собравшиеся стали подходить к Лорду и зажигать свечи от огня. Наверное, это была еще одна из бесчисленных традиций Ставки... Кто-то уже растапливал камин, кто-то подкручивал винты газовых ламп, остальные расходились по зданию, зажигая везде свет. Замелькали эльфы с подносами, рядом громко хлопнула пробка от шампанского.

Минерва подошла к Тому последней. Свечи у нее не было, так что она протянула наскоро наколдованную ветку. Пламя ярко вспыхнуло, набрасываясь на сухое дерево. Потянуло дымом, по лицу Тома метнулась тень. Он встряхнул запястьями, и пламя, пылавшее прямо в воздухе над его ладонями, исчезло.

— Ну, здравствуй, Минни.

Она наколдовала на стене держатель для импровизированного факела, вставила туда пылающую ветку, потом опустилась на колени и поцеловала Тому руку. Странно — рука была прохладная, словно и не касалась только что огня.

— Можешь встать.

— Что это было? — спросила она, чтобы что-то сказать. — Какая странная церемония...

— Одна из древних волшебных традиций. Неужели ты не помнишь? Сегодня же Самайн, полагается зажигать новый огонь. Позже этот день объявили праздником Всех святых и взяли моду развешивать дурацкие тыквы. Но мне больше нравятся древние обычаи, так что лет пять назад я возобновил и этот.

Он посмотрел на нее, потом взял у эльфа бокал вина и протянул Минерве.

— Ну, расскажи мне, как твои дела.

Она не знала, как себя вести, — воспоминания о торте в виде головы Дамблдора все еще были слишком свежи, и она не могла смотреть Тому в лицо. Оттягивала момент решающего разговора, несла какую-то чушь, пересказывала истории из школьной жизни. Упомянула Сивиллу Трелони — Том вдруг заинтересовался и попросил рассказать подробнее. После к ним кто-то подошел, и Том кивнул Минерве на кресло:

— Подожди здесь. Мне нужно поговорить.

— Да, милорд, — ответила она и удивилась тому, как легко это слово слетает с языка.

Ждать пришлось долго. Лорд разговаривал то с одним, то с другим. Потом явился Люциус с толстенной папкой финансовых документов и на два часа уединился с Лордом в кабинете. Минерва успела задремать в кресле и очнулась, когда ее тронули за плечо. Подняла голову — Том смотрел на нее, прищурившись. Потом молча кивнул в сторону спальни — пошли, мол, раз уж явилась...

В спальне она привычно, быстро разделась и забралась под одеяло. Но, видимо, так устала за последние дни, что, едва коснувшись головой подушки, мгновенно заснула. Проснулась, когда уже было светло. Том, как ни странно, тоже лежал с закрытыми глазами — он что, так расслабился после победы, что даже завел привычку спать? Впрочем, стоило Минерве посмотреть на него, как он мгновенно открыл глаза.

— Извини, — сказала она неловко.

— Брось. Кровать для того и существует, чтобы спать.

Она хотела было встать, но Том вдруг потянул ее к себе. Минерва зажмурилась — после того, что случилось в феврале, она не могла даже подумать о том, чтобы еще раз ему позволить... Змея на левой руке, казалось, смотрела на нее издевательски.

Том негромко рассмеялся:

— Ох, Минни, да не буду я тебя насиловать... Не хочешь — не надо.

Она вздохнула с облегчением, но тут же спохватилась — ей

ведь надо поговорить, убедить его... А она с ходу отвергает самый простой способ заставить мужчину смягчиться. Так нельзя, надо сделать над собой усилие... Зачем она в конечном счете сюда пришла, если не торговать собой?

Она подвинулась к Тому и обняла его, но он только зло дернул плечом.

— Дура!

Потом встал, оделся и ушел. А Минерва лежала в постели и думала, что и вправду дура, раз не может в его присутствии как следует контролировать мысли. Ну вот, пожалуйста, — теперь говорить с ним бесполезно. Зря она пришла…

Послышались шаги — Том вернулся.

Сел на край кровати.

— Ладно, черт с тобой. Ты и вправду не обязана испытывать ко мне нежные чувства. Не нервничай, я тебя выслушаю. Но сначала все-таки придется сделать над собой усилие, уж извини. Как ты там выразилась — "поторговать собой"?.. Потерпи, я быстро.

Он велел ей встать на колени. Так было даже лучше, потому что можно было спрятать пылающее от стыда лицо в подушку. Но то ли от нервного напряжения, то ли еще от чего — когда Том вошел в нее сзади резко и сильно, Минерва вдруг испытала такое острое удовольствие, что вскрикнула и тут же вцепилась зубами в наволочку. Проклятое тело подвело ее, оно не желало знать никаких моральных преград и устоев, оно предало ее и бесстыдно отдавалось врагу... Собственный голос стал каким-то чужим — низким, хриплым, — а потом она еще и разрыдалась и продолжала рыдать, когда все уже закончилось.

Том, кажется, испугался. Спросил, не плохо ли ей, потом отодвинул от себя и с сомнением заглянул ей в лицо.

— Это просто нервный срыв, — сказала Минерва, отворачиваясь. — Сейчас пройдет.

Он хмыкнул, но промолчал. Потом отошел к окну, пока она возилась с бюстгальтером и чулками.

— Так что с теми студентами? — спросил он, не оборачиваясь. — Я же знаю, зачем ты пришла... Минни, я не могу их так просто помиловать.

— Я прошу тебя…

Она запнулась.

— Я очень прошу вас, милорд. Поймите, это дети...

Тому, кажется, понравилось, что она сменила тон. Но отвечал он все еще с легким раздражением:

— И что? Если я их сейчас отпущу, думаешь, это их чему-то научит? Они станут осторожнее, прекратят свои игры в

подпольщиков? Да черта с два! Будут еще гордиться, возомнят себя героями.

— Азкабан их сломает. Они же совсем мальчишки! Как их можно к дементорам?

— Где ты была, когда сажали моих людей? Таких же мальчишек! — огрызнулся Том, но тут же успокоился. — Ладно, Минни. Уж не знаю, почему с тобой сегодня такое творилось — может, и вправду срыв... Но ты так польстила моему самолюбию, что я теперь чувствую себя щедрым и великодушным. Если я заменю им Азкабан запретом колдовать на год, тебя устроит?

— Конечно.

По правде сказать, на такое мягкое наказание она даже не надеялась.

— Спасибо… милорд.

Том отмахнулся.

— Не за что. Только вправь им мозги, я тебя прошу! Если твои гриффиндорцы опять примутся за свое, в следующий раз пусть не ждут снисхождения. Можешь считать, что ты предупреждена.

Минерва кивнула. Том потянулся за колокольчиком.

— Твинкл, принеси моей гостье кофе и завтрак… Нет, мне не нужно. Я должен сейчас поработать.

Через полчаса она зашла в кабинет Тома попрощаться. Опустилась на колени, уже привычным жестом поцеловала его руку и получила разрешение идти.

— Благодарю еще раз. Вы были очень великодушны, милорд.

Наверное, ей должно было быть грустно, что она больше не может — да и если бы могла, то не не хотела бы — называть его "Том". Но она не испытывала никаких эмоций, вообще никаких.

В любом случае мальчика, с которым она когда-то сидела на каменной стене, уже не было и больше не будет. Остался только Темный Лорд.

* * *

В последующие два месяца ей было не до того, чтобы вспоминать Тома. Нужно было для начала провести воспитательную беседу со спасенными от Азкабана учениками. Конечно, они сделали выводы, но вряд ли те, каких хотела бы Минерва. Только озлобились и замкнулись. Слушали ее внимательно, но молча, и смотрели исподлобья. Недолгое пребывание даже не в тюрьме, а всего лишь в авроратской камере предварительного заключения уже превратило их из детей в молодых волков…

Тем временем с самой Минервой что-то происходило. Но, закрутившись с делами — контрольные, конец семестра, отправка

детей на каникулы, — она почти не обращала на это внимания. Отсутствие месячных, тошноту и головокружение списывала на начавшийся климакс. Рановато, конечно, хотя... Волшебники живут дольше маглов, но когда-нибудь старость приходит и к ним. Каждое утро, когда Минерву выворачивало над раковиной, она клялась себе, что зайдет к Помфри и попросит какое-нибудь зелье для облегчения симптомов. Но потом отправлялась на уроки и забывала о своем намерении.

О Томе она не вспоминала, зато он сам о ней вспомнил. Метка сработала за несколько дней до Рождества, как раз когда шло совещание в учительской. Минерва поднялась и пошла к выходу прямо посреди речи Слагхорна, никому ничего не объясняя. В комнате воцарилась мгновенная тишина; взгляды коллег упирались ей в спину, словно нацеленные палочки. Но она даже не обернулась, закрывая за собой дверь.

Том был в хорошем настроении. Попросил поужинать с ним, смеялся и рассказывал какие-то истории. Потом к нему опять пришли люди, и он велел Минерве отправляться в спальню и ждать.

— Можешь почитать пока что-нибудь...

Она не хотела читать. Улеглась и задремала — в последнее время ее постоянно клонило в сон. Проснулась от того, что Том тормошил ее и стаскивал с нее одеяло. Потом внезапно насторожился, словно прислушиваясь к чему-то.

— Забавно...

— Что именно? — спросила она.

Он провел ладонью над ее обнаженным животом, задержался на мгновение, потом спросил:

— Ты знаешь, что у тебя будет ребенок?

— Что?!

— Не хочешь — не верь.

Он молчал и смотрел на нее, склонив голову набок. Она подумала, что надо бы сходить к целителю, что Том наверняка ошибается, но тут же поняла, что врать самой себе бесполезно. Подсознательно она и без того знала, что ждет ребенка. Просто не хотела себе в этом признаваться, искала отговорки...

— Что мне делать? — спросила она после паузы.

Том пожал плечами:

— Как знаешь. Решай сама.

Минерва перевела дыхание.

Она еще не знала, оставить плод в живых или вытравить. Но что бы ни было, по крайней мере, это будет сделано не по приказу…

Она и вправду долго не могла решить, что делать. Ребенок с такой наследственностью... Ведь неизвестно, что Том сотворил с собой за эти годы, пока экспериментировал с черной магией. Вдруг родится чудовище?

Однажды, поддавшись сомнениям, Минерва даже сварила себе выкидышное зелье — но так и не сумела заставить себя его выпить.

Том все это время не вызывал ее к себе — только пару раз прислал сову, спрашивая, как она себя чувствует. Тем временем стало ясно, что пора увольняться из Хогвартса. Живот был еще совсем небольшой, и под просторной мантией его можно было бы прятать еще долго — но зачем рисковать? Учитывая, *кто* отец ребенка, чем меньше людей будет знать о существовании младенца, тем лучше. В конце концов, коллеги Минервы не были идиотами и могли сопоставить даты, когда ее вызывали в Ставку, со сроком беременности. Разумеется, они не стали бы болтать, но ведь у студентов тоже есть глаза...

Перед увольнением следовало найти себе преемника, чтобы было на кого оставить факультет. Поначалу Минерва думала об Амелии Боунз — та была на пару лет младше ее самой, училась на Гриффиндоре и получила отлично на ТРИТОНах по трансфигурации, а потом руководила криминалистической лабораторией Департамента правопорядка. Но Боунз не взяли бы в Хогвартс по политическим причинам. Она была двоюродной сестрой убитого Пожирателями Эдгара Боунза, так что сразу после победы Лорда ушла в отставку и для нынешнего режима была персоной нон грата. Даже если бы удалось с ней договориться, вряд ли Совет попучителей пропустил бы такую неблагонадежную кандидатуру.

Мысленно перебрав еще два десятка бывших гриффиндорцев, Минерва решила встретиться с Кингсли Шеклболтом. Чернокожий студент учился на Гриффиндоре лет десять назад, потом закончил школу авроров и стал отличным специалистом, но после переворота тоже уволился. Насколько помнила Минерва, Кингсли всегда был противником Лорда, но свои убеждения особенно не афишировал и, кажется, не числился в списках нежелательных. Она отправила ему сову и затем встретилась с ним в маленьком кафе в магическом квартале Эдинбурга.

Когда Кингсли еще только поступил на первый курс, он был худеньким высоким пареньком. За время учебы он подрос, а теперь, когда Минерва увидела его спустя несколько лет, оказался настоящим великаном. Широкоплечий и улыбчивый, Кингсли подошел к ее столику легкой походкой пантеры и с неожиданной для его роста грацией бесшумно опустился на стул

напротив Минервы.

Поначалу разговор не клеился — Шеклболт слушал вежливо и внимательно, но, видимо, не очень доверял Минерве и потому отвечал неопределенно: мол, надо подумать… Потом вдруг задумчиво кивнул, словно пришел к какому-то выводу, и с этой минуты оттаял и расслабился.

— Самое забавное, — рассказывал он мягким глубоким голосом, отпивая небольшими глотками лимонад, — что нынешние власти и вправду ко мне благоволят… Смешно, правда? Фадж предлагал мне повысить зарплату вдвое, чтобы я только остался.

— Вот как? — спросила Минерва, улыбаясь. В присутствии этого бывшего студента ей становилось на удивление спокойно, и отчего-то верилось, что все наладится.

— Да. Дело в том, что я идеально подхожу под лозунги нового режима…

Кингсли прикрыл глаза и процитировал по памяти:

— *«В то время, как магловский мир раздирают этнические и религиозные конфликты, чистокровные волшебники едины независимо от расы, национальности, вероисповедания и социальных различий…»*. Это из передовицы «Пророка». Для целей пропаганды я гожусь, как никто. Представляете, как я бы смотрелся на плакате, изображающем равенство и братство в магическом сообществе при Сами-Знаете-Ком?

Он рассмеялся, показывая белоснежные зубы.

— Но, к большому огорчению Фаджа, я не захотел быть рекламной картинкой…

— Ты со мной так откровенен, — сказала Минерва. — Почему ты вдруг стал мне доверять?

— Увидел, что можно, — просто ответил Кингсли. — Я ведь по происхождению африканец. Наши колдуны умеют многое, что недоступно европейцам.

Слово «происхождение» напомнило ей кое о чем.

— Кингсли, мне очень стыдно задавать тебе такие вопросы, но… Ты чистокровный? Пойми, я спрашиваю не потому, что для меня это имеет какое-то значение…

— А потому, что это имеет значение для Совета попечителей, — кивнул он. — Да, я понимаю. Представьте себе, чистокровный. Причем мне даже не пришлось трудиться, чтобы это доказать. Мои предки в свое время так долго воевали с европейскими волшебниками, пытаясь защитить свои земли, что их имена есть во всех хрониках колонизации. Не всякий чистокровный английский маг может похвастаться такой длинной родословной, как у меня.

— Вот и замечательно, — кивнула она. — Значит, если ты согласен, я попробую предложить твою кандидатуру Слагхорну… В случае, если нам удастся, — ты уверен, что справишься? Пойми, для меня не главное, насколько хорошо ты станешь преподавать трансфигурацию. Я помню тебя как отличника и очень ответственного студента, так что, думаю, ты и здесь приложишь все усилия. Но меня беспокоит, сумеешь ли ты совладать с Гриффиндором. Это сейчас важнее всего. Ты ведь сам знаешь, что такое наш факультет. Студенты хотят действовать, жаждут борьбы, а это может закончиться плохо…

— Я понимаю, — очень серьезно сказал Шеклболт. — Не беспокойтесь. Я сумею сделать так, чтобы никто не наломал дров и не влип в неприятности.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Потом Кингсли потянулся через стол и накрыл руку Минервы своей большой теплой ладонью:

— Не бойтесь, профессор. Все будет хорошо.

* * *

Через пару дней Минерва сообщила Слагхорну, что увольняется по собственному желанию — в связи с состоянием здоровья. Собственно, это была чистая правда. Гораций поначалу даже слов не мог найти от возмущения — где же он найдет ей замену? и как она может бросать школу, когда до экзаменов всего-ничего?! Но Минерва намекнула, что таков приказ Лорда. Слагхорн тут же сдался и, не глядя, подписал заявление. Лорда он боялся и предпочитал, насколько возможно, не вспоминать о его существовании.

И директор, и Совет попечителей приняли кандидатуру Шеклболта на удивление хорошо. Кингсли действительно умел производить впечатление, когда хотел этого. Сдав ему дела, попрощавшись с факультетом и коллегами, в конце марта Минерва уехала домой, на остров Скай.

Родительский дом за минувшие годы мало изменился. Все те же сложенные из грубого камня стены, вечно дымившая труба, крохотный садик за оградой, а внутри — дочиста выскобленные полы, белоснежные занавески и из всех украшений только большие морские раковины, разложенные на подоконниках. Если поднести такую раковину к уху, оттуда был слышен шум моря. Впрочем, он был отлично слышен и без нее, особенно в штормовые дни.

Брат с семьей давно переехали на материк, в доме осталась только мать. За прошедшие годы она совсем постарела, сгорбилась и с тех пор, как узнала, от кого у Минервы ребенок, постоянно плакала.

"Я же тебе говорила — не доведет он до добра... Ох, что ж ты у меня такая невезучая! И с Джорджем толком не пожила, а какой хороший был парень. Он мне до сих пор пишет, не забывает, представляешь? И Мартин пишет. Ты хоть помнишь, что у тебя внучка есть? Господи, какой стыд — сама уже бабушка, а опять с животом... Позор один! Что скажут люди, если узнают, я даже подумать боюсь. А все этот твой... Всю жизнь-то он тебе поломал, всю жизнь ты из-за него, как неприкаянная!".

Минерва не отвечала, отмалчивалась. Старалась почаще уходить из дома, часами гуляла по берегу моря. Ближе к лету ходить стало тяжело, ноги сильно опухали, так что иной раз еле удавалось надеть ботинки. По ночам ребенок толкался, не давал спать. А ночи на севере белые... Солнце, кажется, всего на полчаса прячется в волнах и тут же — не успеешь заснуть — опять поднимается над горизонтом, огромное и ярко-ярко алое…

Еще в середине апреля Минерву на острове навестил Долохов и предупредил, чтобы не нервничала, если вдруг заметит присутствие человека под разиллюзионным. Вокруг ее жилья велено было выставить невидимую охрану.

— Спасибо, — ответила она. — Я поняла.

Так и прошли последние несколько месяцев. Наступили последние числа июля. В положенный срок роды не начались. Прошел день, другой... Минерва перенашивала уже на неделю и сильно нервничала. Наконец 31 июля на рассвете начались схватки.

Воды отошли ближе к полудню. Целителя она не стала вызывать, хотя можно было пригласить из Ставки — тот бы не стал болтать. Но Минерва решила, что справится сама. Сама вскипятила воду, приготовила чистые простыни — медленно, потому что каждые пять минут ее скручивала волна боли. Потом выгнала причитающую мать из комнаты и все ходила, ходила от окна к шкафу и обратно. Когда схватки уже шли одна за другой почти без перерыва, она все же легла на кровать. Там было удобнее тужиться, цепляясь руками за металлическую спинку.

На окно и дверь она заранее поставила заглушку, так что смогла дать себе полную волю и то кричала, то пела, то дышала быстро и мелко. Но в целом все прошло куда быстрее и легче, чем с Мартином. Без нескольких минут два ребенок уже лежал на простыне, весь в слизи, красный, и пронзительно кричал. Мальчик...

Только тогда Минерва наконец впустила мать, чтобы та помыла и спеленала ребенка, пока будет рождаться послед. Потом приложила ребенка к груди и лежала, глядя в потолок. Голова была пустая-пустая, и ужасно хотелось спать. Мать не дала

ей уснуть — растормошила, отнесла ребенка в кроватку, потом сменила белье и принесла заранее приготовленное Минервой послеродовое зелье. При этом она, естественно, не забывала сокрушаться, что же теперь будет с ее непутевой дочкой. Но Минерва уже не слышала. Она крепко спала, а ребенок, укрытый одеяльцем, спал рядом.

* * *

Тому она забыла написать — не до того было, — но он, видимо, узнал от охраны, потому что появился через несколько дней, как раз когда Минерва кормила ребенка. Спросил, не нужен ли целитель и стоит ли перевезти их куда-нибудь поближе к Лондону.

— Не надо. Мне здесь вполне удобно.

— Охрана останется, — распорядился он. — И завтра я пришлю к тебе эльфа, чтобы взял на себя работу по дому.

— Спасибо. Но вообще я справилась бы и сама.

Том задумчиво разглядывал ребенка, но Минерва никак не могла понять, что он при этом чувствует. Уж точно не умиление. Раздражение? Досаду? Интерес? Опасение? Хотя чего ему бояться...

— Кто-нибудь знает о ребенке? — спросила она.

— Да, конечно. Твоя охрана, например. Но это люди Тони, они не станут болтать. Сам Тони знает, естественно... Что до остальных, это уже зависит от тебя.

— Я никому не сообщала о беременности. Кроме мамы и брата.

— Ну и хорошо. Слагхорн, конечно, узнает, поскольку имя ребенка — если он не сквиб, конечно, — автоматически внесено в книгу будущих учеников Хогвартса. Но я надеюсь, что у вашего директора хватит ума ни с кем не делиться своим открытием. Интересно, кстати, под какой фамилией твой сын появится в списке? Неужели МакГонагалл? Я этого не перенесу...

— Вряд ли. Мы с Джорджем в разводе. Скорее, под моей девичьей — Робертсон.

— Хорошо. Я думаю, его рождение стоит зарегистрировать в Министерстве, но так, чтобы об этом знало как можно меньше людей. Я позабочусь. Пускай так и будет Робертсоном. Ты уже придумала, как его назвать?

— Кеннетом, в честь отца. Но ты можешь дать ему имя по своему выбору.

— Если не возражаешь, я хотел бы назвать его Альбусом.

— Что?!

Вот этого она не ждала.

Насытившийся ребенок отпустил сосок и через полминуты

закряхтел. Руке, на которой он лежал, стало тепло и мокро. Минерва потянулась за палочкой, чтобы призвать со столика чистые пеленки. Осторожно уложив ребенка рядом с собой, развернула и стала перепеленывать. Том задумчиво смотрел на пупочную ранку, смазанную зельем и заклеенную пластырем.

— Альбусом — в честь Дамблдора?

— Да. Ты не ошиблась. В конце концов, — он усмехнулся, — это мой учитель. Дамблдор научил меня тому, как устроена жизнь. Очень успешно, так что я ему благодарен.

— Как скажешь.

Минерва уложила ребенка рядом с собой на кровать и откинулась на подушки. Не хотелось ни о чем спрашивать или спорить. Она все еще не отошла после родов и чувствовала себя слишком уставшей.

— Ты уже хочешь спать? Тогда я пойду.

— Ты позволишь мне не вставать, чтобы поцеловать тебе на прощание руку? — спросила она.

Том будто и не заметил иронии.

— Да, конечно. Спокойной ночи.

Скрипнула половица, открылась и закрылась дверь.

На следующее утро после этого разговора в доме и вправду появились молодая, крепко сбитая эльфиня по имени Тилси. Еще через две недели Долохов принес Минерве свидетельство о рождении. В графе "Имя ребенка" значилось "Альбус Кеннет Робертсон". В графе "Имя отца" стоял прочерк. И дата рождения была указана другая — 6 августа. Она спросила, почему. Долохов ответил: "Приказ Лорда. Так безопаснее".

Долохов вообще приходил часто. Приносил деньги. Минерва отдавала их матери, потому что тратить было некуда — на еду уходило не так много, а больше ничего и не нужно было. Детские одежки остались от Мартина и племянников.

Минерва ни с кем не виделась — с рождением Альбуса у нее развилась настоящая паранойя. Она радовалась тому, что дом стоит так удачно, на отшибе. От маглов его защищали маглоотталкивающие чары, а волшебников на острове больше не было, после того, как погибли МакКинноны... Минерва так и не нашла в себе сил навестить их могилы на маленьком волшебном кладбище.

Том появлялся примерно раз в месяц, а то и реже. Обычно по выходным. Вдвоем они ходили гулять на побережье, а коляска с ребенком плыла рядом в воздухе. Охрана под разиллюзионным следовала в некотором отдалении. Со стороны картина, наверное, казалась настоящей идиллией. Счастливая семья...

Чаще всего они говорили об Альбусе, но иногда начинали

спорить на политические темы — если Том был в хорошем настроении, конечно.

— Объясни мне, — спрашивала она, — чем тебе не угодили маглорожденные? Я знаю, что наше общество всегда было настроено против них. Но ты ведь никогда не питал таких предрассудков!

— Дело не в предрассудках, — морщился он. — Пойми — волшебники на самом деле не имеют понятия о том, как живут маглы. Насколько у них совершенная промышленность, какое мощное оружие... День, когда нас обнаружат, уже не за горами. Никакие маглоотталкивающие чары не защитят от техники, хотя бы потому, что они на нее не действуют. Человека можно обмануть — фотографию нельзя. Если хочешь знать, нами уже давно интересуются магловские высокопоставленные военные, но пока нам удается убеждать их — с помощью легкого империо, конечно, — что странные объекты на спутниковых фотографиях относятся к вотчине спецслужб. И наоборот. Но долго на таком обмане не продержишься. А едва они узнают о нас, то смогут элементарно шантажировать. Возможности у них есть. Маглоотталкивающие чары опять-таки не спасут от ракеты точного наведения, и никакой магический щит здесь не поможет. Какой остается выход?

— Разрабатывать более совершенные защитные чары?

— И бесконечно прятаться? Закапываться в землю, как кроты?! Нет, Минни, выход всего один — устанавливать полный контроль над магловским миром. Что, кстати, было бы полезно и для самих маглов.

— Думаешь, тебе кто-то позволит это сделать? Уже были желающие...

— Минни, ты себе не представляешь, с чем люди готовы смириться, лишь бы не создавать себе проблем. Сколько шуму было в международном магическом сообществе, когда я взял власть... Нам чуть ли не угрожали интервенцией. И что? Не прошло и двух лет, как с нами договорились, восстановили дипломатические отношения, стали делать вид, что все прекрасно. Главное — не переходить рамок и соблюдать видимость приличия. То же и с контролем над маглами. Если делать это аккуратно и постепенно, то никто не будет против. Тем более, что сторонников этой идеи хватает и у нас, и на континенте, и в Америке. Просто об этом не принято говорить вслух... А если вернуться к грязнокровкам — они опасны потому, что знают о нас все, но при этом их симпатии по понятным причинам на стороне маглов. Настоящая "пятая колонна". Ты видела войну, ты понимаешь, что это такое. Кто захочет иметь в

своей стране стольких потенциальных предателей?

— По-моему, ты параноик. Это твоя единственная претензия?

— Нет, конечно. Они создают социальное напряжение. Они учатся в Хогвартсе, который существует на деньги налогоплательщиков, но при этом их родители платят налоги в магловском мире, а не здесь. Они занимают рабочие места, которых и без того не хватает. Они...

— Послушай, ты сейчас можешь делать в Британии все, что захочешь! Кто мешает тебе создавать новые рабочие места и совершенствовать налоговую систему?!

— А разве я не поступаю именно так? Но я не хочу делать это для чужих.

— Послушай, без притока свежей крови мы выродимся за два поколения! Это реальность, и даже ты не можешь закрывать на нее глаза…

Том смеялся.

— Представь себе, я об этом помню! Да-да, при всей ограниченности и фанатизме, которые ты мне приписываешь… Недавно мы открыли офис Иммиграционной комиссии в Индии. Вот тебе и ответ.

— Ты хочешь решить проблему за счет иммигрантов?

— Почему нет? Индия — огромная страна, там больше чистокровных волшебников, чем ты можешь себе представить. Многие получили европейское воспитание, учились в Хогвартсе и в культурном смысле мало отличаются от нас. Офис в Индии уже тонет в потоке заявлений — всего за пару месяцев работы. А на очереди еще Гонконг, Сингапур, Южная Африка и прочие наши бывшие колонии…

— Что, по-твоему, останется после этого от Британии?!

— Минни, да ничего с ней не случится! Эти острова пережили вторжение римлян, саксов, датчан, норманнов и бог знает кого еще. Думаешь, от того, что сюда приедет пара сотен индусов, страна погибнет? Поверь мне, в следующем поколении они будут большими британцами, чем мы с тобой.

— А еще твоими верными сторонниками, да?

— Естественно. Молодец, ты все правильно понимаешь… В отличие от золотой молодежи из Ордена Феникса, которой никогда не приходилось бороться за место под солнцем, иммигранты прекрасно понимают, что сколько стоит. Они не позволят обмануть себя сентиментальной чушью о несчастных обиженных грязнокровках, потому что эти грязнокровки — их прямые конкуренты.

— Тебе не кажется, что ты просто меняешь одних чужих на других?

— Нет. Для волшебника любой другой волшебник, будь он даже негром из какой-нибудь Уганды, все равно ближе, чем магл. Скажешь, неправда?

— Чудесно! Если все так просто, как ты говоришь, — зачем вообще принимать маглорожденных в Хогвартс? Можно не посылать им сов на одиннадцатилетие, и проблема будет решена!

Она обернулась на Альбуса, который испуганно смотрел на них из коляски, и взяла его на руки, чтобы успокоить.

— Ты забыла об одной маленькой загвоздке, — Том заговорил тише. — Это стихийная магия. Если таких детей не учить, они ставят наш мир под угрозу раскрытия. Поэтому приходится пускать их к нам, но держать в узде. Конечно, проще и удобнее ликвидировать их сразу после рождения, но международное сообщество опять встанет на дыбы. Незачем давать им повод. Я думал о стерилизации, чтобы прекратить размножение грязнокровок, но… Проблема в том, что мы очень мало знаем о наследственности, Минни. При предыдущей власти эта тема была под запретом — она считалась щекотливой. Сейчас, разумеется, все совсем иначе. Мы создали целую большую лабораторию, которая занимается вопросами чистоты крови и прочего…

— Могу себе представить, что они там наисследуют!

— Ты зря фыркаешь. Между прочим, уже получены данные о том, что толика магловской крови у волшебника может стать катализатором для развития поистине выдающихся магических способностей. Это выглядит правдоподобно. Я сам тому наглядный пример.

— До чего ты скромен…

Том посмотрел на нее рассеянно — кажется, он не понял иронии.

— Понимаешь, Минни, если это подтвердится на широком статистическом материале… Многое изменится. Тогда нужно будет подумать о том, чтобы забирать грязнокровок в наш мир в раннем детстве — разумеется, только тех, кто здоров и у кого все в порядке со стихийной магией. Передавать на усыновление в волшебные семьи… Множество проблем решилось бы. Но увы! мало кто согласится усыновить грязнокровку. Я пока думаю над тем, как сломать стереотип...

— И как потом будут жить эти дети?

— Нормально. Счастливо. Они ведь ничего не узнают. И в любом случае жить в семье волшебников лучше, чем у маглов. Дети не будут подвергаться тлетворному влиянию, а те дурные наклонности, которые они унаследовали от предков-маглов, можно будет исправить воспитанием. Мы же заодно улучшили бы

магическую породу.

— Ты говоришь о людях, как другие — о гиппогрифах…

— Почему нет? Одни занимаются селекцией собак, другие — скаковых лошадей, а я хочу вывести новую расу волшебников. Тебе не кажется, что это достойная цель? Правда, собак и лошадей никто не спрашивает, с кем они хотят спариваться, а люди пока в этом свободны, вот и норовят скрещиваться с кем попало. Но это преодолимо. Вопрос времени…

И так далее, и тому подобное, по кругу. Иногда Минерве казалось, что он окончательно сошел с ума.

А еще ей было очень страшно за Альбуса.

* * *

Альбус рос на удивление спокойным и нетребовательным — хорошо ел, крепко спал, не болел и почти никогда не плакал. Он поздно начал говорить, зато стихийная магия проявилась рано, и Аль на удивление быстро научился ее контролировать. Когда ему было меньше двух лет, он умел взглядом призывать предметы. Многие дети-волшебники так делают, поэтому все, что для них желанно, но опасно, приходится запирать на замок. Никогда ведь не знаешь, когда в руки ребенку прилетит острый нож, с которым ему хочется поиграть, или свалится на голову банка с вареньем, до которой он жаждал добраться. Но вот контролировать такие способности умеют немногие. Стихийная магия на то и стихийная, что работает непредсказуемо. Мартин в детстве все время из-за этого расстраивался. Он ведь так хочет эту метлу, на которой ему запрещено кататься, — почему же она не прилетает сама собой из запертого сарая? А вот Аль почти всегда получал то, что хотел.

Впрочем, за этим уследить было несложно. Хуже было другое — Аль умел причинять боль другим людям, если пугался или злился. Однажды Минерва шлепнула его — сама потом забыла, за что, — и тут же почувствовала, как правую руку пронзает резкая боль, и рука немеет до плеча. Аль, правда, сам перепугался — жалел маму, гладил по голове…

Когда она рассказала об этом Тому, он посмеялся:

— Наследственность, что ж ты хочешь! В приюте я не переносил, когда меня били. Все воспитатели, которые на это решались, плохо закончили. Одна была особенно злая. Представляешь, я до сих пор помню ее имя — мисс Крэддок... Она ужасно больно била линейкой по рукам. А потом однажды поскользнулась в ванной и разбила голову о чугунный бортик. Ее нашли только часа через два, когда вода из незакрытых кранов уже залила пол-коридора. Вот так-то... Мне было тогда года четыре, кажется.

Да уж, наследственность та еще...

В один из редких визитов Тома Минерва оставила его ненадолго с Альбусом. Возвращаясь, услышала шипение. Альбус сидел на полу, в окружении своих кубиков, а Том устроился рядом, и они разговаривали на парселтанге... Точнее, судя по последовательности звуков, Альбус пытался разговаривать, а Том его терпеливо раз за разом поправлял.

Потом он взял руки Альбуса в свои и наклонился, разглядывая линии на ладонях. Минерва вздрогнула.

— Не делай этого!

— Почему? — удивленно спросил Том. Аль смотрел на маму обиженно — не мог понять, из-за чего она кричит.

А она и сама не знала, в чем причина. В голове вертелись смутные обрывки воспоминаний о словах Тома: «По-настоящему мне удавалась только хиромантия. Гадать по руке я всегда хорошо умел». Неизвестно, что Том с его безумным воображением может усмотреть в линиях судьбы Альбуса…

— Ты же знаешь, я не одобряю все эти глупости, — вслух и уже спокойно сказала она.

Альбус пока не знал, кем ему приходится Лорд, и был слишком мал, чтобы этим интересоваться. Должно быть, он принимал его за одного из сменявших друг друга охранников. Среди них у Альбуса были любимчики, которые наколдовывали ему воздушных змеев и играли с ним в лошадки. Лорд ничего такого не делал, поэтому Альбус всего лишь терпел его присутствие, постольку-поскольку.

О существовании старшего брата Альбус знал, но никогда его не видел. Мартин писал матери регулярно и присылал подарки — игрушки, яркие детские книжки... Но в письмах чувствовался холодок, а приезжать он больше не рвался. Видно, догадался, чей это ребенок. Не понимал, почему мать по-прежнему "водится" с Волдемортом, но и осуждать напрямую не хотел. Вот и предпочел уйти в сторону, тем более что ему сейчас было не до того. Примерно полгода назад Джордж добровольно сдал свою палочку, а взамен получил разрешение уехать с семьей в Америку к старшему сыну. Вот Мартин и занимался устройством МакГонагаллов на новом месте. Отданная палочка означала пожизненную невозможность колдовать, так что работать Джорджу было негде, и преподавательской зарплаты Мартина с трудом хватало на две семьи. Однако предложения Минервы послать денег он вежливо отклонял: "Спасибо, мама, не надо, у нас все в порядке"...

Из бывших коллег Минерве не писал никто, кроме Помфри и Шеклболта. Письма Кингсли были всегда деловыми — учебная

программа, новые статьи в «Трансфигурации сегодня», назначение очередного старосты Гриффиндора — и исключительно идейно выдержанными. Он ведь прекрасно понимал, что почта перлюстрируется. Но между строк Шеклболт умудрялся сообщить Минерве все, что могло ее интересовать.

В остальном Минерва была оторвана от мира. Правда, из газетных сообщений, какими бы скупыми и искаженными они ни были, она сумела сделать вывод, что Орден продолжает действовать, причем с размахом, а его лидеры постоянно перемещаются, оставаясь неуловимыми. Иногда властям удавалось нанести ответный удар — убили Аластора Моуди, арестовали Вэнс... В таких случаях ей становилось мучительно стыдно. Они сражались. А она их предала. Пускай не совсем по своей воле — она прекрасно понимала, что охрана на острове не только для того, чтобы ее защищать, но и чтобы предотвратить бегство из клетки. И все-таки... Она жила с врагом, она родила ребенка от врага, она до сих пор почти ничего не сделала, чтобы остановить врага.

Однажды в конце сентября — Альбусу уже было больше трех лет — Минерва повела сына на маяк, наложив чары рассеивания внимания на сторожа. Оттуда сверху было видно море, далеко-далеко, а еще весь остров и даже туманную линию материка. Потом они гуляли по песчаному берегу; временами Аль присаживался на корточки и, пыхтя, собирал ракушки или пытался выдрать из песка кустик травы.

Вечером объявился Том и остался ночевать. В последнее время он часто так делал, благо Аль теперь спал в своей комнате и не мог увидеть и услышать того, что не полагается знать детям.

Поздно ночью, когда Минерва уже засыпала, положив голову на плечо Тома, ему вдруг захотелось поговорить, и он с полчаса рассказывал ей о предстоящей кампании против коррупции в Министерстве.

— Фадж пойдет в Азкабан, а с ним еще человек двадцать. Я готов закрыть глаза на взятки и воровство, пока это в разумных пределах, но Фадж зарвался… Верхушку любой администрации вообще полезно время от времени срезать, как подсохшую корку с пирога. А чтобы хватило места в Азкабане, амнистирую с десяток политзаключенных. Так сказать, брошу кость Ордену Феникса перед переговорами…

— Какими переговорами? — Минерва подняла голову и насторожилась.

— Они состоятся через два дня. Посредники готовили встречу больше года.

— Хм… А что тебя подвигло?

— Мы достигли равновесия. Орден понес сильные потери, у них выбили почти всех "стариков", осталась одна неопытная молодежь. Но их плюс в том, что они все еще на свободе и наносят точечные удары. А у нас хватает других дел. Я не могу половину людей отвлекать на борьбу с ними. Вдобавок орденцы мобильны и скрываются, а мы на виду. Идеальный вариант для террористической войны. Мы ведь сами этим занимались, так что мне ли не знать, что это все может тянуться и десять лет, и двадцать...

— Почему они решили пойти на соглашение?

— Они тоже измотаны, так что хотят попробовать договориться. Предлагают зарыть топор войны в обмен на послабления для маглорожденных, освобождение политзаключенных и так далее.

— Кто идет на переговоры с той стороны?

— Лили Поттер. Последние пару лет она у них что-то вроде лидера. Говорят, у нее сильный характер, потому что и собственный муж, и его приятель, Сириус Блэк, ее слушаются.

— Лили, Лили… Эванс?

— Да. У нее, кажется, такая девичья фамилия. Кстати, интересная семья эти Поттеры. Столько лет вести жизнь подпольщиков, с маленьким ребенком на руках… Их сын — Гарри, или как-то так, — тоже родился 31 июля, но на два года старше Альбуса. Забавно, да? Я бы хотел посмотреть на Поттеров поближе.

— Зачем?

Он не ответил.

— Ты вправду готов договариваться?

— Еще не знаю. Я думаю... Такой шанс накрыть всю верхушку разом под видом переговоров... Пока даже не знаю, что лучше.

— Ты думаешь, они сами этого не понимают и никак не подстрахуются?

— Разумеется, понимают. Они и решились-то лишь на условиях обмена заложниками. Пятеро от них, пятеро от нас. Для гарантии. Только добровольцы, это оговорено в магическом договоре. Если будет попытка ареста или еще что-то, заложников казнят.

— Ты готов с такой легкостью пожертвовать своими людьми?

— Ценными — нет. Но всегда есть проштрафившиеся, кого все равно не жалко.

— Как же добровольность?

— Ты помнишь, что было с тобой, когда я только-только поставил тебе метку? Эйфория... Я тогда серьезно прислушался к твоим словам и слегка усовершенствовал заклятие. Сейчас те, кто

получает метку, в первые дни готовы со слезами счастья броситься ради меня в огонь. Так что...

— Ты считаешь орденцев идиотами? Думаешь, они не догадаются, что ты пошлешь тех, кто не нужен?

— Ну, сами-то они тоже не пошлют в заложники лучших из лучших. Да и выхода у них особо нет. Либо они рискнут сейчас, либо будут ждать, пока мы все-таки соберемся с силами и окончательно их раздавим...

* * *

Весь следующий день Минерва напряженно думала. У нее не было способа связаться с кем-то из Ордена. Ее сов по-прежнему проверяли, патронус слишком бросался в глаза... Если бы была какая-то парная вещь, чтобы один аналогичный предмет находился у нее, а другой — у кого-то из Ордена, можно было бы наложить протейные чары и надеяться, что они сработают...

И тут ее озарило. А почему обязательно — вещь?

Всю ночь она просидела над справочниками, выводя формулу заклятия. Опыт создания систем связи в лаборатории Тома очень даже пригодился. Конечно, шанс был очень невелик, формула получилась громоздкой, а в "свернутом" виде выглядела и вовсе непроизносимо — но рискнуть стоило.

Утром, разбудив Альбуса, она подождала, пока он съест яичницу и выпьет молоко, потом усадила на стул и сказала:

— Смотри мне в глаза и не дергайся.

Затем коснулась его палочкой и произнесла старательно заученный набор звуков.

Аль удивленно смотрел на нее и моргал. Потом стал вертеться, и Минерва уже подумала, что ничего не получилось. Как вдруг Аль испуганно поднял на него глаза — его рот сам собой открылся и произнес совершенно чужие слова:

— Ну, конечно, я знаю, где твоя палочка. Я ее съела. Как это «не смешно»? А по-моему, очень смешно! Джеймс, когда ты научишься следить за своей палочкой и не совать ее куда попало?!

Аль, кажется, собирался заплакать с перепугу. Минерва схватила его в охапку и быстро заговорила, почему-то на ухо:

— Лили! Лили! Вы меня слышите?

Пауза.

— Гарри, ты что?!

— Лили! Послушайте меня! Это говорит Минерва МакГонагалл...

Она принялась торопливо объяснять, в чем дело, не ожидая, пока Лили начнет задавать вопросы. Модифицированные протейные чары... У них обеих дети родились в один и тот же

день, так что есть хоть какая-то зацепка, аналог, необходимый для заклятья... Нет, конечно, поправки на широту и долготу вводятся, естественно... Это всего на четверть часа — никто ведь не знает, как скажется на ребенке, что из него сделали такой оригинальный вариант камина... Есть важное дело, о котором нужно поговорить...

Альбус тем временем развлекался, пытаясь говорить одновременно чужим голосом и своим, так что Минерва временами ничего не могла разобрать.

Но все же они договорились. Ровно за четверть часа.

Утром на следующий день она оставила Аля на попечение матери и Тилси. Оделась и отправилась погулять, как обычно, по берегу. Пройдя по длинной галечной косе, споткнулась и упала. Попыталась встать, но тут же со стоном рухнула обратно, глядя на жутко распухшую ногу.

Охрана обычно не вмешивалась в жизнь подопечных, но в этот раз, видя, что Минерва не поднимается, охранник подошел ближе, скидывая разиллюзионное. Это был Джагсон.

— Профессор, вам помочь?

— Нет, — ответила она и слегка двинула палочкой, спрятанной в рукаве.

Невербальное империо...

Минерва знала, что они все умеют сопротивляться. Но за столько лет преподавателем в Хогвартсе она все-таки чему-то научилась...

Джагсон слегка моргнул и остановился.

— Сколько всего сейчас охраны?

— Только я, профессор. Рэнди заболел, так я пока один, а то меняться — такая морока... Вы только Лорду не говорите, хорошо?

Она вздохнула. Джагсону, конечно, не поздоровится, когда Лорд узнает...

— Хорошо. Послушай. Сейчас ты постоишь здесь и посмотришь на море. Ты меня не видел. Ладно?

Он кивнул.

Когда он отвернулся, Минерва аппарировала.

Обусловленное место встречи находилось на юге Англии — здесь было заметно теплее, моросил легкий дождь. Ее встретил молодой темноволосый мужчина в щегольской шляпе-тирольке. Она вспомнила его по школьным годам. Дедалус Диггл… Да, он всегда отличался пристрастием к дурацким шляпам...

Минерва честно, как полагалось по договору, отдала свою палочку и отправилась вслед за Дигглом в магловский дом, где содержались заложники. Двое были совсем молодые, еще почти

мальчишки. Чем же они-то проштрафились? Из остальных она узнала Ранкорна — кажется, Том упоминал, что тот недавно провалил важное задание, — и Селвина.

Оглядев всех пятерых, она выбрала младшего.

— Слушай меня. Ты сейчас выходишь отсюда и аппарируешь. Я займу твое место.

Мальчишка смотрел на нее непонимающе.

— Профессор, — вмешался Ранкорн, — а что вы-то тут делаете?

— Неважно, — отрезала она. — Такова воля Лорда.

— Но я... — пытался сопротивляться мальчишка.

— Это приказ, — сказала она ему и, бесцеремонно согнав его, заняла его место.

Время тянулось мучительно медленно, словно застыло на месте. Комната была скучная, обставленная разрозненной магловской мебелью. Здесь была всего-то пара книг и несколько магловских газет, так что заняться было почти нечем. Заглянул светловолосый пухлый паренек — Питер Петтигрю, — чтобы спросить, не хочет ли кто-то чаю или поесть. Минерва хотела было с ним поговорить, но он как-то странно покосился на нее и быстро ушел, словно чего-то боялся.

Чуть позже зашел Ремус Люпин. Со школьных времен он сильно изменился — исхудал и выглядел очень измученным. Или все дело в том, что полнолуние было уже совсем скоро?

— Профессор, вы хорошо понимаете, что делаете? — спросил он тихо. — Я не знаю, зачем вы с Лили пошли на это...

— Поверь, Рем, я все отлично понимаю. И это не может считаться нарушением договора. Общее число заложников сохранено, все пятеро добровольцы.

— А что скажет... он?

— Не знаю, — устало сказала она. — Да и какая разница?

Ремус бросил взгляд на часы и сказал:

— Теперь уже действительно никакой.

Минерва посмотрела туда же.

Одиннадцать утра.

В эту самую минуту в Хогсмиде, мимо охраны в масках, в паб "Кабанья голова" входила Лили Поттер, смертельно бледная, но спокойная. Зал, где для такого случая даже подмели и протерли пыль, был ярко освещен. Лорд поднялся из-за стола, подождал, пока Лили сядет, и потом занял свое место.

Хогсмидские переговоры начались.

Минерва смотрела на сидящих с ней за одним столом и думала, что Лорду наверняка уже доложили о ее эскападе... Станет ли он теперь рисковать? Арестовывать Лили, зная, что это

может бумерангом ударить по нему самому? Хотя, возможно, она слишком хорошо оценивает его отношение... Если Том будет очень зол, то пожертвует всеми.

Решение, казавшееся таким правильным вчера, сейчас предстало в ее глазах невероятной глупостью.

Впрочем, что об этом думать. Жребий брошен.

Остальные то отмалчивались и делали вид, что спят, то вдруг вскакивали и принимались метаться по комнате. От томительно тянувшегося времени сдавали нервы. Ремус принес блюдо с сэндвичами — никто к ним даже не притронулся. Ранкорн курил одну сигарету за другой. За окном пошел дождь. Он монотонно стучал по подоконнику, а в комнате под потолком плавали клубы сигаретного дыма.

Через несколько часов уже и сэндвичи пошли в ход. Селвин мрачно листал магловскую газету. Потом Ремус включил телевизор. Близко к нему подходит не стоило — по экрану начинали идти помехи, — но все же стало как-то веселее. По телевизору показывали мультики про кота Тома и мышонка Джерри. В том, что главного героя-кота зовут так же, как Лорда, не было ничего смешного, но от нервного напряжения все смеялись чуть ли не до слез.

Потом стемнело, а все еще ничего не происходило. Все сидели и тупо пялились в экран. Мультики закончились, начался фильм про любовь. Минерва задремала на диване, укрывшись пледом.

Переговоры шли уже почти десять часов...

Ремус не появлялся. Луна была уже почти полная, так что с наступлением темноты он, видимо, запирался в подвале.

Наконец дверь открылась так резко, что ударилась с грохотом о стену. На пороге стоял Диггл. Минерва, вскочив, машинально попыталась нашарить палочку. Только потом вспомнила, что отдала ее.

У Диггла был какой-то странный взгляд. Неужели что-то пошло не так, и теперь..?

Внезапно его лицо странно искривилось, словно он пытался улыбнуться. Потом после секундного колебания продемонстрировал заложникам бутылку кроваво-красного вина и неловко спросил:

— Кто-нибудь хочет? Давайте на посошок — и по домам...

За окном загрохотало — во дворе дома кто-то выпускал фейерверки.

Десять минут назад в пабе "Кабанья голова" Лили Поттер с покрасневшими от усталости глазами и Темный Лорд с пятнами от чернил на манжетах поставили подписи под окончательным

вариантом Хогсмидских соглашений.

Война закончилась.

Эпилог

Она вернулась домой. Там все было тихо, спокойно, мирно. Аль возился с летающим корабликом. Кораблик был деревянный, а паруса из вылинявшего золотого шелка. Старый, поцарапанный — когда-то с ним еще Мартин играл. Мама вязала у огня, Тилси в кухне мыла посуду...

— Где ты была весь день? — спросила мама, сдвигая очки на кончик носа. — Тебя искали. Тони приходил, какой-то нервный...

— Да так. Ходила прогуляться.

Ну, вот и все.

Оставалось только ждать, и она ждала, сидя на стуле и сложив руки на коленях. Мыслей не было никаких. Только сильная усталость.

Попросила Тилси уложить Аля спать. Не было сил даже подняться.

Потом и мама ушла. Стало совсем тихо, лишь тикали часы и потрескивал огонь в камине.

В сказках в такое время из пламени появляются феи или чудовища.

Том пришел около полуночи. Минерва не слышала хлопка аппарации — он словно сам по себе появился в дверном проеме и стоял, глядя на нее. Глаза у него были темные-темные — а может быть, просто так падала тень.

Она даже не двинулась с места, чтобы поцеловать ему руку. Какая уж теперь разница... Напоследок можно и без политеса.

Потом он прошел мимо нее и сел в кресло. С досадой передернул плечами.

— Спина болит...

Потом посмотрел ей в глаза:

— Если бы мы встретились сегодня утром, через минуту ты была бы уже мертва. На твое счастье, я успел успокоиться, так что готов даже выслушать напоследок твои оправдания… Ну? Что ты мне скажешь?

Она не ответила. Что уж говорить...

— Только не думай, что я буду тебя пытать, — устало сказал он. — Или накладывать круцио. Я же не алкоголик, чтобы, напившись, круциатить свою сожительницу... Вульгарно.

Ну и ладно. Значит, все будет по крайней мере быстро и не больно.

— Ты дура, Минни, — сказал он вдруг. — Такая же абсолютная, безмозглая, прямолинейная дура, как все гриффиндорцы. Хотя нет. Это несправедливо. Знаешь, мне очень

понравилась Лили Поттер. У нее такая деловая хватка... Как она торгуется! Ей следовало бы учиться в Слизерине. Не будь она грязнокровкой, я бы даже попытался переманить ее на свою сторону.

Минерва не ответила.

— Кстати, я очень доволен итогами, — сказал Том, со вздохом откидываясь на спинку кресла. — Пришлось, конечно, пойти на некоторые уступки. Зато что теперь начнется в Ордене! — он улыбнулся. — Конечно, далеко не все там согласны с Лили. Собственный муж и Блэк ее поддерживают, но вот остальные могут решить, что она переметнулась к врагу. Сейчас начнется раскол, орденцы замечательно передерутся между собой и тем избавят меня от хлопот.

— Так вот для чего все затевалось? Разделяй и властвуй?

— Не только. Я действительно хотел договориться. Там немало чистокровных волшебников, а я не хочу больше зря проливать их кровь. Впрочем, это неважно... Речь сейчас о тебе. Ты думаешь, я заранее не знал, как ты поступишь? Считаешь, что я просто так проболтался о переговорах? Это была проверка, Минни. Проверка на... считай что на преданность. Но ты ее не выдержала.

Она молчала.

— Да низлу же было ясно, — зло сказал Том, — что ты немедленно кинешься жертвовать собой. Вас, гриффиндорцев, хлебом не корми, дай совершить бессмысленный, но героический поступок. Но я все-таки надеялся, что ты поумнела за эти годы... Однако же ты с готовностью поступила именно так, как я ожидал. Ты меня предала. Это не обвинение — просто констатация факта. Кстати, сколько раз ты меня предавала, Минни?

— Не знаю.

— Точно больше трех. А уж сколько раз я сам себя предавал... Но это к делу не относится. Так вот, несмотря на то, что ты меня предала, я готов дать тебе еще один шанс. Я хочу предложить тебе стать директором Хогвартса.

— Что?!

Вот уж этого она никак не ждала.

— Все просто. Слагхорн уже не в состоянии занимать эту должность. Он утверждает, что стар, болен, устал, но на самом деле он просто боится. Так что решил подать в отставку. Я, конечно, могу приказать ему остаться — но из него и вправду отвратительный директор. Он собственным-то факультетом никогда не интересовался, не говоря уже о всей школе. Так что с Рождества мне будет нужен новый директор. Я хочу, чтобы им стала ты.

— Я не понимаю тебя. Еще несколько часов назад ты был готов меня убить. Сейчас предлагаешь мне стать директором школы. Где логика?

— Никакой логики, — согласился он. — Просто я так хочу. Считай, что я стал сентиментален на старости лет и не смогу поднять палочку на бывшую невесту.

— Не верю.

— Я тоже, и что? Придумай другое объяснение, если это не нравится.

Она смотрела на него, пытаясь угадать, что Том на самом деле задумал.

— На каких условиях я стану директором?

— Ни на каких. Я дам тебе свободу действий. Даже не буду вмешиваться в твои дела.

— А если я откажусь?

— Тогда все-таки придется тебя убить, — обыденно ответил он. — Мне надоело, что ты раз за разом не выполняешь мою волю. У всякого терпения есть предел, Минни, а я и так не самый терпеливый человек в этом мире.

Она прикрыла глаза. Настоящие мотивы Тома все еще были непонятны, но особого выбора у нее и вправду не было. Аля придется оставить с матерью, его нельзя будет взять в Хогвартс...

— Нет, — сказал Том. — Он будет жить со мной.

— Аль — с тобой?! В Ставке?

— Зачем? Сейчас не военное время, и я собираюсь оттуда перебраться. У меня есть дом в Дербишире, причем заметь — я честно купил его. Не отобрал, а купил, еще и заплатил налог. Темный Лорд ведь должен подавать пример исполнения законов, правда? — он рассмеялся.

— Но если я буду в Хогвартсе...

— Не беспокойся, за Алем будет кому присмотреть. У меня есть эльфы, а по вечерам я теперь бываю дома — война закончилась, работа Министерства налажена, и появилось свободное время.

— Но...

— Ты боишься, что с ним что-то случится? Минни, если бы я хотел от него избавиться, то не стал бы ждать три года.

Она лихорадочно пыталась найти какие-нибудь аргументы. Пускай самые нелепые.

— Том, это ребенок, а не твой подчиненный. Ты не умеешь с ними обращаться.

— Умею, если захочу. Поверь, я ничего плохого с ним не сделаю. Я не собираюсь запирать его в подвале или избивать, если ты об этом. Во-первых, это дурной тон, во-вторых, я

прекрасно знаю, какая у него стихийная магия. У меня была такая же. Я еще не хочу проверять, насколько я бессмертен.

— Том, — она сделала глубокий вдох, — я же прекрасно понимаю, что у тебя есть какая-то цель. Ты никогда не хотел детей и никогда по-настоящему Алем не интересовался. Терпел его присутствие, вот и все. Зачем он вдруг тебе понадобился?

Лорд пожал плечами.

— Считай, что он мне интересен. Он похож на меня в детстве. Не как две капли воды, но... В конце концов, когда-нибудь нам все равно придется общаться. Лучше, чтобы он привык ко мне уже сейчас. Чего ты боишься? Что я воспитаю из него чудовище? Да ничего подобного. Скорее, он станет чудовищем *без* моего воспитания. Пойми, не пройдет и пары лет, как ты перестанешь с ним справляться. Онемевшая рука — еще цветочки, можешь мне поверить. У него потрясающие способности, он змееуст — ты никогда не имела дела с такими детьми. А я сам был таким. Я знаю, что будет дальше. Я когда-то наломал кучу дров, так что все будущие ошибки Аля вижу, как на ладони.

— Какая внезапная забота о сыне! Проснулись отцовские чувства?.. Том, я не отдам его тебе. Это исключено.

— Понимаешь, — сказал Том задумчиво, будто рассуждал сам с собой, — он все равно мне достанется. Конечно, жаль, если сначала придется убить его мать, но... Всегда можно состряпать правдоподобную сказочку на этот счет. Ты можешь быть мертва — а твой ребенок в моей власти. Или он все равно будет в моей власти, но ты будешь жива, станешь приезжать домой на каникулы и сможешь на что-то повлиять... По-вли-ять. Дамблдор, помнится, любил это слово.

— А как ты объяснишь, что у тебя появился ребенок? Или будешь по-прежнему прятать его от всех?

— Зачем же? Я открыто признаю его своим. Мы с тобой поженимся — задним числом, чтобы Аль официально был законнорожденным. В газетах напишут много статей о нашей романтической любви со школы и о том, как враги мешали нам соединиться, но ты все эти годы любила меня и, естественно, была предана моему делу. Образ идеальной семьи мне совсем не помешает. Для внешнего мира.

Да уж, семейка — идеальней некуда…

— Ты сейчас смотришь на меня с такой ненавистью... Я понимаю, что когда-нибудь ты попытаешься меня уничтожить, — обыденно сказал Том. — Может быть, тебе это даже удастся — чем черт не шутит? Я никогда не преуменьшал твоих талантов. Кроме того, простая вежливость требует, чтобы я дал тебе фору. Ты же все-таки леди, — он насмешливо склонил голову.

— Неужели не боишься держать при себе живую бомбу? Еще не наигрался?

— Можешь считать и так, — равнодушно ответил он. — А может, я сам тебя убью, если опять позволишь себе своевольничать. Честно предупреждаю.

— Спасибо за предупреждение. Тоже честно.

— Не за что. Мне нравится, когда между нами нет недомолвок.

— Тогда скажи, зачем тебе Аль. Прошу.

— Пока не знаю, — сказал Том и поднялся. — Ладно, Минни, я устал от этого разговора. Все уже сказано, так что... У тебя есть время до утра. Выбирай.

Когда он ушел, она еще долго — может быть, час, а может быть, два — сидела и думала. Она не понимала смысла всей этой затеи. Аль был зачем-то очень нужен Тому, раз тот вдруг захотел держать ребенка под своим присмотром. Почему? Что здесь скрыто такое, чего она не знает?

У нее даже не отняли палочку… Собственно говоря, у нее было сейчас два выхода. Первый — уйти на Авалон, если только самоубийцы могут туда попасть, и забрать с собой Альбуса. По крайней мере, это обезопасит его от Тома…

Может быть, Том именно на это и рассчитывал. Минерва не сомневалась, что он не в восторге от существования Аля. Но, должно быть, по каким-то причинам не хотел убивать его сам или поручать это кому-то, предпочитая сделать это руками его матери. Может, из суеверия, чтобы не повторить ненароком судьбу собственного отца, по которому ударил рикошетом вред, причиненный младенцу…

Второй выход означал согласие с предложением Тома. Здесь тоже все было неопределенно. Рано или поздно она ведь действительно дойдет до попытки его убить — а если нет, он начнет ее провоцировать, потому что ему станет скучно и надоест ждать. Для него это безопасная игра, он ведь бессмертен.

У нее оставался только один шанс – попытаться выяснить, в чем секрет его бессмертия, и есть ли он вообще, до того, как наступит решающий момент. В Хогвартсе остался портрет Дамблдора. Как бы тщательно его ни заколдовывали, она же не зря столько лет преподавала трансфигурацию. Может, она найдет способ как-то с ним поговорить, узнать, о чем он успел догадаться перед смертью, получить подсказку…

Но для этого в любом случае придется пожертвовать Алем, оставив его во власти Тома. Неизвестно, чем Том его научит. И Альбус — идеальная кандидатура в заложники, чтобы она, Минерва, хорошо себя вела… Как бы она ни поступила, ребенок

все равно оказывается под ударом.

Куда ни кинь, везде клин.

Может, и вправду обрубить одним махом все концы?..

Том сумел в очередной раз загнать ее в ловушку. Дамблдор любил говорить, что нужно уметь не ошибиться, выбирая между простым и правильным… Но в жизни выбор бывает исключительно между сложным и сложным. Или между неправильным и неправильным.

Давай, старайся. Выбирай... Помни только — что бы ты ни выбрал, скорее всего, ошибешься. Мы же никогда не знаем всех последствий своих поступков.

Она выбрала.

* * *

Дом был не очень большой и старый. В таких местах чувствуется медленное течение времени. Потемневшие стены, нагретая солнцем дорожка, запах осенних листьев. Западная стена поросла диким виноградом. На каменной ограде грелась, свернувшись кольцами, алая с черными пятнами змея.

Несколько окон на втором этаже были открыты. В саду эльфы деловито сгребали листья в кучу. Рядом с оградой воздух едва заметно подрагивал — значит, там охрана под разиллюзионным.

Ведя за руку Альбуса, с любопытством озиравшегося вокруг, Минерва прошла к входной двери. Та распахнулась, будто сама собой. В холле на каменных плитках пола лежали полосы солнечного света из окон. Том в темной мантии ждал их в глубине холла, склонив голову набок.

Аль остановился, глядя настороженно и исподлобья.

— Ну, вот, — сказала ему Минерва. — Это твой отец. Подойди к нему. Поцелуй ему руку. Называй его "милорд".

The end